

КОГДА-ТО В ЭТОМ ГОРОДЕ ЦАРИЛИ МИР И БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, СЛОВНО В ТИХОЙ ГАВАНИ, ПОКА ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ПРЕСТУПНОГО СИНДИКАТА НЕ НАКРЫЛА ЕГО. ПОДОБНО ЯДОВИТОМУ ПЛЮЩУ, ЭТА ПОРОЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЛЕЛА СВОИМИ ЩУПАЛЬЦАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ДАЖЕ ПОЛИЦИЮ. ГОРОД ПРЕВРАТИЛСЯ В АРЕНУ БЕЗУДЕРЖНОГО НАСИЛИЯ, ГДЕ СТРАХ СТАЛ ВЕРНЫМ СПУТНИКОМ КАЖДОГО ЖИТЕЛЯ.

НО ВО ТЬМЕ ХАОСА ЗАЖГЛАСЬ ИСКРА НАДЕЖДЫ: ГРУППА ОТВАЖНЫХ МОЛОДЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПОКЛЯЛАСЬ ВЕРНУТЬ ГОРОДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. В ИХ ЧИСЛЕ БЫЛИ АДАМ ХАНТЕР, АКСЕЛЬ СТОУН И БЛЕЙЗ ФИЛДИНГ – ГОТОВЫЕ БРОСИТЬ ВЫЗОВ ТЬМЕ, РИСКУЯ ВСЕМ, ДАЖЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СВОЙ ГОРОД ОТ ПРЕСТУПНОЙ ЧУМЫ.

ОНИ ВЫШЛИ ... НА УЛИЦЫ ЯРОСТИ

АКТ ПЕРВЫЙ
ПОРОГ ЛЕБЕДЯ

– ПРОЛОГ –

В двенадцати милях от Лос-Анджелеса, Калифорния. 17 марта 2012 года

Офицер Аксель Стоун ощутил лёгкий рывок, а его верный "Форд" вдруг стал хромать на переднее правое колесо. Может, проклятая шина спустила, а может, и амортизатор выкинул очередной фортель.

Или, быть может, дорожники опять схалтурили, и автогрейдер оставил на обочине коварную ловушку. Так или иначе, машину слегка повело вправо. Аксель нахмурился, инстинктивно корректируя курс.

Усталость тяжёлым грузом давила на плечи.

В радиации что-то булькнуло, прорвавшись сквозь тишину шипением статики, и в эфире возник голос Адама Хантера.

"Придётся мне все-таки разориться на это корыто. Заправлю машину у Келли, а не то пешком пойду," – донеслось до Акселя.

– Если надумаешь, советую из своего кармана платить, – отозвался Аксель.
– Так будет проще объяснить капитану, почему ты забыл заправиться.

"Я думаю..." – начал Адам, и его голос вдруг оборвался, словно кто-то перерезал провод.

"Связь прерывается," – сказал Аксель в микрофон. – "Не слышу тебя."

Адам патрулировал на 44-м юните, печально известном своим проблемным бензобаком. Вечно что-то случалось с топливным насосом. Машина больше времени проводила в ремонте, чем на дороге, и, казалось, ни один механик не мог её по-настоящему починить.

Тишина. Лишь шипение статики. Снова тишина. Рулевое управление, казалось, пришло в норму. Похоже, с шиной всё в порядке.

Возможно... И тут рация ожила снова.

"Я этого сукина сына поймаю," – с клокочущей яростью прорычал Адам. "Уж тогда..."

И снова голос Адама утонул в эфире, оставив Акселя в звенящей тишине.

– Не слышу тебя, – повторил Аксель в микрофон. – Адам, пропадает связь.

Ничего необычного. В Калифорнии хватало мест, где радиосигнал пропадал по самым разным причинам. Аксель полагал, что виной тому горные хребты, окружающие Лос-Анджелес, создающие "мёртвые зоны", но у его коллег было немало собственных теорий. Как бы то ни было, зоны эти были небольшими, и он был уверен, что скоро их минует.

В свои двадцать лет Аксель Стоун был молод и полон энергии, хотя и не отличался богатым опытом. Но он вырос здесь, в Калифорнии, прожил здесь всю свою жизнь и считал, что знание местности делает его более эффективным полицейским, чем любого новобранца, прибывшего из другого города или штата.

Чёрный пояс по нескольким видам боевых искусств тоже придавал ему уверенности, хотя формально ему было запрещено применять их во время несения службы.

Он был полицейским чуть меньше двух лет, окончив Полицейскую академию Лос-Анджелеса в 2010 году с красным дипломом. Но за эти два года патрулирование превратилось в рутину, серые будни поглотили его. Однако в душе он хранил искру надежды, мечтая когда-нибудь подняться по карьерной лестнице и оставить свой след в этом мире, изменить его к лучшему.

В памяти всплыли слова отца, сказанные когда-то давно: "Молодость – это время возможностей, когда перед тобой расстилается целый мир".

И тут сквозь эфир пробился голос Адама Хантера. Сначала – лишь слабый шёпот.

"Это его машина", – донеслось до Акселя. Или грузовик? Пикап? Неужели Адам сказал именно так?

Внезапно помехи рассеялись, и Аксель услышал довольный, почти триумфальный смех Адама.

"На этот раз он от меня не уйдёт", – выдохнул тот.

Аксель схватил микрофон.

– С кем ты связался? – спросил он, чувствуя нарастающее беспокойство. – Адам, тебе нужна подмога?

"Я покажу ему, где раки зимуют", – словно сквозь зубы процедил Адам. По крайней мере, Акселю так показалось.

Связь снова оборвалась, утонув в шипении и треске.

- Не слышу тебя, - прокричал Аксель, пытаясь перебить помехи. - Тебе нужна помощь?

Сквозь хаос эфира Адам, казалось, пробормотал короткое "нет". И снова этот жуткий смех.

- Увидимся у Келли, - бросил Аксель, надеясь хоть как-то достучаться до напарника. - Твоя очередь платить.

В ответ - лишь зловещая тишина, нарушаемая лишь белым шумом эфира.

Аксель вздохнул. Легкое беспокойство за Адама кольнуло сердце, но тревога не разрасталась. Аксель знал, что друг не обделен умом и умеет за себя постоять.

Адам Хантер был больше, чем просто приятелем, - лучшим другом со времен полицейской академии. Бесчисленные часы, проведенные бок о бок в стрелковом клубе, оттачивая мастерство владения револьвером, изнурительные тренировки по лёгкой атлетике, бассейн, спортзал, зал для похудения - они вместе ковали себя в огне соперничества и дружбы.

Два года спустя, получив значки и разлетевшись по разным концам города, они по-прежнему находили время для встреч, за чашкой кофе делясь новостями и переживаниями.

В этот вечер их выбор пал на заправку «У Келли» - скромный островок торговли в Помоне. Маршрут был обговорен заранее: Аксель двигался на юг через Азузу, а Адам - на восток от Сан-Габриэля, планируя прибыть на пятнадцать минут раньше.

Но, похоже, теперь Акселю предстоял арест. Своеобразный паритет.

Молния пронзила свинцовое небо. Сумерки стужались, подгоняемые надвигающейся грозой. Аксель свернул со скоростной трассы на шоссе 215, и, съехав на улицы, окружающие Помону, не увидел ни единого лучика фар, только багровые отголоски угасшего заката. Патрульная машина скользнула мимо бензоколонок W. Kelly's, и Аксель припарковался за зданием магазина. Место, где обычно стоял 44-й, было пусто. Он окинул взглядом парковку: три видавших виды пикапа и синий седан «Шевроле».

Седан принадлежал новой вечерней продавщице из «Трейд пост». Симпатичная девушка, дочь владельца, имя которой упорно не всплывало в памяти Акселя. Где же Адам? Неужели и вправду схватил вооружённого преступника? Или у старого 44-го полетел топливный насос?

Внутри Адама тоже не было. Аксель кивнул девушке, погруженной в чтение у кассы. Она одарила его застенчивой улыбкой. Как же её звали? Джуди? Джуно? Что-то похожее. Дочь Уилсона Келли, владельца небольшой заправочной франшизы. Светловолосая, стройная и безусловно привлекательная.

В кофейнике плескалось больше половины, что вселяло надежду. Аромат бодрил. Он сорвал со стойки пластиковый стаканчик за два бакса, наполнил и, прикрыв глаза, сделал первый глоток.

"Неплохо," – промелькнуло в голове.

Взгляд упал на заветную упаковку с двумя шоколадными "Твинки". Идеальное дополнение к утреннему кофе.

У кассы он протянул блондинке мятую пятидолларовую купюру.

– Слушай, офицер Хантер не заглядывал? Помнишь его? Такой коренастый, темнокожий. Ужасный коп.

– По-моему, он милашка, – ответила девушка, одарив Акселя лукавой улыбкой.

– Может, тебе просто нравятся парни в форме? – поддел он, гадая, как же её зовут.

– Не все, – парировала она. – Это зависит от обстоятельств.

– Типа, если они арестовали твоего бойфренда? – пошутил Аксель. Замужем она не была. Это он помнил точно.

– У меня нет бойфренда, – отрезала она. – Сейчас нет. И Адама сегодня не было.

Она протянула сдачу, прикрывая рот рукой, хихикнула.

Акселю показалось, что он уже отвык от девиц, хихикающих ему в лицо. Но у неё были огромные, васильковые глаза, пушистые ресницы и фарфоровая кожа. Флиртовать она умела, это факт.

– Может, он сейчас скручивает какого-нибудь отморозка, – предположил он.
– Что-то такое по рации слышал.

Он заметил, что она ошиблась в расчёте на десять центов, и это снова вызвало её хихиканье.

– Лишние деньги, – сказал Аксель, протягивая ей монетку. И тут его осенило. Её звали Джоди. Джоди Келли.

Джоди зарделась, что было невероятно мило.

– Ой, это я виновата, – пролепетала она. – Спасибо. Папа бы меня прибил, если бы узнал, что я деньги раздаю направо и налево.

– Он у тебя строгий, да? – спросил он, желая поддержать беседу.

Джоди вздрогнула.

– Даже не думай об этом, – отрезала она.

Аксель допил остывший кофе и бросил взгляд на часы, словно пытаюсь поторопить время. Где же Адам?

Дверь кафе звякнула колокольчиком, пропуская внутрь женщину средних лет. Синяя лента удерживала непокорные пряди волос.

Она расплатилась за бензин, посетовав на грабительские цены, и завела с Джоди непринужденную беседу о концерте в местной школе. Аксель машинально заказал ещё чашку, чувствуя, как нарастает раздражение.

В дверях появились двое хихикающих подростков, а следом за ними – пожилой мужчина в наивной футболке с надписью «Не волнуйся, будь счастлив».

Ещё одна женщина, ровесница Джоди, вошла в кафе, и одновременно с этим за стенами прогремел раскат грома, словно предвестие. Девушки разразились смехом, не обращая внимания на надвигающуюся бурю.

Аксель снова взглянул на часы. Стрелки предательски тянулись. Адама всё не было.

Он вышел на улицу. Влажный ветер, пропитанный запахом грядущего дождя, хлестнул по лицу. Аксель, подгоняемый внезапной тревогой, поспешил за угол, в полумрак, окружавший торговый центр. В машине, словно ища поддержки, включил радио, отчаянно пытаюсь связаться с Адамом. Тишина. Сорвавшись с места, он с пробуксовкой вылетел на дорогу, что было совсем на него не похоже. Как и это липкое, необъяснимое чувство опасности. Включив сирену и мигалку, он вдавил педаль газа в пол.

Минуты тянулись мучительно долго, пока он мчался в сторону Сан-Габриэля, вглядываясь в лица водителей, проплывающих мимо.

Начался дождь. Крупные, тяжёлые капли забарабанили по лобовому стеклу, постепенно перерастая в яростный ливень. Широкая, ровная дорога, с девственно белой разметкой, казалась насмешкой. Дворники захлёбывались, не справляясь с потоком воды. Аксель снизил скорость, прислушиваясь к монотонному стуку капель по крыше. Обычно дождь вызывал у него восторг – животный, первобытный инстинкт, пробуждающийся от редкого явления калифорнийской природы. Сейчас же эта радость была отравлена беспокойством и зарождающимся чувством вины.

Что-то задержало Адама. Он должен был отправиться на поиски, как только замолчало радио. Но, вероятно, ничего серьёзного. Неполадки с машиной. Вывихнул лодыжку, преследуя хулигана в темноте. Ничего, с чем нельзя справиться.

Молния располосовала небо, высветив шоссе, блестящее от дождя и зловеще пустынное. Вспышка на миг выхватила из тьмы силуэты зданий и пальм, дрожащих под натиском стихии.

Раскат грома, словно исполинский кнут, хлестнул по округе. Дождь, то стихая, то обрушиваясь с новой яростью, предвещал скорый шквал. Справа, мелькнув призрачным видением, белый джип пронёсся мимо перекрёстка, и вдали снова вспыхнул свет. Аксель невольно повернул голову. Звук доносился с пустой парковки, затерянной в лабиринте заброшенных складов. Он шумно выдохнул сквозь зубы. Облегчение. Наверное, это Адам.

Чувство вины, словно дурной сон, отступило.

На перекрёстке он сбавил скорость, всматриваясь в боковую дорогу. Огни должны быть желтыми, теплым маяком в бушующей ночи.

Но этот свет был зловеще красным. И он пульсировал, отсчитывая секунды до беды. Пожар.

— Чёрт! — вырвалось у Акселя. Он резко перестроился на вторую полосу, и патрульная машина, взвизгнув шинами, понеслась навстречу огню.

Юнит 44 стоял посреди парковки, развёрнутый носом к дороге. Из его кормы вырывались яростные, пожирающие языки пламени, шины горели с диким, нечеловеческим воем. Аксель резко затормозил, и машину повело на мокром асфальте. Не заглушив двигатель, он распахнул дверцу, сжимая в руке огнетушитель, пока машину неумолимо несло.

Вновь обрушился ливень, холодные иглы дождя хлестали по лицу. Затем его накрыло тошнотворное облако чёрного дыма, порожденного горячей резиной, маслом и обуглившейся обивкой салона. Стекло со стороны водителя было разбито. Аксель выпустил струю пены из огнетушителя, пробиваясь сквозь дым, и увидел тёмную фигуру Адама Хантера, безвольно склонившегося над рулём.

— Адам!

Аксель ухватился за дверную ручку, едва чувствуя обжигающую боль. Он распахнул дверь и на мгновение оказался в объятиях пламени. Отшатнулся назад, инстинктивно пытаясь сбить огонь с форменной рубашки.

— Адам! — вновь прокричал он, надрывая голос. Снова обрушив струю пены в салон, он бросил опустевший огнетушитель, просунул руку в дверной проем и с силой схватил полицейского за руку. Адам был мертвенно-неподвижен, зафиксированный ремнём безопасности.

Аксель, с остервенением нащупав застёжку, рывком расстегнул её, боль пронзила руку огнём, какой он никогда не испытывал. Они оба, Аксель и Адам, рухнули на спину под беспощадным ливнем. Лёжа, задыхаясь от едкого дыма, Аксель осознал — с рукой беда, а сверху, придавив его, безжизненным грузом лежал Адам Хантер.

Вдруг его опалило жаром. Рукав рубашки уже плясал в языках пламени. Превозмогая боль, Аксель выкарабкался из-под тела Адама и сбил огонь.

Адам, раскинув руки и ноги, словно сломанная кукла, лежал на спине. Аксель бросил взгляд, полный ужаса, и тут же отвернулся. Схватив

огнетушитель, он принялся яростно обрызгивать тлеющие очаги на брюках офицера.

Когда пена из баллона иссякла, Аксель выдохнул. — Работает на газу, — прохрипел Адам. — Повезло. — Аксель, видевший немало горящих машин, знал, что бывает, когда огонь добирается до полного бака.

Проверив пульс — слабый, едва ощутимый — Аксель прислушался к дыханию Адама. Хрипы, неровные, прерывистые.

Жив... но на волоске.

Прежде чем боль от собственных ожогов успела захлестнуть его, Аксель сорвал с плеча рацию и сбивчиво позвал капитана Уиндама, умоляя о немедленной помощи.

— Мне срочно нужна скорая! — выпалил Аксель. — Возможно, он ранен... Кажется, я вижу кровь на его рубашке. Спереди... и сзади тоже.

Капитан Уиндэм утопал в трясине бесконечных бумаг. Не отрываясь от них, пока говорил Аксель, он схватил рацию.

— Оставайся с ним, Аксель, — голос Уиндэма был сухим и деловитым. — Там уже три группы выехали, и скорая в пути. Кровь ещё свежая?

Аксель окинул взглядом свою руку, поморщившись от жгучей боли.

— Да, сэр.

Клочок кожи отклеился от ладони, обнажая кровоточащую плоть. Он машинально подумал, что это была дверная ручка... проклятая дверная ручка. Казалось, огонь выжигает его до костей.

— Ты больше никого поблизости не видел?

Мысли Акселя, словно раненые птицы, метались в голове, реальность расплывалась.

— Э-э-э... возможно. Прямо перед тем, как я свернул сюда... белый мужчина на огромной скорости улётывал с места происшествия на белом джипстере.

В горле саднило, лёгкие горели, глаза и лицо словно наждаком прошлись. Ощупывая онемевшими пальцами лицо, он понял: бровей больше нет.

— Хорошо, просто оставайся на месте, Аксель. Дальше мы сами разберёмся. И не трогай ничего в машине. Это место преступления. Ты понял?

Уиндэм помолчал, будто прикидывая что-то.

— Не вздумай.

Аксель стиснул зубы до скрипа.

— Понял.

Всё в нем кричало о мести. Он хотел найти того, кто это сделал с Адамом. Он должен был быть здесь. Должен был ему помочь. Он повернулся, чтобы взглянуть на Адама, и в сердцах проклял себя за беспомощность.

— Держись, приятель.

Мучительно долгие минуты тянулись в ожидании, пока вдали не послышался вой сирен скорой помощи. Должно быть, подмога. И тогда эмоции, сдерживаемые до этого момента, прорвались наружу.

— К чёрту всё это, — прорычал он, запрыгивая в свою машину. Двигатель взревел, он развернулся с визгом шин и, подминая под себя асфальт, помчался обратно по дороге, туда, откуда приехал.

Он найдет этого сукиного сына, который это сделал, и плевать на последствия.

1

Аксель промчался несколько километров на запад под аккомпанемент воющих сирен, мысли металась в голове, словно растревоженные птицы. Наконец, в свете фар забрезжил белый джип, брошенный у обочины, словно от него открестились. Фары, бесполезно рассеивающие мрак, и распахнутая водительская дверь говорили о спешке и бегстве.

Беглый осмотр машины поверг Акселя в ошеломление. В багажнике громоздилась гора автоматического оружия — винтовки, АК-47, МАС-10, все без единого серийного номера, словно стёртые дьявольским умыслом. Это была не просто банда, а осиное гнездо беззакония.

— Господи Иисусе, — прошептал Аксель, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Это пахло крупной рыбой. Но это было ещё не всё. Под запасным колесом, словно тщательно охраняемый клад, обнаружили огромные спортивные сумки, набитые хрустящими банкнотами... вероятно, на сумму в шесть или семь миллионов долларов.

Что бы здесь ни произошло, Аксель оказался в самом центре бушующей стихии. Он, патрульный офицер, чьим уделом были разве что пьяные водители, столкнулся с чем-то чудовищным, выходящим за рамки его привычного мира.

Стиснув зубы, он доложил о находке по рации, ожидая, что капитан Уиндэм разразится гневной тирадой за оставление Адама на месте преступления вопреки приказу. Но, к удивлению Акселя, Уиндэм похвалил его неожиданно сдержанно.

— Хорошая работа, Аксель. Сколько, говоришь, оружия?

Аксель снова погрузился в хаос воронёной стали и дерева. — Трудно сказать, сэр. Несколько десятков, это точно.

– Хорошо. Я отправил ещё двоих прикрыть машину. Следи за водителем. Я хочу, чтобы этого ублюдка поймали. Не подведи меня, офицер, слышишь?

Аксель не стал тратить время на споры. Он нырнул обратно в свою патрульную машину и с ревом сорвался с места, уносясь в темноту, пропитанную морозящим дождем.

В двух километрах к западу луч света его фар, словно хищный зверь, вырвал из тьмы спину одинокой фигуры, бредущей по мокрому асфальту. Аксель резко затормозил, вглядываясь в силуэт. Это был водитель джипа, который хаотично двигался по центру полосы движения в западном направлении. Он был лысым, в тёмных очках и с обнажённой грудью. Казалось, он совершенно не замечал света фар Акселя, который теперь был всего в нескольких метрах позади него.

Не оглядываясь, не пытаясь свернуть на обочину, он уверенно шёл вперёд, размахивая чем-то в правой руке, слегка петляя, но ровным, неторопливым шагом человека, который прошёл большие расстояния и будет проходить ещё большие расстояния.

Аксель остановился рядом с ним и опустил стекло. Предметом, которым размахивал мужчина, была приземистая бутылка, которую он держал за горлышко.

– Эй! – крикнул Аксель. – Стоять!

Мужчина, не обращая на него внимания, уверенно зашагал по асфальту. Когда он прошёл мимо полицейской машины и снова оказался в свете фар, Аксель увидел, что сзади, за поясом брюк, у него торчит что-то объёмное. Это было похоже на рукоятку пистолета.

Аксель отстегнул свой пистолет, вынул его из кобуры и положил на сиденье рядом с собой. Он нажал на кнопку сирены, и раздался внезапный вой. Лысый мужчина, казалось, не услышал его.

Аксель взял микрофон, вызвал диспетчерскую и сообщил своё местоположение.

– Я вижу мужчину ростом около пяти футов восьми дюймов, сорока с лишним лет, лысого, который идёт по западной полосе, удаляясь от брошенного автомобиля. У него за поясом что-то похожее на пистолет, а в правой руке что-то похожее на бутылку виски, и ведёт он себя странно.

– Странно, – сказал диспетчер.

– Я думаю, он пьян или под кайфом, – сказал Аксель. – Он ведёт себя так, будто не слышит и не видит меня.

– Объект пьян, – сказал диспетчер.

– Возможно, – сказал Аксель.

Затем сквозь треск помех послышался голос капитана Уиндэма:

— Задержите его сейчас же, Аксель. Не сомневайтесь. Используйте всю необходимую силу. Я рассчитываю на вас, офицер.

«Принято», — подумал Аксель, и эта мысль отозвалась гулким эхом в его сознании, напоминая о пропасти между словом и делом. Аксель развернул патрульную машину, вонзая ослепительные лучи фар прямо в лицо незнакомцу. Выходя из машины, с пистолетом, ставшим продолжением руки, он почувствовал предательскую волну головокружения, мир вокруг словно растворялся в тумане.

— Стоять! — рявкнул Аксель, с трудом удерживая дрожь в голосе.

Мужчина замер. Его взгляд, словно мутный омут, пытался зацепиться за Акселя. Сдавленный вздох сорвался с его губ, и он бессильно осел на тротуар. Отвинтив крышку с початой бутылки, он жадно припал к горлышку, булькающие звуки разнеслись в ночной тишине. Затем, подняв осоловелые глаза, процедил:

— К чёрту полицию.. К чёрту всех вас...

— Заткнись! — взорвался Аксель, его голос сорвался на фальцет. — Руки! Покажи руки!

Он грубо перехватил руку мужчины, выворачивая её за спину, и вытащил из-за пояса пистолет. Запах гари ударил в нос, едкий аромат пороха въелся в слизистую. Аксель торопливо проверил барабан. Все шесть патронов были на месте, но три зияли черными провалами. Стреляли. Это был он.

Заткнув оружие за пояс, Аксель вырвал бутылку из ослабевшей руки и с силой швырнул её в заросли пальм, росших вдоль дороги. Звук разбитого стекла потонул в шелесте листьев.

— Грязный, вонючий подонок, — прошипел Аксель сквозь зубы. — Встать! — в его голосе клокотала ярость.

Он рывком поднял мужчину на ноги и, подталкивая вперед, повел к патрульной машине. Быстрый, отработанный обыск: перочинный нож, горсть мелочи из кармана брюк, потрепанный бумажник из заднего кармана. Водительское удостоверение гласило: Уолтер Донован. Аксель защелкнул наручники на запястьях мужчины, ощущая острые кости под тонкой кожей. Онемение сковало правую руку, левая ладонь горела от боли. Затолкнув Уолтера на заднее сиденье, он закрыл дверцу и несколько мгновений смотрел сквозь стекло на его расплывчатую фигуру, пытаясь унять бурю мыслей и эмоций, бушевавшую внутри.

Всё произошло в мгновение ока. Но что же скрывалось за этой скоротечной реальностью? Контрабанда оружия, миллионы долларов, словно грязные ручейки, текущие в тени? Адам словно наткнулся на гнездо змеи, сплетенное из порока и наживы. Аксель жаждал большего, мечтал о погонах повыше, чтобы лично распутать этот клубок интриг. Но увы, это удел матерых волков, опытных детективов и прожженных сержантов, а не их, скромных патрульных, затерянных в полицейской иерархии.

И тут, словно вспышку молнии в ночной тьме, Аксель заметил татуировку на руке Донована. В полумраке он бы её не разглядел, если бы пьяный субъект не прижимался локтем к стеклу, словно ища в нем спасения. На коже, словно выжженный клеймом, красовался лебедь, извивающийся в неестественной, жуткой спирали. Акселя пронзила волна узнавания, ледяная дрожь пробежала по позвоночнику. "Я видел этот знак раньше!" – словно эхо пронеслось в голове, и адреналин ударил в кровь, обжигая вены.

Мир на мгновение померк. Последний раз он видел этот символ, будучи ребёнком, маленьким мальчиком, которому едва исполнилось шесть. "Синий Лебедь" – тайное преступное братство, чья тень легла на его детство, отняв отца, и так и не понесла заслуженного наказания.

Аксель с трудом сглотнул, воздух словно превратился в густую смолу. Рывком распахнув дверцу машины, он обрушил кулак на лицо Донована, разбив ему нос в кровавое месиво. – Кто ты такой?! – прорычал он, – Ты убил моего отца?!

– Я... я не знаю тебя... – пролепетал мужчина, сплевывая кровь, – Мне жаль...

Аксель лишь презрительно фыркнул и нанес ещё один удар, отправляя пьяного субъекта в беспамятство. – Имеешь право на молчание, – пробормотал он в пустоту, – Твои слова все равно ничего не значат.

Хлопнув дверцей, он замер под ледяными струями дождя, опустив голову. Боль утраты, ввевшаяся в память, вспыхнула с новой силой. Он грубо вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони, облизнул губы, ощущая солонватый привкус крови и слёз.

Затем он направился в чашу леса, туда, где, возможно, таилась разгадка, спрятанная в горлышке бутылки, ожидающей своего часа стать неопровержимой уликой.

2

72 часа спустя

Адам Хантер, словно согбенный бременем невидимых забот, покинул стерильный кабинет врача-комбустиолога в ожоговом отделении больницы «Буэна-Виста». Мрак безнадежности, казалось, ввелся в каждую пору его кожи.

Прогнозы врачей звучали, как приговор, расплывчато и неопределённо, оставляя лишь зыбкую надежду на исцеление.

И тут, словно луч солнца, пробившийся сквозь серую пелену, он увидел её. Женщина сидела у стены в зале ожидания, погружённая в чтение журнала Newsweek. Что-то в её облике неуловимо напомнило ему Джоди Келли: светлые, блестящие волосы, кокетливо выглядывающие из-за обложки, изящно скрещенные ноги. Он невольно залюбовался ею, задержав взгляд. Женщина перевернула страницу, открывая его взору не только высокий лоб.

Беспросветная тоска отступила, уступив место волнующему трепету надежды.

Это была Джоди Келли.

— Привет, — прошептал Адам, не веря своим глазам. — Джоди? Что ты здесь делаешь?

— Я ждала тебя, — ответила Джоди, одарив его лучезарной улыбкой. — Хотела увидеть, как ты.. как ты себя чувствуешь.

— Не особенно хорошо, — признался Адам, демонстрируя замотанные в бинты руки.

Он осторожно обнял её здоровой рукой.

Джоди ответила на объятие, невольно прижавшись к его обожжённой груди.

— Ай!

Джоди отшатнулась, испуганно вскрикнув: — О, Адам, прости меня! Я не знала...

— Да ладно, это всего лишь попытка вызвать жалость, — прохрипел Адам, стараясь скрыть боль.

— Я не заметила бинтов под рубашкой, — пролепетала Джоди, её глаза были полны раскаяния.

— И ещё по одному на каждой ноге, — усмехнулся Адам, похлопывая себя по бедру и глядя на неё. — Врач сказал, что в целом, если усреднить, я получился что-то среднее между прожаркой medium и medium-rare.

— Аксель рассказал мне, что случилось, — проговорила она. — Вчера он заезжал на заправку и сообщил мне... Я не могла поверить своим ушам, когда услышала. Никогда бы не подумала, что с тобой могло произойти что-то подобное. Ты такой хороший.

— Да, но я не из железа, — грустно улыбнулся Адам. — Я собирался найти тебя, как только снимут эти бинты.

Он смотрел на неё сверху вниз, внезапно осознавая, что улыбается, как глупая обезьяна, что секретарша из приёмной с любопытством наблюдает за ними, что Джоди Келли действительно пришла навестить его.

— Но как ты узнала, что я здесь?

— Я позвонила в твой офис. Мне сказали, что ты в больнице. Диспетчер проявила участие и выяснила, что ты приехал на обследование в ожоговый центр.

Она нежно коснулась пальцем края бинта на его руке. — Тебе лучше? С тобой всё будет в порядке?

На теле остались лишь призраки прошлых ран – шрамы, безмолвные свидетели пережитого. Лишь огнестрельное ранение в груди отзывалось тупой, ноющей болью. – Они утверждают, что всё будет хорошо. По крайней мере, обошлось без непоправимого. Но хватит об этом. Хочу уйти отсюда. Есть время на чашку кофе?

У Джоди Келли время нашлось.

Они покинули стерильные стены больницы, перешли дорогу и нырнули в уют ближайшей кофейни. Адам заказал два эспрессо, и Джоди предложила прогуляться по парку, утопающему в тёплом, калифорнийском солнце. Адам не возражал.

– Помнишь день нашей встречи? – спросила Джоди, отпив кофе. – Пятнадцатое число... Ты остановил меня за лихачество. Я тогда страшно возмущалась. Помнишь?

Она звонко рассмеялась.

– А я помню, как ты, изрядно захмелев, заплетающимся языком уверяла меня в обратном, – усмехнулся Адам.

Её губы тронула едва заметная усмешка. – Не прокатило, да?

– Ничуть, – ответил Адам. Тело ныло от боли, грудь жгло, но он ощущал острое, почти забытое счастье настоящего момента.

Он был счастлив.

– Слушай, – начал он, помедлив. – Я хотел тебя кое о чём спросить...

– Конечно, – отозвалась она. – Если ты не занят, то... я хотела спросить, не составишь ли ты мне компанию за ужином сегодня вечером?

– Вот как, – произнёс он.

– Ох, – выдохнула Джоди. Смех вмиг улетучился, она замерла на месте.

Адам оглянулся, лукаво улыбаясь. – Я-то знаю, зачем ты на самом деле пришла – повидать меня.

Джоди задумчиво склонила голову набок. Подойдя ближе, она улыбнулась, покачав головой. – Неужели это так бросалось в глаза?

– Нет, не совсем, – ответил Адам. – Но мы ведь готовились к этому несколько недель, правда?

– Да, – промурлыкала она, в её голосе звенел смех. – Думаю, у нас получилось очаровательно.

Затем она рассмеялась, и её пальцы крепко переплелись с его.

– Да, я буду счастлива поужинать с тобой сегодня вечером, – сказала она, сжимая его руку и оставив лёгкий поцелуй на его щеке.

На миг мир словно замер. Боль, преследовавшая Адама Хантера, отступила, уступив место теплу её прикосновения.

Они шли под сенью платанов, отбрасывавших тени на массивное кирпичное здание торгового центра. Мимо пронеслась стайка скейтбордистов, выписывая виражи. Адам сделал глоток кофе, отметив, что он достаточно бодрящий, но не обжигающе крепкий. Его пристрастие к кофе было закалено годами употребления ядерного напитка, который он варил себе в доме матери в Детройте.

— Ты знала, что Аксель ни словом не обмолвился о том, что произошло с тем, кто в тебя стрелял? — спросила Джоди. — Он готов говорить о чем угодно, о тебе, о погоде, но не о самом преступлении. Просто стена молчания.

— О чём тут можно говорить? — пожал плечами Адам.

— Ну, обо всём! Во-первых, почему он это сделал. И почему в багажнике его машины обнаружили столько денег и оружия. Чем он занимался, во что был втянут, и сколько он получит?

— Он выстрелил в меня, потому что был пьян, — сухо ответил Адам. — Аксель его арестовал, и, насколько я знаю, он до сих пор под стражей. Проблема в том, что этот отморозок не хочет сотрудничать. Улики намекают на его связь с какой-то организованной преступностью. Но он молчит, как рыба об лёд.

— И это так расстраивает Акселя?

— Когда я разговаривал с ним сегодня утром, он сказал, что убежден, что этот парень работал на "Синего Лебеда" — ту самую шайку, что убила его отца больше десяти лет назад.

— О?

— Да. Эти подонки словно растворились в тумане, не оставив ни следа. Правосудие так и не коснулось их. Дело заглохло, окружной прокурор развёл руками, не сумев передать его в суд. Семья Акселя была раздавлена горем. Это незаживающая рана, понимаешь? Тема, которую он старается не затрагивать.

— Понимаю. Но разве Аксель не может попытаться найти их сейчас?

Адам помрачнел, словно тень накрыла его лицо.

— В его мечтах. К сожалению, мы всего лишь пешки в этой игре, случайно наткнувшиеся на обрывки информации. Детектив Беллами и его команда копают глубже, пытаясь докопаться до истины. И это-то и бесит Акселя больше всего — что он отстранён от дела.

Джоди сделала глоток, задумчиво глядя в кружку.

– На месте Акселя я бы не выдержала и взяла бы всё в свои руки...

– Ты ближе к истине, чем думаешь, – усмехнулся Адам.

– Неужели?

– Он собирается это сделать. И хочет, чтобы я ему помог.

– Вот это да. Да он у нас мститель в зачаточном состоянии. И чего он от тебя ждёт?

Адам понизил голос до шёпота.

– Скажем так, он хочет, чтобы я составил ему компанию в неофициальном обыске. Вчера группа Беллами уже посетила дом некоего Донована. По слухам, там нашли труп неопознанного мужчины, но подробности держатся в секрете. Капитан Уиндэм ревностно охраняет всю важную информацию.

Джоди кивнула, нахмутив брови.

– То есть, вы собираетесь вернуться в дом этого парня, чтобы... провести собственное расследование... без ордера?

– Называй меня параноиком, но даже самый благосклонный судья не одобрит такое. Это чистой воды проникновение со взломом. – Он поднял правую руку, словно пытаясь остановить течение времени.

– Мы лишь хотим окинуть взглядом, выискать то, что ускользнуло от пронизательного взора команды Беллами. Права на это у нас нет, и всё же... Я разделяю убеждённость Акселя. Для него это важно.

Джоди осушила остатки кофе, бесшумно поставила чашку на стол и взглянула на него, в её глазах плескалась решимость.

– Я иду с вами, – произнесла она, вкладывая в эти слова всю силу своего характера.

Жёлтая лента, словно скорбный саван, беспомощно трепетала на ветру, прикреплённая к воротам дома Уолтера Донована. Аксель Стоун одним движением сорвал её, пропуская Адама и Джоди во внутренний двор, и затем вновь водрузил её на место, словно запирая за ними врата в царство теней.

– Ты уверена, что готова к этому? – прошептала Джоди, ощущая, как мурашки пробегают по коже.

– Команда Беллами завершила свою работу здесь, – ответил Аксель, его голос был приглушённым и серьёзным. – Но всё же, прошу, руки держите в карманах и ничего не трогайте.

В глубине души Аксель понимал, что это решение было опрометчивым. Джоди Келли лучше бы дождалась их в машине. Или, в идеале, им стоило осмотреть

дом до того, как Адам забрал её на свидание. Но она была непреклонна, почти умоляла о возможности участвовать, и Аксель не мог разгадать причину её внезапной одержимости. К тому же, Адам был без памяти влюблен в неё и готов был на все ради её улыбки.

Аксель согласился, но с одним условием: она должна была хранить молчание об этом визите.

Он толкнул входную дверь, и его тут же обдало ледяным дыханием пустоты, которое неизменно исходит от заброшенных домов. Акселю это было до боли знакомо – он ощущал подобное каждый вечер, открывая дверь своей скромной квартиры на окраине города.

В гостиной царил звенящая тишина, а на подоконниках и мебели мерцали призрачные следы серого порошка для снятия отпечатков пальцев. Аксель заметил, как взгляд Джоди застыл на меловых контурах, очерчивающих место, где когда-то лежало безжизненное тело.

– Есть предположения, кто мог быть убит? – спросила она, и в голосе сквозила рассеянность.

Аксель покачал головой. – Пока нет. Дождемся отчета коронёра.

На лице её застыла маска напряжения, печали, даже скорби. Глаза покраснели от слез. Очевидно, смерть редко вторгалась в её жизнь, и это столкновение стало болезненным потрясением.

Стены коридора, ведущего к кухне, пестрели неразборчивыми граффити, которые под зловещим жёлтым светом потолочной лампочки казались особенно мрачными.

В воздухе стоял резкий, неприятный запах – едкий дух проявителя.

– Взгляните-ка сюда, – произнес Адам, входя на кухню. Тесное, душное помещение, спёртое и тёмное, превращённое в подобие фотолаборатории.

Повсюду – на стенах, на натянутых проволоках – были разбросаны отпечатки и негативы.

– Здесь фотолаборатория, – констатировала Джоди.

– Осторожнее, – предупредил Аксель. – На большинстве фотографий следы серого порошка. Их обрабатывали для снятия отпечатков пальцев. Не хотелось бы испортить улики. Но не волнуйтесь, я знаю, что делаю. Он достал из кармана пиджака пару тонких белых перчаток.

Аксель разложил несколько фотографий на крышке шкафа двумя ровными рядами, аккуратно придерживая их за края, и методично просмотрел. Все они были стандартного формата – восемь на десять дюймов – на чёрно-белой глянцевой бумаге. Казалось, на всех изображены фрагменты одного и того же тёмного базальтового обнажения. Снято издали, словно телеобъективом. Или увеличены с негатива в фотоувеличителе. Один и тот же негатив использовали для нескольких отпечатков, каждый из которых был увеличен до разного размера. Но ракурс оставался практически неизменным – как будто

все негативы были сделаны с одной и той же точки, но с использованием объективов с разным фокусным расстоянием и перемещением камеры на штативе.

На каждом снимке – один и тот же участок обнажения. Где-то больше, где-то меньше, в зависимости от объектива. Но общие черты всегда были примерно в центре кадра.

Адам нахмурился. – Не понимаю. Зачем кому-то понадобилось фотографировать кусок скалы? И делать столько отпечатков?

Аксель пожал плечами. – Не знаю. Но у меня такое чувство, что дело не в красоте пейзажа. Тут что-то ещё. Вам это ничего не напоминает?

Адам внимательно изучил отпечатки. – Очевидно, все они из одного и того же места. Но этого недостаточно, чтобы привязать их к чему-то конкретному. Это может быть миллион мест по всей здешней пустыне.

– Но, чуёт мое сердце, где-то здесь собака зарыта, – пробормотал Аксель, искоса глядя на Джоди. – Смеем предположить, Donovan приложил к этому руку.

Почти полчаса они ворошили горы негативов, словно золотоискатели, просеивающие пустую породу. Тщетно. Аксель, с отчаянием нырнувшего кладоискателя, извлек из-под раковины ведро с мусором. Там, среди скомканных обрывков, его взгляд зацепился за смятый лист фотобумаги. Это был фрагмент той же сцены, увеличенный до внушительного формата.

Отпечаток был безнадежно испорчен – чернее самой ночи. – Передержал, черт бы его побрал, – подумал Аксель, разглаживая находку на пыльном шкафу. И вдруг...

– Это что, дверь какая-то? – прошептала Джоди, вглядываясь в зловещую черноту изображения.

– Скорее, потайной ход, – предположил Аксель, в его голосе прозвучала надежда. – Возможно, именно здесь "Синий Лебедь" прятал свои грязные секреты все эти годы.

Адам нахмурился, скептически прищурившись.

– Не знаю, Акс. По мне, так это всего лишь игра теней. Слишком много неопределённости. Боюсь, мы впустую тратим время.

В то время как они спорили, окутанные полумраком, из густой тени за их спинами за ними пристально наблюдала пара немигающих глаз.

Аксель Стоун обитал в многоквартирном доме, что угрюмо возвышался на бульваре Ван-Найс в Панорама-Сити. «Апартаменты Сансет Террас» – гласила вывеска, но двухэтажное кирпичное здание с унылым интерьером скорее напоминало казарму, нежели уютное жильё.

Администрация оставляла желать лучшего, арендная плата неоправданно кусалась, однако девушки на ресепшене неизменно сохраняли профессионализм и были внимательны к Акселю. Особенно выделялась Триша, ночная сотрудница – милостивая брюнетка с ослепительной улыбкой и пронзительными зелеными глазами. Едва перешагнув двадцатилетний рубеж, она не скрывала своей симпатии к Акселю. Их короткие разговоры, наполненные легким флиртом, стали привычными, когда он возвращался с работы.

Но сегодня всё было иначе. Аксель, неожиданно для себя, нашёл в ней поддержку... а дальше все закрутилось в вихре спонтанности, и вот она уже у него дома, в постели. Обычно Аксель не позволял себе подобного, он всегда относился к женщинам с уважением.

Возможно, причиной тому была зависть к Адаму и Джоди, отправившимся на свидание. А может, виной тому воспоминания о деле «Синего Лебедя». Как бы то ни было, давно в его скромной двухкомнатной квартире не ступала женская нога, и ещё дольше он не испытывал такого искусно выполненного минета.

Сейчас Аксель и Триша, сплетаясь в объятиях, безмятежно покоились на огромной кровати, нарушая тишину мерным посапыванием. Аксель похрапывал чуть громче обычного.

Одиночество хозяина пропитало каждый уголок квартиры. Типичная холостяцкая берлога: беспорядок, однокомнатная спальня, просторная гостиная с чёрным кожаным диваном и боксерской грушей, тесная кухонька, заваленная грязной посудой, и миниатюрный кабинет. Видеоигры – явная страсть Акселя – подтверждались внушительной игровой консолью, занимавшей почётное место в углу комнаты. Но он молод, свободен и имеет право на подобный образ жизни.

Всего два года назад, когда Акселю исполнилось восемнадцать, сразу после окончания полицейской академии Лос-Анджелеса, в автокатастрофе на местной трассе погибла его мать. Эта трагедия заставила его и его младшую сестру Тину рано покинуть родное гнездо и искать собственный угол.

Ипотека за четырёхкомнатный дом с тремя ванными в Санта-Монике оказалась непосильной ношей. Большая часть наследства ушла на погашение семейных долгов. Тина, собрав все свои сбережения, смогла внести первый взнос за квартиру в центре Лос-Анджелеса, а Аксель обосновался здесь, на окраине, предпочитая тишину и относительное спокойствие городской суете.

В два часа ночи, светящиеся цифры прикроватного будильника безмолвно мерцали в густой темноте. Квартира утонула в тишине, лишь изредка нарушаемой шелестом штор, танцующих в объятиях ледяного ветра, прокрадшегося в открытую форточку.

Аксель, метаясь в беспокойном сне, ощущал смутное предчувствие беды, словно тень надвигающейся бури.

Едва проснувшись, он поднялся, чтобы укротить непокорное окно, и обернулся к Трише. Обрывки вчерашних мыслей роились в голове: колледж, отец-алкоголик... Слишком много чужих проблем, непосильная ноша для его измученной души.

Тяжело вздохнув, он возился со стеклом, как вдруг штора, выскользнув из ослабевших пальцев, взметнулась вверх, словно потревоженная птица, и с оглушительным звоном разорвала ночную тишину. Лунный свет хлынул в комнату, выхватывая из мрака очертания мебели и спящую фигуру Триши.

И в этом серебристом свете Аксель увидел то, что, казалось, навсегда отпечатается в его памяти – воплощение первобытного ужаса: пять зловещих фигур в капюшонах, застывших у края кровати. Даже закалённый полицейский не был бы готов к подобному кошмару.

– Господи Иисусе! – выдохнул Аксель, но это был лишь слабый крик отчаяния, последнее слово перед тем, как его схватили и с силой бросили лицом вниз, в мягкую ловушку подушек. Триша, пробуждённая грубым вторжением, вскрикнула, но её голос тут же заглушила жёсткая ладонь в перчатке.

Аксель отчаянно боролся, задыхаясь в удушающей темноте, тщетно пытаясь вдохнуть хоть поток воздуха...

Ножницы блеснули в полумраке, и Триша похолодела от ужаса. Что эти твари задумали?

Затем раздался хриплый звук вытягиваемого скотча. Серебристая лента зловеще заблестела, когда от рулона отделился длинный, уродливый кусок. Щелчок ножниц. Ещё один. И ещё два, быстрее, яростнее.

"Р-р-раз! Р-р-раз!" – этот звук резал слух, словно предвестник неминуемой беды.

С дьявольской ловкостью фигуры в капюшонах заклеили Трише глаза и рот, лишив её голоса и зрения. Затем её запястья, словно добычу, обмотали скотчем и привязали к холодной спинке кровати.

Аксель стал следующей жертвой. Его руки, вывернутые за спиной, были скованы липкой лентой, лодыжки плотно обмотаны. Скотча требовалось всё больше. "Р-р-раз! Р-р-раз! Р-р-раз!"

Аксель перевернулся лицом вверх, тщетно глотая воздух. Его лицо – маска из скотча, не дающая дышать. Он был беспомощен, игрушка в руках этих чудовищ.

– Ну что будем делать, Стоун? – прорычал один из голосов. – На твоём месте я бы уже давно сошёл с ума. Просто спятил. Хочешь узнать, что мы будем делать?

Внезапно в живот Акселя обрушился удар, выбивая остатки воздуха из лёгких.

— Дай волю воображению, коп!

Триша забилась в истерике, её тело сотрясало от беззвучных рыданий. Аксель извивался, силясь вдохнуть, издавая хриплые стоны. Сердце бешено колотилось, словно птица в клетке. Что он мог сделать?

— Это предупреждение, офицер Стоун, — прозвучал ледяной голос сквозь пелену страха. — В следующий раз прольётся кровь. Отступи. Не будь глупцом. Будь умнее. И останешься жив.

И фигуры в капюшонах исчезли, оставив после себя лишь липкий запах скотча и густую тишину. Лишь спустя мгновение Аксель осознал, что они ушли.

Оперативное бюро полиции Лос-Анджелеса в Вэлли

Местный полицейский участок миссионерского отдела

21 марта

09:39 утра

Аксель и Адам сидели в кабинете капитана Уиндэма, словно приговоренные на пластиковых электрических стульях. Напротив, за массивным столом, возвышался сам капитан, а поодаль, словно призраки, маячили детективы Беллами и Кавана — тени, преследовавшие дело «Синего Лебеда».

Беллами был воплощением беспокойства: он то взмывал с кресла, то оседал обратно, сверля взглядом улицу за окном. Дым от его сигареты, вопреки упрямой табличке на столе Уиндэма, гласящей: «Спасибо, что не курите», клубился плотным саваном, создавая в кабинете персональный смог.

— Лиц я не видел, — глухо произнес Аксель. — Все в капюшонах... Один... казался безумным.

Уиндэм подался вперед, его взгляд стал тяжёлым и острым.

— Первым делом смените замки. Все. И на дверях, и на окнах. А лучше... лучше вообще смените квартиру.

Аксель лишь кивнул.

— Сегодня же изменю причёску. Триш пока поживет у сестры в Беллфлауэре. Ей нужно время, чтобы прийти в себя.

— Хорошо, — коротко отозвался Уиндэм.

Кавана шумно откашлялся, нарушая гнетущую тишину.

– Проблема с такими отморозками, как эти... из организованной преступности... в том, что они не играют по правилам.

Челюсти Акселя сжались, образовав белые бугорки.

– Тогда и мы не будем.

– О, ну ты-то, Аксель, точно умеешь, – ухмыльнулся Кавана. – Тебе бы мастер-классы давать.

Он бросил взгляд на Беллами, и оба детектива разразились хохотом, словно сорвавшиеся с цепи гиены. Аксель и Адам молчали, ощущая, как смех этих двоих вязнет в атмосфере, как комья грязи. Для них это было слишком серьёзно.

– С удовольствием, – прошипел Аксель, сжимая кулак. В его голосе застыл такой лёд, что, казалось, в кабинете мгновенно похолодало.

Капитан Уиндэм резко поднялся, одним жестом обрывая волну напряжения.

– Ладно, хорош. Возвращайтесь к работе.

Аксель и Адам обменялись взглядами. Сыщики потянулись к выходу. Когда Аксель и Адам уже собирались последовать за ними, голос Уиндэма остановил их.

– Пойдите-ка, парни... вы двое...

Они замерли на пороге, словно в ожидании приговора.

– Если вас интересует нечто большее, чем протирание штанов, у меня есть для вас особое поручение, – произнес Уиндэм, его голос сочился снисходительностью. – Лопес. Лео «Басту» Лопеса взяли под стражу, и вам двоим предстоит охранять до прибытия федеральных маршалов из самого Вашингтона.

Акселя передернуло. Уиндэм, несомненно, пытался отстранить их от расследования «Синего Лебедя», словно от назойливой мухи.

– На какой срок мы выпадаем? – процедил он сквозь зубы.

– Как только утрясём бюрократические формальности, – отрезал Уиндэм. – Пару дней, не больше. Запомни, либо ты берёшься за это, либо возвращаешься патрулировать улицы, рассекая город пополам. Я знаю, как ты грезишь о повышении, Аксель. Докажи, что ты чего-то стоишь, и я подумаю о том, чтобы сделать вас напарниками.

Глаза Акселя вспыхнули надеждой.

– Это правда?

– Абсолютная. Этот парень собирается давать показания перед Комиссией по расследованию. Его безопасность – мой приоритет. Это не детские игры.

Адам устало вздохнул.

— И что нам с ним делать? Кормить с ложечки?

— Откуда мне знать? — рявкнул Уиндэм. — Развлекайте его! Сводите в Диснейленд, в конце концов!

Он буравил их взглядом, пытаясь уловить каждое движение лица.

— Если бы я следовал инструкциям, вас бы обоих отстранили от работы на неделю за то, что вы натворили в доме Уолтера Донована. И добавили бы три часа обязательных консультаций с нашим психологом. Этот дом — зияющая рана, место преступления Беллами. Но вы мне нравитесь. Подкупает ваша наглость, ваша жажда проявить себя. Считайте, что вам повезло.

— Спасибо, сэр, — буркнул Адам, стараясь скрыть раздражение.

Уиндэм сорвал листок из блокнота и протянул его Акселью.

— Вот адрес, где он остановился.

Аксель бросил взгляд на клочок бумаги.

— Хороший отель, — продолжал Уиндэм. — Министерство юстиции оплачивает все расходы, так что не скромничайте.

Они двинулись к выходу.

— И ещё кое-что, Аксель, — окликнул Уиндэм, не поднимая глаз от бумаг. — Забудь о деле Беллами. Выполняй то, что тебе поручено, ясно?

Аксель коротко кивнул.

— А у меня есть выбор, сэр?

4

Мир вокруг Акселя плясал, словно в лихорадке. Ситуация ускользала из-под контроля с каждой секундой. Долгожданный призрак возмездия за убийство отца маячил на горизонте, но ускользал, как дым, как тающий под солнцем лёд. Его отстранили от расследования, и это жгло изнутри, ведь именно «Синий Лебедь» когда-то привёл его в полицию.

После смерти отца Аксель выковал клятву из стали и боли: найти виновных, чего бы это ни стоило. Эта клятва стала его компасом, его движущей силой, вылепила его характер. Десять лет он жил, ведомый лишь одной этой целью.

Двенадцать лет минуло с той роковой ночи. Целая эпоха, большая часть его жизни. Больше половины жизни он вынашивал в сердце образ неуловимых гангстеров с одинаковыми татуировками, вымогавших деньги у его отца, а потом превративших семейное додзё в огненный ад.

Аксель моргнул, отгоняя призраки прошлого. Воспоминание о смерти отца терзало душу, как незаживающая рана. Время не принесло исцеления, боль осталась такой же острой, как в тот день.

Его сестра, Тина Стоун, оказалась сильнее их обоих после пожара. Она стала его опорой, вытаскивала из бездны отчаяния. Но в тот день её не было в главном зале додзё – она ждала снаружи. Ей не пришлось видеть агонию отца, его последнюю жертву, отчаянно протянутую руку...

Аксель глубоко вздохнул и устремил взгляд в окно машины, на мелькающие пейзажи, на встречные огни, стремясь вырваться из плена страшных воспоминаний.

Он сидел на пассажирском сиденье неприметного полицейского седана, мчавшегося по адресу, переданному капитаном Уиндэмом. Он обернулся. Адам, его напарник, восседал за рулем, ловко управляясь с хот-догом одной рукой, а между ног держал огромную банку кока-колы. Он увлеченно жевал, а на верхней губе красовалось пятно кетчупа.

Адам почувствовал на себе взгляд Акселя, но не удостоил его вниманием. – Отвали, – буркнул он, беззлобно.

– Тебе хоть немного не любопытно, каково это – есть хот-дог двумя руками? – поинтересовался Аксель.

– Нет, – отрезал Адам.

Аксель покачал головой и слабо улыбнулся. Дальше они ехали в молчании.

Аксель подозревал, что задание Уиндэма – всего лишь уловка, чтобы отвлечь его от расследования Беллами. Но, возможно, если они с Адамом хорошо себя проявят, Уиндэм повысит их до детективов и доверит настоящее дело. Он так долго ждал этого повышения. Даст ли это ему шанс присоединиться к команде против "Синего Лебедя" и наконец-то утолить жажду мести? Он так долго ждал этого.

Была надежда.

Повторное появление «Синего Лебедя» было неожиданным, и Аксель чувствовал, что у него есть право продолжить расследование, учитывая его опыт. В глубине души он ненавидел детектива Беллами за то, что тот взялся за это дело, и был разочарован тем, что до сих пор ничего не знал о происходящем и о раскрытых фактах.

Что на самом деле делал Уолтер Донован со всем этим оружием и наличными в багажнике своей машины? Куда он направлялся? Почему в доме того парня обнаружили труп и почему там было столько странных фотографий? Какая связь была с «Синим Лебедем»?

Все эти вопросы оставались без ответа, по крайней мере, в ближайшее время.

Подробности дела были известны только тем, кто работал над расследованием – Беллами, Кавана, Мейсон... опытным детективам, которые не раз доказывали свою компетентность за эти годы.

Как младший патрульный офицер, Аксель не мог конкурировать с ними, как бы сильно он ни надеялся на это.

Ради всего святого, он арестовывал детей за курение травки на перекрёстках.

Он вздохнул, вспомнив строгое предупреждение, которое получил от людей в капюшонах в своей квартире: «Отступи».

Этот инцидент не отпугнул его, а только укрепил решимость выследить этих ублюдков. Как они посмели вломиться в его квартиру? Кем они себя возомнили? Но, возможно, они были правы.

Он перешёл все границы, вторгшись на место преступления Беллами таким образом. Но он так переживал из-за этого...

– Ты в порядке? – спросил Адам, оглядываясь. Они остановились на красный свет.

– Да. Я просто взбешён всей этой ситуацией.

Адам кивнул:

– Могло быть и хуже, Аксель. Намного хуже. Эти парни могли убить тебя в твоей квартире. Ты мог быть мёртв прямо сейчас.

Иногда Аксель хотел, чтобы это было так, но он никогда бы никому в этом не признался. Он был крутым парнем, умел выживать и собирался пройти через всё, что бы на него ни свалилось.

– Да, ты прав. Тем не менее, я уверен, ты понимаешь, к чему я клоню.

Некоторое время они ехали молча, затем остановились на очередном красном светофоре. Уличное движение было заблокировано на много миль вперёд.

– Похоже, мы попали в пробку в час пик, – вздохнул Адам.

Аксель нахмурился, глядя сквозь ветровое стекло.

– Но сейчас только одиннадцать тридцать. Должно быть, произошла какая-то авария. – Внезапно он резко сменил тему, повернувшись к Адаму. – Так, как прошёл твой вчерашний ужин с Джоди? Искры летели, или как?

Адам ухмыльнулся, осушив половину стакана колы.

– О, да, приятель, всё было просто огонь. Лучше и быть не могло, если ты понимаешь, о чём я, – он заговорщицки подмигнул.

Аксель удивлённо вскинул брови.

– Ты переспал с ней? На первом свидании?!

Адам небрежно пожал плечами.

– Знаю, что ты сейчас думаешь. Что отношения, начатые с секса, обречены на провал.

– Ну, по правде говоря, так оно и есть.

– Это другое дело, – настаивал Адам. – Ладно, согласен, физическое влечение играет огромную роль. Но есть кое-что ещё. Какая-то искра, связь, которую невозможно объяснить. Я чувствую, у нас всё получится, вот увидишь.

– То есть, не было неловкого молчания за ужином?

Адам энергично покачал головой.

– Нет. Мне с ней действительно хорошо, Акс. И да, секс был просто умопомрачительным.

– Я рад за тебя, Адам, – Аксель глубоко вздохнул. – Честно, рад.

Его мысли невольно обратились к его собственной личной жизни – точнее, к её отсутствию, и знакомая волна тоски пронзила его сердце. Он жаждал отношений, мечтал о ком-то, с кем мог бы осесть, создать семью, полный дом детей. Но он всё никак не мог найти "того самого" человека, если, конечно, он вообще существовал.

Конечно, в его жизни было достаточно девушек; форма и значок притягивали их, словно магнитом, куда бы он ни шёл.. Но ни одни из этих отношений не были достаточно серьёзными, чтобы продлиться больше пары месяцев.

Прошлой ночью Триша стала последней в череде его непродолжительных романов, которые случались с ним в течение последних двух лет. Она была единственной, кого он привёл в свою квартиру. Стоит отметить, что он ещё не терял девственность. Он либо берёт себя для особенного человека, либо ему просто нравилось так думать. Возможно, это был благородный поступок, а может быть, это сделало его неудачником. Он ещё не решил, что именно, и суд присяжных всё ещё не вынес свой вердикт.

На следующем перекрёстке Адам свернул с главной дороги, и они поехали по просёлочной, мимо красивых пальм, которые росли по обеим сторонам. Через полчаса они добрались до места назначения – отеля Beverly Hilton.

– Вот и всё, – сказал Адам, подъезжая к отелю. – Пора на работу.

Аксель и Адам прошли по переполненной площадке у бассейна перед входом для гостей отеля. Как обычно, все загорали, но в воде почти никого не было.

Адам ухмыльнулся, наслаждаясь кокетливыми взглядами нескольких красивых женщин. Он даже остановился, чтобы помочь одной ослепительной блондинке нанести масло для загара на спину.

– Спасибо, – сказала девушка, оглядев его с ног до головы.

– Служить и защищать, – галантно ответил Адам.

– Вернёшься? – спросила она.

– Рассчитывай на это, – ответил он.

Аксель снисходительно улыбнулся поведению своего друга, и они пошли ко входу в отель.

– Тебе следует прекратить такие разговоры, Адам, – сказал Аксель, выглядя обеспокоенным.

Адам громко рассмеялся.

– Тебе нужно немного расслабиться, Акс.

Они шагнули в сияющий холл отеля, скользнув мимо роскошной стойки регистрации к атриуму, где лифты взмывали ввысь, словно хрустальные ракеты. Здесь бурлила жизнь: гомон голосов, звон стекла, приглушенный шёпот дорогих тканей. Аксель, приветливо улыбнувшись стайке японских туристов, высыпавших из ближайшего лифта с оживлённым щебетанием, подумал, что, возможно, это самый помпезный отель, в котором ему доводилось бывать. Лифт бесшумно доставил их на восьмой этаж. Пройдя по безупречному коридору, утопающему в мягком ковре, они остановились у нужной двери.

– Вот оно, – пробормотал Адам. – Номер 812.

Аксель постучал. Из-за двери донесся приглушенный голос.

– Кто там?

– Полиция, – отрезал Аксель.

– А с чего мне верить, что вы и правда полиция?

– После того, как я прострелю дверь, сможешь рассмотреть пулю, – огрызнулся Аксель. – А теперь открывай!

Дверь распахнулась. В проеме стоял невысокий, коренастый мужчина с квадратным лицом и наполовину обкуренной, незажженной сигарой, зажатой в зубах. Он исподлобья взглянул на Акселя и Адама, затем молча посторонился, пропуская их внутрь. За дверью расстилались просторные апартаменты: две спальни и гостиная, дышащая достатком.

– Ага, – хмыкнул мужчина, кривя губы. – Хороший полицейский, плохой полицейский.

– Заткнись, – буркнул Адам, оценивая планировку комнаты.

– А, ясно... Двое плохих полицейских, – повторил мужчина, ухмыляясь. В гостиной их ждал другой человек – приветливый, невысокий, лет тридцати пяти, с зачесанными назад волосами, сияющими лаком, и одетый в дорогой, но сдержанный костюм.

– Вы Лео Лопес? – спросил Аксель. Тот кивнул. – Лео Лопес. Это мое имя. Но все зовут меня Баста. Пожалуйста, зовите меня Баста.

Аксель и Адам обменялись удивлёнными взглядами, но промолчали.

– Я офицер Аксель Стоун. А это – офицер Адам Хантер.

– Хорошо, – Баста одарил их натянутой улыбкой. – Рад знакомству. Как мне к вам обращаться, друзья?

– "Аксель" и "Адам" будет достаточно, – отрезал один из них.

– Мы станем твоей тенью на ближайшие несколько дней, Баста, – добавил второй, Адам, с ледяной угрозой в голосе.

– А вот и спальня, – Аксель небрежно указал на дверь, ведущую в просторную хозяйскую комнату. – Теперь она наша.

Баста нахмурился, словно его окатили ледяной водой. – Но мои вещи уже... там..

Аксель испепелил его взглядом, от которого по спине пробежал мороз.

– Ваша, ваша, окей, – поспешно сдался Баста, чувствуя, как вязкая волна страха сковывает его. – Мне вполне подойдёт маленькая спальня.

– Давай сразу расставим все точки над «i», ладно? – прошипел Адам, его слова были подобны удару кнута.

– Конечно, – пробормотал Баста, стараясь сохранять спокойствие.

– Ты нам не нравишься.

– Почему же?

– Потому что мы вынуждены торчать в этой дыре и следить за тобой двадцать четыре часа в сутки, – с ненавистью выплюнул Аксель. – Тебе смешно, Баста?

Баста скривился, словно от зубной боли. – Совсем нет.

Не было ни капли смеха. Лишь тяжёлое предчувствие беды.

В дверь снова постучали. Аксель молниеносно среагировал, рука непроизвольно потянулась к кобуре.

– Можно я открою? – робко спросил Баста, ощущая, как внутри всё похолодело.

– Нет! – отрезал Адам, как сталью. Баста жадно облизнул пересохшие губы.
– Да это же просто обслуживание номеров. Умираю с голоду!

Аксель двинулся к двери, не сводя глаз с Басты.

– Кстати, парни, вы не проголодались? – невинно поинтересовался Баста. – Могу заказать ещё. За счёт заведения.

– Не совсем, приятель, – возразил Адам, нахмурившись. – Это оплачено долларами налогоплательщиков.

– Какая разница.

Аксель настороженно заглянул в глазок, убеждаясь, что за дверью действительно стоит официант. Открыл. В номер вплыла сервировочная тележка, которую катил мужчина с натянутой улыбкой. По какой-то непонятной причине официант казался неестественно напряженным, словно пружина, готовая сорваться.

Аксель приподнял серебряный купол. Под ним красовался сочный гамбургер с картофелем фри. Запах ударил в нос, вызывая мучительное урчание в животе.

– Баста, на, бери свой гамбургер.

– Эй, я не заказывал гамбургер, – пробурчал Баста, сбитый с толку. – Я просил яичницу.

И тут, без малейшего предупреждения, официант нырнул рукой под тележку и выхватил пистолет.

– Оружие! – взревел Аксель, бросаясь вперед. Они с Бастой навалились на официанта, и в отчаянной схватке Акселю удалось перехватить руку с пистолетом. Раздался оглушительный выстрел, пуля прошила потолок.

– Баста, в укрытие!

– Чёрт! – выплюнул Адам, выхватывая свой пистолет. Он злобно прищурился, понимая, что не может сделать чистого выстрела: Аксель и Баста отчаянно боролись с официантом, который оказался гораздо сильнее, чем казался. Баста лишь добавлял хаоса, сбивая всех с ног.

Затем, в один стремительный, катастрофический миг, Аксель, Баста, официант и сервировочная тележка, увлекая за собой обрывки занавесок, рухнули в зияющий проём окна восьмого этажа. Адам беспомощно смотрел им вслед с недоверчивым выражением на лице.

Аксель, Баста и несостоявшийся убийца кубарем вылетели в окно, вслед за ними, словно запоздалый призрак, спикировала сервировочная тележка, а оконная занавеска, трепеща, плелась позади, как неприкаянный парашют.

Падение, секунда, растянувшаяся в вечность.

Бум!

Удар о воду вышиб дух. Они рухнули в глубокую часть бассейна, взметнув фонтан брызг, и их отбросило под воду, в хаотичный водоворот пузырьков. Аксель, задыхаясь, беспомощно барахтался, ослеплённый пеленой занавески, исполняя нелепый подводный балет с Бастой и официантом.

Всё случилось в мгновение ока... Меньше пятнадцати минут назад они с Адамом вошли в этот отель, и вот, он уже сражается за выживание. Но, по крайней мере, скучать не приходилось.

В номере Адам Хантер с проклятием посмотрел в зияющую дыру разбитого окна на бассейн внизу. Он корил себя за медлительность. Спрятав пистолет в кобуру, он ринулся к двери, отказавшись от отчаянной идеи прыгать вслед за остальными, решив наверстать упущенное по лестнице.

Тем временем официант, отбившись от своих преследователей, отчаянно карабкался к бортику. Аксель, однако, не собирался его отпускать. Он схватил беглеца за пояс, пытаясь утащить обратно в пучину. Ему бы это удалось, если бы Баста не вцепился в его шею, как испуганная коала.

- Отпусти! - взревел Аксель, и все трое вновь погрузились в спасительную прохладу.

Загорающие у бассейна застыли в оцепенении, не в силах поверить своим глазам. Аксель вынырнул, яростно сжимая в руках официанта, чью голову уже обвивала проклятая занавеска. Несколько сокрушительных ударов, и на ткани расцвело багровое пятно. Официант обмяк, и тут Аксель увидел... тот избивал Басту. Кровь ручьём текла из носа Басты, на лице застыло выражение полнейшего изумления.

- Чёрт, - только и смог выдавить Аксель.

Обернувшись, он увидел, что официант ускользает к противоположному краю бассейна. Он отпустил Басту, собираясь преследовать беглеца, но Баста, не умеющий плавать, сразу же начал тонуть. Аксель выругался сквозь зубы, но, презрев опасность, нырнул под мутную воду, чтобы вытащить тонущего.

В тот же миг Адам, словно выпущенная из тетивы стрела, вырвался из служебного входа отеля, в руке - зажатый пистолет. Несколько застигнутых врасплох прохожих шарахнулись в стороны, их крики ужаса огласили воздух, рассказывая о кровавой расправе, которая едва не произошла. Другие же, словно парализованные страхом, застыли на его пути.

- Стоять! - рявкнул он, направив оружие на замершего официанта. - Полиция! Всем оставаться на местах!

Официант, увидев приближающегося Адама, рванул прочь, как заяц от пса.

Адам, с ледяным спокойствием, тщательно прицелился.

– Всем лечь!

Некоторые рухнули на землю, но многие в панике лишь толкались, словно обезумевшее стадо, мешая Адаму произвести выстрел и вынуждая его опустить оружие.

– Чёрт возьми, – прошипел он сквозь зубы.

Лишённый возможности преследовать официанта, что уже мчался во весь опор, Адам беспомощно наблюдал, как тот пересёк парковку и растворился вдали.

Аксель, тяжело дыша, подтянул Басту к краю бассейна. Адам протянул руку, помогая им выбраться. Баста выглядел потерянным, наглотавшись воды, а из разбитого носа сочилась кровь.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спросил Адам.

Аксель кивнул, сплевывая воду.

– Я цел. Но вот Баста... Извини за нос, приятель.

Баста поморщился.

– Я выживу. Но, чёрт побери, если это твоя идея о защите, то у меня большие проблемы!

"Беверли Хилтон" перестал быть надёжным убежищем. Им срочно нужно другое место, и Адам решил, что его собственный дом ничем не хуже любого другого. Он гнал полицейскую машину без опознавательных знаков, слегка превышая скорость, и поглядывал в зеркало заднего вида на пассажиров, кутавшихся в полотенца и пытавшихся высушить мокрую одежду. В окровавленный нос Басты была засунута вата. Его вещи лежали в багажнике.

– Кто-то пытается тебя убить, Баста, – констатировал Адам, не отрывая взгляда от дороги.

– Что, чёрт возьми, ты натворил? – раздражённо спросил Аксель. – Стал свидетелем убийства или что-то в этом роде?

Баста нервно облизнул пересохшие губы.

– О, боже, нет. Ничего подобного.

– Так что же? – настаивал Адам.

– Последние пять лет я отмывал деньги для крупнейшего нарко- и оружейного синдиката на Западном побережье – "Голубого Лебедя".

Аксель едва не подавился от изумления.

Глубоко в недрах пустыни Мохаве

Люциус Хоук, словно хищная птица, застыл у окна, вперив взгляд в кипящую суету снаружи. Затянувшись тонкой сигарой, он с наслаждением впустил в себя горьковатый дым, словно смакуя предвкушение грядущих событий.

За письменным столом, словно каменный истукан, восседал Хаку-Оу, прижав к уху телефонную трубку.

— Пригласи его, — сухо бросил Хаку, оборвав разговор. Повернувшись к Хоуку, он встретил его взгляд непроницаемым, как у древнего идола, лицом. — Он здесь.

Хоук едва заметно кивнул, разворачиваясь к двери. В этот самый миг в комнату ворвался Галсия, на ходу сбрасывая белую куртку официанта. Рыжеволосый, изможденный парень, словно загнанный зверь, был мокрым от пота и одет не по сезону: чёрная футболка и мешковатые джинсы. Как бы ни было современно и технологично это тайное убежище, поддержание комфортной температуры потребовало бы непомерных затрат энергии, что могло привлечь нежелательное внимание. Важно было не привлекать внимания.

— Простите, мистер Хоук, — прохрипел Галсия, хватая ртом воздух. — Он сбежал.

Хоук глубоко вздохнул, делая два шага навстречу. В глазах плескалось ледяное презрение.

— Ты подвёл меня, Галсия, — прошипел он, словно змея. — Теперь полиция действительно в курсе.

Галсия судорожно сглотнул, облизывая пересохшие губы.

— Всё произошло молниеносно. Я не ожидал, что там окажутся копы, сэр. Мне ещё повезло, что я унес ноги.

Лёгким движением руки Хоук извлек из кармана пиджака пистолет сорок пятого калибра и наставил его прямо в лицо перепуганному парню.

— Тебе не стоило беспокоиться, идиот.

Короткий выстрел разорвал тишину.

Голова Галсии взорвалась, разбрызгивая вокруг кровь и мозги. Тело обмякло и рухнуло на пол, образовав багровую лужу.

— Разберись с этим мусором, — бросил Люциус, поворачиваясь к Хаку-Оу. Тот молча кивнул и вновь взял телефонную трубку.

На губах Хоука заиграла зловещая ухмылка. Всё только начиналось. Впереди маячили захватывающие перспективы.

Дом офицера Адама Хантера
Ла Хабра Хайтс
13:22

В доме Адама, под мерным тиканьем кухонных часов, за столом расположились трое: Аксель, Адам и Баста. Аксель кутался в один из просторных халатов Адама, словно в кокон, пока его полицейская форма обретала вторую жизнь в недрах сушилки, урчащей, как довольный зверь.

Баста, словно разогретый двигатель, начал повествование о своих трудовых буднях:

– Десять лет, чтобы доковылять от кассира до помощника менеджера. Но скука, понимаете? Где тот шквал приключений и адреналин, что нам пророчили в бизнес-школе? Пришлось подстелить соломку – занялся подготовкой налоговых деклараций на стороне. Вроде бы всё шло как по маслу, но... всё равно было пресно.

Взревел сигнал сушилки, разрывая тишину. Баста проворно поднялся и извлёк из чрева машины влажную, но уже благоухающую чистотой форму Акселя.

– Спасибо, – бросил Аксель, стягивая халат и облачаясь в форму.

– Так вот, о чём я, – Баста вернулся к прерванному рассказу. – Сейчас готовлю налоговые декларации для весьма экстравагантных клиентов. Они – сигналы, я – встречные сигналы..

– Что за сигналы? – Адам нахмурил брови, словно разгадывая сложную головоломку.

– Действуй, действуй, действуй! – Баста расплылся в довольной усмешке.

Адам, явно озадаченный, наблюдал, как Аксель ловко застегивает пуговицы рубашки.

– Как рубашка? – Баста не унимался, словно фокусник, демонстрирующий свой лучший трюк. – Ничего, да? Специальные полоски для смягчения ткани использовал. Эффект, правда?

Аксель одарил его искренней улыбкой:

– Здорово, приятель.

– И ещё, – Баста заговорщицки понизил голос, – даже если на этикетке написано «Только сухая чистка», смело стирай вручную в холодной воде – сэкономишь целое состояние! – Он вдруг хлопнул себя по лбу, словно его осенило. – Вот оно что! Забавно, да? Я и стираю, и отмываю деньги.

– И как это у тебя получается? – с любопытством спросил Аксель.

Баста облизнул губы, предвкушая свой рассказ:

– Ладно, слушайте. Они приносят наличные в банк и переводят их на счет фиктивной финансовой компании, зарегистрированной где-нибудь на Багамах. Иногда это тянется целый день, потому что нельзя внести все сразу.

– Почему? – Адам не унимался.

– Закон о банковской тайне, – ответил Баста. – Любая операция по внесению или снятию наличных на сумму десять тысяч долларов и более генерирует СТР... "Запись о валютных операциях"... которая прямиком летит в налоговую.

Адам кивнул, осмысливая услышанное:

– Понятно.

Баста покачал головой, словно опровергая сам факт законности происходящего:

– Вот именно, что "не понятно". Это дико усложняет мою работу. В общем, после того, как все депозиты внесены, я возвращаюсь и выдаю им чек на всю сумму. Общая сумма депозитов, очищенная от комиссий. Кассовые чеки – дьявольски гениальные инструменты. Почти как наличные, но с одним маленьким секретом: налоговая о них не узнаёт. Ну, вот и отмывание денег, верно? Но это ещё не всё. Кассовый чек маскируется под ссуду. "Кредитор"? Фиктивная финансовая компания, созданная из воздуха. Документы, подтверждающие ссуду – вот они. И вишенка на торте – налоговый вычет с процентных платежей, которых в реальности и не было.

Аксель выдохнул с присвистом. – Баста, да ты просто гений мошенничества.

Баста расплылся в хищной ухмылке. – Это только начало. Готов к продолжению?

Аксель растерялся. – К чему?

– Да к тому, как это было просто. Все эти операции с наличными. Миллионы долларов перетекали из рук в руки. Кто заметит недостачу десяти тысяч там, двадцати тысяч здесь?

– Плохие парни заметят.

– Верно. И именно поэтому я сейчас в глубокой заднице. Кочую из отеля в отель уже несколько недель, как перекати-поле.

Адам не выдержал. – И сколько же тебе удалось отмыть, Баста?

– Не твое собачье дело, – огрызнулся Баста. – И потом, я брал это у наркоторговцев и торговцев оружием. Разве это преступление?

Адам переглянулся с Акселем, выразительно вскинув брови. – Не могу поверить, что этот парень...

Аксель кивнул и взглянул Басте прямо в глаза. – На кого ты работал? Что тебе известно о «Синем Лебеде»?

— Я не могу вам всё рассказать, — замялся Баста. — Мне нужно кое-что приберечь для Комиссии по расследованию. Я должен стать главным свидетелем.

Аксель нахмурился. — Я спас тебе жизнь сегодня, Баста. Это хоть что-то значит?

Адам закатил глаза, поражённый прямолинейностью Акселя.

— Ну, ладно, — сдался Баста. — Вообще-то, мне не стоило тебе этого говорить...

Аксель ловил каждое слово. — Да, да...

— Главварь «Синего Лебеда» — некто по имени Люциус Хоук. Кроме имени, я о нём ничего не знаю. Я работал только с одним парнем, китайцем по имени Хаку. Никогда не называл последние тридцать пять имён, если они у него вообще были.

Аксель метнул на Адама взгляд, в котором читалось: "Мы напали на золотую жилу!" Он снова повернулся к Басте. — Так этот... Хаку-Оу... Он привозил тебе наличные?

Баста кивнул. — Всегда. Прямо в банк. Это единственное место, где я его видел. Ну, за исключением одного раза. На частной встрече в Бель-Эйр...

— Где конкретно в Бель-Эйр? — перебил его Адам.

— В особняке, в одном из каньонов.

— В каком именно? — допытывался Адам.

— Над Сансет-Стрип.

Аксель шумно выдохнул, закатив глаза.

— Баста, все каньоны простираются над Сансет. Назови место, чёрт возьми.

Баста нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Не могу, вылетело из головы.

Разочарование омрачило лицо Акселя, но Баста тут же добавил:

— Но я могу вас туда отвезти.

Мгновенно воспрянув духом, Аксель поправил кобуру под пиджаком и кивнул.

— Только не лезь в пекло, Акс, — предостерегающе поднял руки Адам. — Нам было приказано просто присматривать за этим типом, держать его подальше от неприятностей. И никаких игр в детективов Беллами!

— Да брось, Адам, — отмахнулся Аксель. — Это наш шанс вырваться вперёд. Не будь таким занудой. Эти ублюдки убили моего отца. Тебя совсем не гложет любопытство?

Адам с тяжёлым вздохом поднялся из-за стола, на его лице читалось явное сомнение.

6

14:47

Дорога, петляющая в каньоне, утопала в буйной зелени кустарников и деревьев, словно скрывая от глаз само присутствие цивилизации, хотя до лощеных улиц Беверли-Хиллз было рукой подать. Путь преграждал огромный эвакуатор, чья лебёдка цеплялась за искорёженное шасси заглохшей «Хонды».

Полицейский седан Адама замер у обочины. Баста, вытянувшись вперед с заднего сиденья, ткнул пальцем в окно.

— Вот оно, — прошептал он. — Здесь. Это то самое место.

Адам нахмурился. — Уверен на этот раз?

— Да, клянусь. Я помню этот фонтан.

Дом, скрытый за плотной стеной живой изгороди и раскидистыми кронами деревьев, не просматривался с дороги. Зато в глаза бросался огромный мраморный фонтан, взметнувший в воздух сверкающие струи воды, зрелище, напомнившее Адаму о роскошном отеле «Белладжио» в Вегасе.

Он заглушил двигатель, и Аксель выскочил наружу. Баста было двинулся за ним, но Аксель обернулся и покачал головой.

— Оставайся здесь, Баста, — приказал Аксель.

Баста послушно замер, а Аксель и Адам, обогнув эвакуатор, преграждавший подъезд, двинулись по раскалённому асфальту.

Адам махнул рукой оператору эвакуатора. — Кто-нибудь есть дома?

Оператор, плотный мужчина лет сорока, в грязном защитном шлеме, пожал плечами. — Откуда, блин, мне знать?

Адам выдавил подобие улыбки, повернулся к Акселю и пробормотал: — Сама любезность.

Они подошли к сверкающему новенькому Mercedes 950SL, припаркованному неподалеку. Аксель присвистнул сквозь зубы. — Недурная тачка, — заметил он. — Да ещё и на водородном топливе. Кому-то это влетит в копеечку.

Из-за поворота, среди пышной зелени пальм и папоротников, показался дом – ультрасовременный стеклянный дворец, изящный и утончённый, который, без сомнения, стоил десятки миллионов долларов.

– Держи руку на пульсе, – прошептал Адам. – Не хотелось бы, чтобы у какого-нибудь невинного налогоплательщика случился сердечный приступ.

Аксель ухмыльнулся. – Боже, ну и осторожничаем мы сегодня! Адам, никто из тех, кто живёт в таких хоромашах, не может быть абсолютно невиновным.

Они осторожно обошли дом, и перед ними открылась захватывающая панорама Лос-Анджелеса, простирающаяся от Уилшира до Марина-дель-Рей.

Аксель заворожённо моргнул. – Отсюда город кажется таким мирным.

Адам кивнул. – Трудно поверить, что он стремительно превращается в криминальный ад, где никто не может чувствовать себя в безопасности.

И это была горькая правда. За месяцы их расследования Лос-Анджелес на глазах Адама и Акселя мутировал, словно подхваченный лихорадкой. Город, некогда манивший лоском голливудских улыбок и ласковым солнцем, теперь зиял криминальной пастью, источая злобу, страх и ярость. И никто не знал, что стало причиной этого...

Приближаясь к дому, где, по их сведениям, затаилась цель, Адам и Аксель чувствовали, как напряжение стучится вокруг них, словно предгрозовой воздух. Не желая привлекать ненужное внимание, они крались по подъездной дорожке, стараясь не нарушить тишину своим дыханием, ступая по асфальту, как по хрупкому льду.

Обернувшись, они осознали, что дом держится на сваях, словно ласточкино гнездо, прилепленное к отвесной скале. Задняя веранда зловеще нависала над бездной каньона, играя с гравитацией и вызывая неприятное покалывание в животе.

– Будем надеяться, что матушка-земля не решит потанцевать, – пробормотал Аксель, пересекая террасу и входя в дом сквозь массивную стеклянную дверь, словно в пасть ледяного великана.

Внутри их встретил просторный, залитый светом коридор, обставленный мебелью, кричащей о богатстве и безупречном вкусе. В углу, в диссонанс с окружающим лоском, они заметили мужчину, увлечённо поднимавшего тяжести.

– Что за птица залетела в нашу клетку? – пробормотал Адам с нескрываемым любопытством.

Мужчина, высокий и жилистый, словно выточенный из камня, носил на голове бунтарский оранжевый ирокез, бросивший вызов строгим линиям интерьера. Его старые, протёртые на коленях джинсы и чёрный жилет с заклепками, подчеркивавший рельеф мускулов, казались осколком давно ушедшей эпохи. Он выглядел скорее артефактом из мятежных 80-х, чем органичной частью

стерильного мира 2010-х. Определенно, не хозяин этого элегантного, современного дома.

Мужчина, стоя спиной к стеклянной двери и лицом к зеркальной стене, рывком поднял над головой неподъёмную штангу, словно пытаясь вырвать её из объятий земли. Его отражение, вместе с силуэтами Акселя и Адама, замерло в зеркальной глади, создавая сюрреалистическую картину вторжения чужаков в его персональный ад физических упражнений.

Когда двое молодых полицейских приблизились, взгляд их зацепился за значок на его груди. Простое слово, выбитое на металле: «Бино». А на правой руке, словно клеймо, красовалась татуировка – синий лебедь, такой же, как у Donovan.

«Бинго», – промелькнуло в голове у Акселя, предчувствие ступило, как грозовая туча.

Неожиданно Бино обернулся, и в глазах его плескалась дикая, безумная ярость. С рыком сорвав штангу с пола, он швырнул её в Акселя и Адама. Смертоносный снаряд взмыл в воздух, заставив обоих отшатнуться.

Аксель едва успел выхватить пистолет, прежде чем рухнул на землю. Как же вовремя! Панк-рокер-тяжелоатлет уже сжимал в руках «Узи». Аксель выпустил короткую очередь, а «Узи» Бино, захлебываясь огнём, сеял хаос, превращая дорожные орхидеи в горшках в жалкий мусор. Адам поддержал Акселя, и когда стрельба достигла апогея, Бино резко развернулся и, подобно загнанному зверю, бросился к задней двери.

– За ним! – прорычал Аксель, подгоняемый адреналином.

Бино вылетел из дома и уже готов был нырнуть в чёрный «Мерседес», припаркованный на подъездной аллее, но дорогу преграждал эвакуатор, словно насмешка судьбы. Не теряя ни секунды, он перемахнул через капот и вскочил в кабину эвакуатора. Оператор, возившийся с креплениями «Хонды», лишь успел услышать, как взревел двигатель.

– Что за чёрт?! Эй! – завопил он, но было уже поздно.

Аксель и Адам подбежали как раз в тот момент, когда эвакуатор, взвизгнув шинами, сорвался с места, волоча за собой беспомощную «Хонду». Не раздумывая, Аксель вскочил на кузов эвакуатора. Внутри него клокотала ярость, копившаяся с самого дня смерти отца. Он чувствовал, как она рвется наружу, грозя смести всё на своем пути.

Адам, беспомощный, смотрел вслед уносящемуся эвакуатору, молясь про себя, чтобы друг не натворил глупостей.

– Не убивай его! – крикнул он, но ветер унес его слова. Он рванулся к своей машине, запрыгнул за руль и с яростью повернул ключ зажигания. Баста начал протискиваться с заднего сиденья.

– Что ты делаешь? – взревел Адам, срываясь с места.

– Следи за дорогой! – огрызнулся Баста.

Адам с силой втолкнул Басту обратно на сиденье.

Эвакуатор неся по узкой дороге в каньоне, словно обезумевший. Аксель, цепляясь за стрелу, пробирался к кабине, стараясь не попасть в поле зрения зеркала заднего вида. Эвакуатор входил в повороты на безумной скорости, заставляя «Хонду» метаться из стороны в сторону, словно пьяную.

Седан Адама, ревя мотором, преследовал беглеца. Адам видел, что задумал Аксель, и его пробирала дрожь. Предчувствие беды сдавливало грудь.

Аксель стукнул дулом пистолета по заднему стеклу машины, привлекая внимание Бино. Тот обернулся, и испуг исказил его лицо – будто увидел нежданного гостя из преисподней. Аксель растянул губы в хищной усмешке: "Сюрприз, засранец!"

Но вместо уступчивой остановки, Бино взревел мотором, и грузовик сорвался с места, словно дикий зверь, выпущенный из клетки.

Аксель почувствовал, как тревога ледяной змеёй скользнула под кожу. Ветер, хлеставший в лицо, заставлял щуриться. "Кажется, я замахнулся на большее, чем смогу проглотить," – промелькнуло в голове.

Бино, словно змея, достал из кобуры на лодыжке маленький, зловеще поблескивающий автоматический пистолет. Не оборачиваясь, наугад, через плечо, он открыл огонь по заднему стеклу. Взрыв! Облако осколков, словно ледяная буря, обрушилось на Акселя, а пуля опалила щеку. Ещё четыре выстрела прошли заднюю стенку кабины. Спасаясь от свинцового дождя, Аксель отчаянным прыжком переместился на крышу такси.

"Дерьмо," – пронеслось в голове, пока он цеплялся за край крыши, чувствуя, как ветер пытается сорвать его в пропасть. "В кино это кажется куда проще..."

Адам, следовавший за грузовиком, с изумлением увидел, как Аксель, словно отчаянный акробат, балансирует на крыше.

Бино услышал возню над головой и, со злобным торжеством, ударил по тормозам. Грузовик взвизгнул резиной, его занесло, разворачивая поперек дороги. Акселя, не удержавшись, сорвало вперед – он отлетел от капота и покатился по асфальту прямо под колеса.

Бино, стиснув зубы, ухватился за свой шанс и втопил педаль газа в пол. Злорадный смех заклокотал в его горле, когда грузовик с рычанием пронёсся над беспомощным телом Акселя.

Но внизу, Аксель, в последнем отчаянном рывке, избежал верной смерти, уцепившись за лебёдку и платформу для троса, выступающие из переднего бампера. Крик боли сорвался с его губ. Мышцы рук вздулись от нечеловеческого напряжения, когда грузовик потащил его по дороге, превращая асфальт в наждачную бумагу.

Он примостился на лебёдке, свесив ноги, и каблуки его ботинок высекали искры из асфальта, когда под ним проплывала дорога.

Бино бросил взгляд в зеркала заднего вида, убеждаясь, что Адам по-прежнему неотступно преследует его. Дерзко пересекая двойную сплошную, он заставил эвакуатор взречь, ввинчиваясь в крутой поворот. "Хонда" на буксире дёргалась из стороны в сторону, словно бешеный хвост. Седан Адама, вопреки всему, точно повторял каждый маневр эвакуатора. Что ни говори, а Адам Хантер был чертовски хорош в игре на выживание.

Аксель же, тем временем, не испытывал ни малейшего восторга. Быть привязанным к бамперу несущегося автомобиля – разве это можно назвать весельем? И это оказалось куда болезненнее, чем он предполагал. Тротуар мелькал в дюйме от его лица. Он был абсолютно беззащитен; лобовое столкновение превратило бы его в кровавую кашу. Эта мысль особенно остро пронзила его, когда эвакуатор, наплевав на правила, выскочил на встречную полосу прямо под колёса надвигающегося универсала.

Аксель зажмурился, готовясь к неминуемому... но в последнее мгновение машины, словно повинувшись чуду, разъехались. Универсал, проносясь мимо, чиркнул боком по кузову эвакуатора, высекая сноп ослепительных искр.

Аксель выдохнул с облегчением, поражаясь, как долго он сумел продержаться, не сломав ни одной кости.

В седане Адама раздался истошный вопль – смесь удивления и досады. Видимо, Басти наконец-то осознал, что пристегнуть ремень безопасности – идея не такая уж и плохая.

Эвакуатор проигнорировал знак "Стоп" и с визгом шин вылетел на Малхолланд-драйв. Седан Адама прилип к нему, как приклеенный, и оба автомобиля, словно одержимые, понеслись по дороге, на фоне развернувшейся панорамы долины Сан-Фернандо. Скорость стремительно приближалась к ста тридцати километрам в час.

Аксель, рискуя, оглянулся через плечо. Они неслись по Малхолланду, словно выпущенные из катапульты, обгоняя встречные машины, протискиваясь между медленно ползущими, в последний момент возвращаясь на свою полосу, когда до столкновения оставались считанные дюймы. Всё происходило так стремительно, что он едва слышал собственные мысли. В руке у него был пистолет, но что он мог сделать? Застрелить водителя? Прострелить шину? Но прежде...

Впереди показался огромный фургон, двигавшийся в том же направлении, что и эвакуатор, но значительно медленнее. Бино, недолго думая, решил обогнать его, вдавил педаль газа в пол и взревел мотором на полную мощь.

В этот самый миг Аксель выстрелил из пистолета в моторный отсек грузовика, отчаянно надеясь поразить что-нибудь жизненно важное, что остановило бы эту безумную гонку.

Невероятно, но это сработало.

Бино остолбенел, почувствовав, как эвакуатор теряет мощность. Стрелка спидометра начала стремительно падать... Сто десять километров в час, восемьдесят... Но грузовик уже поравнялся с фургоном, и у него не хватало

сил для обгона, а вернуться на свою полосу он не мог, потому что там ехал фургон. Что еще хуже, навстречу им летел "Лендровер" с доской для серфинга, привязанной к крыше.

Аксель был бессильным зрителем кошмарного спектакля, разворачивающегося у него на глазах. Рядом с ним навис исполинский эвакуатор, стена из грохочущего металла. Его чудовищные шины извергали фонтаны гравия и пыли, а из пасти дизельного двигателя вырывались клубы смрадного дыма и обжигающего жара.

«Лендровер» неумолимо приближался, казалось, слепой и глухой к надвигающейся катастрофе.

Бино оставалось лишь отчаянно вдавить педаль тормоза, пытаясь остановить неумолимый «Лендровер». Миг – и всё изменилось...

Колёса эвакуатора взвыли в предсмертной агонии, срываясь в юз, пропарывая асфальт визгливым скрежетом и окутывая всё вокруг едким облаком сизого дыма.

Акселя сорвало с предательской платформы лебёдки и швырнуло на раскалённый асфальт.

Адам отчаянно пытался затормозить, но было слишком поздно. Полицейский седан с неумолимой силой врезался в «Хонду», которую тащил эвакуатор. Удар был чудовищной силы. «Хонду» подбросило в воздух и перевернуло, и всё, что возвышалось над кабиной эвакуатора, разлетелось во все стороны ослепительным фейерверком осколков.

Аксель поднял голову и увидел, как над ним пронеслась перевёрнутая «Хонда», словно зловещая тень смерти.

Водитель «Лендровера», осознав надвигающуюся угрозу, отчаянно затормозил. Но было поздно. «Хонда», вылетев наперерез, с чудовищной силой врезалась в «Лендровер». Доска для серфинга, закреплённая на крыше внедорожника, взмыла в воздух, словно выпущенная из катапульты, и пролетела немислимые пятнадцать футов в направлении эвакуатора.

Бино, заворожённый, наблюдал, как доска для серфинга, словно смертоносный снаряд, летит прямо на него. Он не успел даже моргнуть, когда она пробила лобовое стекло, рассыпав его на тысячи сверкающих осколков.

Всё кончено.

Когда рассеялась пыль, Адам увидел, что передняя часть его полицейского седана превратилась в груды искореженного металла. Он и Баста, потрясенные до глубины души, выбрались наружу – живые, но словно побывавшие в аду.

– Ты цел, – спросил Адам, глядя на Басту.

– Лучше не бывает, – прохрипел Баста, всё ещё не веря в то, что только что произошло.

Изуродованная «Хонда» лежала на боку, придавленная «Лендрровером», передняя часть которого тоже была изрядно помята. Чудом водитель «Хонды» остался жив.

Аксель, покрытый синяками и ссадинами, поднялся на ноги, обуреваемый яростью. Он, словно одержимый, бросился к «Лендрроверу» с пистолетом в руке, намереваясь свершить правосудие... но замер, словно пораженный молнией. Он увидел доску для серфинга, торчащую из лобового стекла прямо перед лицом водителя. На лице Бино застыла гримаса непередаваемого ужаса.

Адам и Баста приблизились к нему.

— Мёртв, — прорычал Баста, вкладывая в это слово всю свою ненависть.

Аксель кивнул, его лицо было мрачнее тучи, но он не произнес ни слова. В этот момент вдалеке засверкали проблесковые маячки, и к месту трагедии с воем сирен начали прибывать полицейские машины. Из них высыпали полицейские в форме. Адам, выхватив из кармана свой значок, направился к ним.

Аксель глубоко вздохнул, пытаясь унять бушующую в нём бурю.

Это было только начало.

7

23:58

Чёрный «мерседес», словно тень, скользнул по подъездной дорожке и замер у порога. Из чрева автомобиля, как духи из бутылки, возникли двое мужчин: Хаку-Оу и Антонио.

На Хаку-Оу, словно сошедшем со старинной гравюры, алела традиционная светло-коричневая мантия с багряными вспышками вышивки. Ткань трепетала, словно живая, открывая на правом рукаве столп китайских иероглифов: «**形意拳形意拳形意拳**». Он был воплощением мощи и мудрости, живой легендой синьцзянь, древнего боевого искусства, чьи корни уходили в глубь тысячелетий, к самому сердцу шаолиньского кунг-фу.

Высокий, стройный, с косою вороного шёлка, Хаку-Оу излучал сосредоточенную энергию. В Китае его величали «Богом копья», за нечеловеческое мастерство, за то, как сливался он с оружием в единое целое. В его жилах текла кровь героя: ещё мальчишкой, в двенадцать лет, он один обратил в бегство банду, напавшую на его родную деревню. С тех пор его почитали как духа-хранителя.

Но сегодня на его челе лежала тень. «Синий Лебедь», тайная операция, которой он руководил почти два десятилетия, висела на волоске. Некомпетентность и наркотическая зависимость его подопечных грозили все разрушить. Люциус Хоук, его работодатель, был в ярости. Ему было приказано лично проследить за тем, чтобы ни одна ошибка больше не омрачила их планы.

Антонио, его спутник, являл собой полную противоположность. Итальянский колосс, семи футов ростом, он казался живым воплощением грубой силы. Облаченный в простые джинсы и нелепую джинсовую куртку с меховым воротником, он больше походил на вышибалу из бара, чем на профессионального наёмника.

Под коротко стриженными каштановыми волосами скрывался острый ум. В юности он занимал третье место на чемпионате мира по метанию бумерангов – навык, который теперь, в его сорок лет, находил применение в более жестоких и смертоносных «играх». Уличный боец, воротила наркобизнеса, он прошёл через огонь и воду, прежде чем оказался на службе у тех, чья власть простиралась гораздо дальше, чем мог вообразить даже «Синий Лебедь».

Как только двое мужчин растворились в зеркальных стенах современного особняка, Аксель, Адам и команда Беллами, словно хищники, выскользнули из тени, окружая дом плотным кольцом.

– Двигаемся! Двигаемся! Двигаемся! – прозвучал короткий, рубленый приказ.

Хаку-Оу, нахмурившись, окинул взглядом усеянный гильзами пол и брошенную штангу. Голос его, пропитанный раздражением, прорезал тишину, достигая соседней комнаты:

– Антонио, живо сюда! Взгляни на этот бардак!

В ответ – лишь давящая тишина. И вдруг, ледяное прикосновение металла у виска. Аксель Стоун, застывший в мрачной ухмылке, словно воплощение ночного кошмара, навис над ним.

– Ни звука, болван, – прошипел Аксель. – Здесь полиция.

Внутри Хаку-Оу бушевал ураган ярости, но лицо оставалось непроницаемым.

– Полегче, офицер, – процедил он сквозь зубы. – Я безоружен и не собираюсь сопротивляться.

Аксель грубо толкнул его, и Хаку-Оу едва удержался на ногах.

– Осторожнее, пожалуйста, – огрызнулся он. – Не стоит так усердствовать.

В комнату ворвались Адам Хантер и детектив Беллами, под конвоем которых их провели в соседнюю комнату. Там, прижатый к стене Антонио, с широко расставленными руками и ногами, терпеливо сносил обыск, проводимый офицерами Мигелем и Прайсом. Бумажник Антонио перекочевал в руки детектива Каваны.

С лестницы спустился детектив Мейсон.

– Наверху чисто, – констатировал он.

Хаку-Оу стиснул зубы до скрежета.

— Вы понятия не имеете, во что ввязались, — прорычал он.

Адам бросил на него надменный взгляд.

— На твоём месте я бы не переживал, — отрезал он. — Мы профессионалы, это наша работа.

— Меня зовут Хаку-Оу, — заявил он, чеканя каждое слово. — А этого джентльмена — Виллем Антонио. Мы сотрудники консульства Организации Объединённых Наций здесь, в Лос-Анджелесе. Наши дипломатические удостоверения и паспорта лежат вон там, на столе.

Адам и Аксель обменялись полными недоверия взглядами.

— Проверьте сами! — взревел Хаку, не выдержав напряжения.

Детектив Беллами, усмехнувшись, направился к столу за документами. В этот момент в комнату, словно вихрь, ворвалась женщина. Ей едва исполнилось двадцать, длинные белокурые локоны рассыпались по плечам, а на ней был надет вызывающий красно-черный облегающий комбинезон из лайкры, с воротником и поясом из ПВХ, и соответствующая шапочка. Высокие красные сапоги и перчатки завершали образ доминирующей госпожи. В руке она держала строгий портфель. Это была Нора.

Появление Норы произвело эффект разорвавшейся бомбы. Полицейские инстинктивно вскинули оружие. Она вскрикнула от испуга.

— Ради всего святого, это всего лишь моя секретарша! — сплюнул Хаку, переведя взгляд на Нору. — Это офицеры полиции, Куин.

Беллами хмыкнул с ухмылкой.

— Ваша секретарша? Не слишком ли... эротично она одета для этой должности?

— Да как вы смеете! — голос Норы звенел негодованием. — Женщина имеет полное право одеваться так, как ей заблагорассудится! Дверь была открыта, и я просто...

Взгляды Акселя и Норы встретились, словно скрестились шпаги. Он стремительно шагнул вперед, выхватывая из её рук тяжелый портфель. — Я возьму это.

— Не смей открывать! — взвизгнул Хаку, в его голосе прозвучала отчаянная нотка. — Это дипломатическая почта! Она неприкосновенна согласно статье 27 Венской конвенции!

— Заткнись, пожалуйста, — процедил Аксель, поворачиваясь к застывшим полицейским. — Наденьте на него наручники.

Офицер Мигель уже было двинулся исполнять приказ, но замер на полпути, остановленный резким жестом Акселя.

— Подождите секунду...

Аксель склонил голову набок, вглядываясь в лицо Хаку с прищуром хищника.
— Я тебя знаю..

Он нервно облизнул пересохшие губы. — Выйди на свет.

Хаку с обречённым вздохом подчинился. — Это абсурд, — пробормотал он себе под нос. Когда холодный свет из коридора коснулся его лица, сердце Акселя подпрыгнуло в груди, обожженное узнаванием.

— Ты... Убийца! — взревел Аксель, словно раненый зверь, и ткнул в него обвиняющим пальцем. — Ты убил моего отца!

Хаку нахмурился, изображая непонимание. — Не говори чепухи.

Беллами, перебирая паспорта и удостоверения личности, поднял взгляд. — Они выглядят вполне официально, Аксель.

— Они и есть официальные, — надменно парировал Хаку. — Согласно Закону о дипломатических сношениях, ни один дипломатический агент не может быть задержан или арестован после установления его личности.

— Бред собачий! — прошипел Аксель, его глаза метали молнии. — Ты убил моего отца, мерзкий ублюдок! Ты убийца!

Хаку изобразил оскорбленное достоинство. — Я — дипломат.

— Ты — убийца! — взревел Аксель, его голос сорвался на хрип. — И я тебя прикончу!

Хаку презрительно фыркнул. — Да ты даже штраф за парковку мне не выпишешь.

Челюсти Акселя судорожно сжались, ноздри раздулись от ярости.

— Ну что, кто теперь прав, офицер? — Хаку самодовольно ухмыльнулся, торжествуя над ситуацией.

— Хорошо, — медленно кивнул Аксель, в его голосе послышалась зловещая угроза. — Докажи это. Покажи мне свою руку.

— Что?

— Дай-ка я осмотрю твое правое предплечье.

Хаку глубоко вздохнул, бросая взгляд на застывших в напряженном ожидании копов. Затем, с нарочитой неохотой, закатил рукав рубашки. Там, чуть ниже плеча, красовалась знакомая эмблема — вытатуированный синий лебедь.

— «Синий Лебедь», — констатировал Аксель, кивая самому себе. Он поднял свою «Беретту», направив чёрное жерло прямо в рот Хаку. — Не думаю, что твои „дипломатические“ заявления теперь чего-то стоят. Ты убил моего отца, и ты за это заплатишь...

— Убил твоего отца? Понятия не имею, кто ты такой...

Аксель шагнул вперёд, в его глазах бушевал пожар многолетней ненависти. — Присмотрись, мразь!

Хаку прищурился, словно разглядывая насекомое, а затем его брови взлетели вверх в притворном удивлении. — О, неужели это возможно? — расхохотался он, в голосе сквозило презрение. — Неужели это сынок Локка Стоуна? Того ничтожества, что задолжал нам целую кучу денег? Ты меня разочаровываешь. Я на миг решил, что ты отпрыск кого-то значимого. Но Локк Стоун был пылью. Просто пылью.

— Ты, ублюдок! — взревел Аксель, готовый разорвать его на части.

— Эй, — Беллами поднял руки, пытаюсь его остановить. — Аксель, успокойся.

— Успокоиться? Я ждал этого больше десяти лет...

Внезапно Хаку, словно змея, метнулся вперед и с хрустом впечатал кулак в лицо офицера Мигеля. Тот рухнул на спину, заливаясь кровью из разбитого носа. В тот же миг Антонио мощным ударом отшвырнул от стены прижимавших его полицейских.

— Чёрт! — выдохнул Адам, вскидывая пистолет, но Нора, словно тень, бросилась к нему и резким ударом ноги выбила оружие из рук. Затем она обрушила на него град ударов, заставив отступить.

Аксель, стиснув зубы до скрежета, бросился на Хаку. Тот, увидев его атаку, мгновенно принял оборонительную стойку, подняв руки, словно молящийся богомол, ладонями вперед. Аксель обрушил на него яростный шквал прямых ударов, но Хаку уклонялся с поразительной легкостью, отбивая всё, что угрожало его пространству. Аксель попытался изменить тактику, нанося боковые удары, но каждый раз наткнулся на непробиваемую защиту противника.

С рыком отчаяния Аксель сделал выпад вперёд и вниз, пытаюсь подсесть противника, использовав свой центр тяжести для обманчивого манёвра, но дистанция оказалась слишком велика. Хаку мгновенно наказал его за это, нанеся хлесткий удар голенью в плечо, когда тот поднимался. И тогда Хаку-Оу, словно пробудившись от сна, начал наносить молниеносные, точные удары, держа Акселя на расстоянии, не давая ему ни единого шанса на ответный выпад.

Тем временем Антонио достал свой бумеранг и начал крушить им окруживших его копов.

Мигель, Кавана и Прайс уже лежали поверженные; детектив Мейсон успел сделать пару выстрелов, прежде чем бумеранг рассёк воздух и с силой ударил его в лицо. Он захрипел, и в тот же миг кулак Антонио обрушился ему между глаз. Он рухнул, потеряв сознание.

Антонио, с безумным блеском в глазах, обернулся, выискивая детектива Беллами...

Адам отчаянно пытался защититься от яростного натиска Нора. — Я стараюсь не поднимать руку на леди...

Он что-то пробурчал себе под нос. Затем, воспользовавшись замешательством женщины, бросился вперед, словно разъяренный бык, и всадил кулак ей в живот. Воздух с шумом вырвался из её лёгких.

— ... но, моя дорогая, леди из тебя не вышло, — процедил он сквозь зубы.

Нора согнулась пополам, как сломанная кукла, и Адам добил её ударом в ребра. Хруст костей отозвался эхом в комнате, и она рухнула на пол.

Аксель выжидал, словно хищник, высматривая момент для контратаки. Хаку-Оу замахнулся для удара с разворота, но Аксель, словно танцор, уклонился от смертоносной ноги и обрушил на противника град ударов в корпус. Кулаки вязли в нем, как в старой, жилистой говяжьей туше, закаленной годами изнурительных тренировок — казалось, они не причиняют ему никакого вреда.

Быстро сообразив, Аксель вцепился в плечи Хаку-Оу и принялся осыпать его ударами коленями в живот и по ногам, стремясь сбить гиганта с ног. На мгновение одна из ног Хаку подкосилась, и Аксель почуял запах крови, возможность нанести серьезный урон, но тут же получил сокрушительный удар локтем в голову, отбросивший его назад, словно тряпичную куклу.

Попытавшись прийти в себя, Аксель увидел лишь мелькнувшую в воздухе ногу Хаку-Оу, летящую прямо в его лицо. С тошнотворным стуком кость врезалась в череп, и Аксель, оглушенный, рухнул на пол, мир вокруг померк.

— Жаль, — прошипел Хаку-Оу, в его голосе слышалось пренебрежение.

Детективы Беллами и Адам Хантер оставались единственными полицейскими, кто еще держался на ногах, и, что ещё хуже, Нора поднималась на ноги, отряхивая с себя несуществующую пыль.

Антонио издал утробный рык и схватил Беллами, одним молниеносным движением подняв его над головой, словно пушинку, а затем со всей силы швырнул на пол. Хруст сломанных костей смешался с предсмертным криком, и кровь брызнула во все стороны.

Адам попытался выстрелить, но нога Нора выбила оружие у него из рук. Он попытался увернуться, но Хаку оказался слишком быстр и сбил его с ног, словно кеглю.

Аксель сплюнул кровь, её металлический привкус наполнил рот. Он попытался подняться, но острая боль, пронзившая разорванные мышцы и связки, пригвоздила его к полу. Он снова упал.

Хаку ослабилась и повернулся к Норе.

— Королева, хватай портфель и отойди в сторону, — приказал он.

Нора одарила его хитрой, заговорщической улыбкой. Подняла с пола портфель и отошла от поверженных полицейских.

Хаку кивнул Антонио, бросил последний взгляд на распростертые тела и повел своих приспешников к выходу.

— Пошли. Уходим отсюда, пока не приехала подмога.

8

Офис капитана Джека Уиндэма

Местный полицейский участок Миссионерского отдела

23 марта, 10:37

Капитан Уиндэм, словно застывший истукан власти, восседал за своим массивным столом. Перед ним, как перед алтарём, собрались Аксель, Адам и команда Беллами, а Баста, тихий и незаметный, примостился в тени.

— Госдепартамент вонзит нам нож в спину! — голос Уиндэма, грубый и резкий, разорвал напряжённую тишину. — Нам придётся ползать на коленях, вымаливая прощение!

Аксель, словно хищник, почуявший кровь, нахмурился.

— Они грязные, как дождевые черви! Они убили моего отца!

Тяжёлый вздох капитана повис в воздухе, словно предвестие бури.

— Ты не можешь утверждать это с уверенностью, Аксель.

— Сэр, я знаю, — в голосе Акселя звучала сталь. — Я узнал бы их из тысячи! У них у всех были мерзкие татуировки с голубыми лебедями, и они превратили клуб в кровавую баню.

Он скривился, словно от неприятного воспоминания.

— Проведя столько времени в этой клоаке, как я, начинаешь различать каждую крысу по запаху.

— Хочешь поймать дипломата на живца, Аксель? — раздражение просквозило в голосе Уиндэма. — Поймай его с поличным. Не устраивай цирк!

Аксель кивнул, челюсти его сжались.

— Хорошо, я сделаю это. Но мне нужна ваша помощь, потому что сейчас они чувствуют себя неприкасаемыми.

Уиндэм глубоко вдохнул, словно собираясь с духом, и повернулся к Беллами.

— Беллами, тебе нужен отпуск, пару недель. Отлежись, отдохни. С такой ногой ты дальше пивной не уползёшь.

Беллами, опираясь на костыли, его левая нога утопала в гипсе, словно в надгробном камне. Роковая встреча с Виллемом Антонио оставила на его костях глубокий шрам, ставя под вопрос его дальнейшую карьеру. Он кивнул, бросив на Акселя полный обиды взгляд, но промолчал.

– Я перенаправлю твоих людей на другое дело, – отрезал Уиндэм. – Мне нужен кто-то помоложе и покрепче, чтобы расправиться с этими «Синими Лебедами». Кто-то, кому я могу доверять, кто не вернётся со сломанным носом, ногой или, не дай бог, рёбрами.

Детектив Мейсон, стоявший в группе Беллами, помрачнел. Сломанный в прошлой драке нос неприятно ныл.

– Вы не можете так поступить, сэр, – пробурчал он.

– Я только что это сделал, – сухо отрезал Уиндэм. – А теперь проваливайте.

Аксель и Адам хранили молчание, избегая зрительного контакта, пока Беллами, Мейсон и остальные, что-то ворча себе под нос, покидали кабинет.

Когда за последним уходящим закрылась дверь, Уиндэм нахмурился. Лишь сейчас он заметил Басту, скромно примостившегося в углу. Капитан с изумлением рассматривал этого маленького человечка, чьё озадаченное выражение лица казалось почти комичным. Уиндэм вскинул брови, во взгляде застыл немой вопрос.

– Лео Лопес, но для друзей – Баста, – произнес тот, поднимаясь и протягивая руку. – Рад знакомству.

– Господи Иисусе! – воскликнул Уиндэм, хлопнув себя по лбу. – Совсем забыл про этого парня! – Он повернулся к Акселю, в голосе зазвучал металл. – Ты арестовал гражданское лицо? Гражданское лицо, которое ты поклялся защищать?

Баста виновато покачал головой. – Не волнуйтесь, капитан. Всё в порядке. Я всегда был в машине.

– Всегда?

– Офицер Стоун и офицер Хантер настояли на этом, – пояснил Баста, потупив взгляд.

Уиндэм глубоко вздохнул, стараясь обуздать нарастающее раздражение. Переведя взгляд на Акселя и Адама, он проговорил сквозь зубы:

– Вам, сорванцам, повезло, что вы мне нравитесь. На моём месте любой другой отправил бы вас за такое разгильдяйство прямоком на улицу. У вас хронические проблемы с дисциплиной и следованием инструкциям. Но... – он смягчился, – чёрт возьми, вы хорошие копы, когда дело доходит до дела. Отличную работу проделали по "Синему Лебедею". И я действительно верю, что вы попали на верный след.

Аксель кивнул, стараясь скрыть облегчение. – Спасибо, сэр.

Уиндэм пристально посмотрел на него. – Я впечатлен вашей работой, Аксель, – произнес он, словно взвешивая каждое слово. – Вы мне импонируете. Вместе вы – сила. У вас огромный потенциал. Поэтому я повышаю вас обоих до детективов и назначаю напарниками.

Адам едва не выронил челюсть. – Вы.. вы серьезно?

Уиндэм открыл ящик стола и извлек оттуда пару новеньких, с игопочки, полицейских значков. Протянув их вперед, он добавил с усмешкой:

– Я редко шучу, детектив Хантер. Вам ли этого не знать.

Адам расплылся в улыбке, бережно принимая свой новый значок. Детектив Хантер. Звучит неплохо. Очень неплохо.

– Эй, поздравляю, ребята! – просиял Баста, не скрывая радости.

– Вашим первым заданием в качестве напарников станет руководство расследованием дела "Синего Лебедя", – продолжил Уиндэм, не давая эмоциям захлестнуть момент. – То, что вы показали за последние дни, убедило меня, что у вас есть все необходимое, чтобы довести до конца такое масштабное дело. Я бы не принял такого решения, если бы не был уверен в этом на все сто процентов.

Аксель был на седьмом небе от счастья. Он поднёс свой новый значок к солнечному лучу, пробившемуся сквозь окно, и с благоговением рассматривал его.

– Мы вас не подведём, сэр, – твердо пообещал он. Затем поднял взгляд, и на его лице промелькнула тень озабоченности. – Разумеется, нам потребуется полный доступ ко всем материалам дела.

Уиндэм кивнул. – Само собой разумеется.

Баста облизнул пересохшие губы. – А как же я, сэр? Что теперь будет со мной?

Уиндэм окинул его взглядом. – Не дрейфь, Лопес. Больше никаких посиделок в тачках, пока эти ребята пашут. Сегодня утром звонили из Центра – шеф О'Хара лично хочет пообщаться с тобой, прежде чем приедут федеральные маршалы. Так что сегодня днем тебя перевезут в центр Лос-Анджелеса.

– Встречусь с самим шефом? – переспросил Баста, смакуя каждое слово. – Вот это круто.

Затем на его лицо набежала тень – вопрос, грызущий его изнутри. – Я вот думаю.. когда начну сотрудничать с федералами.. расскажу им всё, что знаю.. Есть шанс выйти на свободу, да? Без тюрьмы?

– Возможно, – сухо бросил Уиндэм.

– Это хорошо, – выдохнул Баста. – Потому что я усвоил урок. Отныне для меня только прямая дорога.

Уиндэм развернулся и кивнул на дверь. – А теперь проваливайте отсюда, детективы. Идите и притащите мне пару отъявленных мерзавцев.

Аксель осклабился, вскакивая на ноги. – С превеликим удовольствием, сэр. И ещё раз спасибо.

Выйдя в коридор, Адам не удержался от смешка. – Не могу поверить, что он только что повысил нас. Я, честно говоря, думал, нас вышвырнут к чертям.

– Это триумф! – сиял Аксель. – Теперь у меня наконец-то появился шанс расквитаться с убийцей моего отца, используя все ресурсы, что у нас есть. Это была мечта всей моей жизни, понимаешь? Ну что, напарник? Окунемся в дело "Голубого Лебеда"?

Адам кивнул. Ему было приятно видеть Акселя в таком возбужденном состоянии; он знал, как это много значит для него. – Звучит заманчиво, Акс. Знаешь, при всём при этом, я буду скучать по Басте. Он, конечно, был занозой в заднице, но если бы не он... ничего бы этого не произошло. Повышения, я имею в виду.

Они зашагали по коридору к комнате для переключки.

– Да, – согласился Аксель. – По правде говоря, в глубине души он был неплохим парнем, и если его показания помогут прижать к стенке эту грязную схему отмывания денег "Синим Лебедем", это будет большим подспорьем для нас. Может быть, когда-нибудь наши пути снова пересекутся. Я искренне на это надеюсь.

Когда они добрались до комнаты для переключки, где обычно получали задания на патрулирование, они обнаружили, что их вещи уже вынесены. На столе сержанта красовалась небольшая записка, предлагающая им как можно скорее подняться в детективное бюро этажом выше.

– Теперь у вас, ребята, собственный кабинет, – ухмыльнулся офицер Гутьеррес, утопая в горе бумаг. – Ваши вещи перевезли заранее.

Аксель поблагодарил его, и они поднялись по лестнице на третий этаж, где притаилось детективное бюро. Ряд однообразных кабинетов тянулся вдоль коридора, лишённого окон, а леденящий душу кондиционер безжалостно выдувал остатки тепла. В самом конце этого мрачного прохода их ждала дверь, украшенная свежей краской и дерзкой трафаретной надписью:

ДЕТЕКТИВ СТОУН / ДЕТЕКТИВ ХАНТЕР

Адам расплылся в улыбке. – Капитан не терял времени, это точно. А я всегда мечтал о личном кабинете, капитан.

Внутри их ждали рабочие столы, увенчанные золотыми табличками с именами, мерцающие экраны компьютерных терминалов, книжные шкафы, излучающие мягкий свет настольные лампы и прочие атрибуты сыскного ремесла. Их личные вещи, словно драгоценные трофеи, покоились в картонных коробках, любовно оставленных на столе Акселя кем-то, у кого явно было непозволительно много свободного времени. Пока Адам, словно археолог,

раскапывал барахло в поисках своего счастливого бейсбольного мяча, Аксель, словно в поисках затерянных сокровищ, раздвинул жалюзи и принялся изучать стопку документов, оставленных для них на подоконнике – словно ключи к разгадке новой тайны.

– Вот, – Аксель извлёк из портфеля папку цвета ночного неба, на которой, словно выжженное клеймо, красовалась надпись: «СТРОГО СЕКРЕТНО». – Кто-то уже распахнул врата «Синему Лебедю», – произнёс он с едва уловимой горечью. – Кажется, мы последние узнали, что бал начался.

Аксель раскрыл папку, и поглотился в лабиринт документов.

Адам выудил из коробки свой коллекционный бейсбольный мяч, и складка недовольства пролегла меж бровей. Смахнув пылинки с автографа, он пробормотал: – Две тысячи долларов... Обращаться нужно бережнее. – Затем водрузил реликвию на самое видное место своего стола. – Чемпионы мира, 2002-й... «Ангелы Лос-Анджелеса» из Анахайма... – прошептал он, любуясь памятью триумфа.

Его взгляд упал на керамический горшок, из которого тянулось к свету деревце сагаретии бонсай, с сочными, изумрудными листьями и стволом, тронутым румянцем заката. Он поставил горшок рядом с мячом, и нежно провёл пальцами по тонкой веточке.

Аксель наблюдал за этим ритуалом, с усмешкой думая о том, как Адам нянчится со своими питомцами, замороженный почти маниакальной заботой.

– Что ж, к счастью для нас, этот Уолтер Донован всё ещё в клетке, – констатировал Аксель, пролистывая фотографии задержанного. – Судя по отчёту, Беллами не смог выжать из него ни слова.

– Прокуратура намерена вменить ему убийство Томаса Вантера, которое произошло прямо у него дома, в день ареста. Плюс, в багажнике – целый арсенал грязных денег и нелегального оружия, и он был пьян в стельку за рулём. И вишенка на торте – стволы украдены из полицейского хранилища.

– Только свой человек мог добраться до конфискованного оружия, – мрачно заметил Адам, отводя взгляд.

– Да. Вопрос в том, как оно утекло на чёрный рынок?

– Что-то здесь нечисто, – пробормотал он. – Есть какая-нибудь информация о жертве Донована?

– Крупицы, – ответил Аксель, углубившись в отчёт коронера. – Парень – никто и звать никак. Но на правом плече татуировка. Без сомнений – «Синий Лебедь».

– Что бы там ни было, это связано с разборками внутри банды. Какая-то грызня, или что-то в этом роде.

Адам глубоко вздохнул. – Итак, что дальше?

— Едем навестить Донована. Посмотрим, сможем ли мы расшевелить эту гадину, — сказал Аксель. — Думаю, я смогу его разговорить. У меня методы.. убедительнее, чем у Беллами.

Адам кивнул. Теперь, когда они окунулись в это дело, жизнь заиграла новыми красками. Это куда лучше, чем нудная рутина дорожного патруля. И они с Акселем напарники... Будет весело.

9

Дом Адама Хантера
Ла Хабра Хайтс, 20:45

Топот сбегавших по лестнице ног возвестил о появлении четырнадцатилетнего Эдди Хантера, который вихрем ворвался в гостиную, лицо его сияло неподдельным восторгом. Младший брат Адама, невысокий, всего четыре фута девять дюймов ростом, он был облачен в баскетбольную форму "Детройт Пистонс", словно сошедший с постера юный спортсмен.

— Адам, у тебя здесь просто отпад! — выпалил мальчик, надув щеки. — Можно я твои ролики погоняю на улице?

Адам, его мать Долорес и Аксель расположились у телевизора, словно зрители перед сценой.

— Сэмми, притормози и присаживайся, — спокойно сказал Адам. — У нас пицца.

Аксель колдовал над изображением на экране. — Да, Сэмми, присоединяйся к нам.

Эдди скорчил гримасу, словно его заставили съесть ложку горькой микстуры. — Не называйте меня Сэмми! Ненавижу это имя! Хочу, чтобы вы звали меня Скейт.

— Дурацкое прозвище, — поддразнил его Адам, но тут же вытащил из коробки кусок пиццы и протянул брату. — Да ладно, присаживайся, братан. Мы же тут праздник затеяли.

Скейт взял угощение и, ворча себе под нос, рухнул рядом с Акселем. — Так ты празднуешь повышение? Пиццей и каналом "Обустройство дома"? Где пиво? Может, хоть рестлинг включим?

Аксель едва сдержал усмешку, но промолчал, мудро решив не подливать масла в огонь юношеского бунта.

Долорес Хантер оценивающе смотрела в телевизор. — Отличная картинка, Аксель, — похвалила она. — Хорошая работа. — На её лице, обветренном годами суровых испытаний, читалась история борьбы и выживания. Она растила Адама и Эдди практически в одиночку, с тех пор как в юности оступилась и едва не утонула в омуте наркотической зависимости. Ей пришлось пройти через многое.

Не до конца убеждённый, Аксель нахмурился. — Вы так думаете, миссис Хантер? — Он откусил ещё кусочек пиццы, с наслаждением прожевал, затем взял пульт и нажал ещё пару кнопок, словно стремясь к совершенству.

Встревоженный таким унылым времяпрепровождением, Скейт вскочил с дивана и направился к входной двери. — Скукотища! Пойду лучше на улице поиграю.

— Будь осторожен, Сэмми, — крикнул ему вслед Адам, но было уже поздно.

— Пошёл ты, — буркнул мальчик, не оборачиваясь.

Дверь хлопнула, словно подставила точку в этом коротком диалоге. Долорес покачала головой. — Невозможный ребёнок, — пробормотала она, словно извиняясь за поведение сына. Затем встала и направилась на кухню, оставив троих мужчин наедине.

Аксель проводил её взглядом, затем повернулся к Адаму. — Кстати, спасибо, — сказал он искренне. — За то, что пригласил меня сюда сегодня вечером. Всегда приятно познакомиться с родными близких мне людей.

Адам лишь отмахнулся, словно отгоняя назойливую мысль. — Не за что. В моём доме тебе всегда рады, и мы празднуем каждый миг встречи.

Аксель криво усмехнулся. — Ага. Может, откроем ящик пива, чтобы Сэмми хоть немного притих?

— Попробуй пожить с этим чертёнком, — Адам расхохотался. — Я просто счастлив, что свалил от матушки, когда это случилось. Боже, иногда мне кажется, что Калифорния недостаточно далеко от Мичигана, понимаешь?

Аксель пожал плечами. — Я скучаю по семье.

Адам вздрогнул, осознав бестактность своих слов. Родителей Акселя уже не было в живых. — Ох, прости, приятель. Я не хотел. Но у тебя же есть Тина, верно? Кстати, когда я снова увижу твою сестру? Мы виделись всего один раз... на нашем выпускном в Академии...

Аксель выдавил короткий смешок, но в глазах мелькнула тень. — Когда она соизволит оторвать свою задницу от тренировок с катаной. Ей, видите ли, одного чёрного пояса по карате недостаточно. Похоже, эта девушка — ураган.

Они прошли на кухню. Аксель, прислонившись к столешнице, уплетал кусок пиццы, а Долорес, словно замороженный, наблюдал, как Долорес загружает посудомоечную машину.

Приземлённая домашняя рутина.

— Твоя мать хорошо воспитана, Адам, — пошутил он.

Долорес обернулась, бросив на него взгляд. — Знаешь, ты всегда можешь сесть за стол, — сказала она.

— Мне нравится есть стоя, — ответил Аксель.

Долорес взглянула ему в глаза и увидела в них клубящуюся тревогу. — Что-то случилось, Аксель?

После паузы Аксель бросил обиженный взгляд на Адама и стиснул зубы. — Да ничего особенного. Просто Адам напомнил мне о маме и папе. На этой неделе два года... как умерла мама. И теперь это не выходит у меня из головы.

Материнское беспокойство отразилось на лице Долорес. — Хочешь поговорить об этом? — спросила она.

Аксель пожал плечами, и Долорес поняла, что он не хочет.

— Ты не обязан.

Но Акселю хотелось выговориться, и он начал сразу. — Это должен был быть самый счастливый день. Мы с Адамом заканчивали Академию, становились настоящими копами. Праздник...

Долорес кивнула. — Я помню.

— В то утро я говорил с мамой по телефону, — продолжил Аксель. — Она ехала на церемонию из Лос-Анджелеса. Обещала не опоздать, везла мне подарок. Когда она не появилась, я подумал, что она просто забыла... Когда я вернулся, тишину дома разорвал телефонный звонок. Стрелки часов, казалось, застыли где-то между десятью и одиннадцатью вечера. Подняв трубку, я будто шагнул в ледяную воду — известие обрушилось на меня, как волна. Она... погибла в автокатастрофе, на проклятой Оранжевой эстакаде. Я судорожно облизнул пересохшие губы. "Вот оно, началось", — пронеслось в голове. Холодный ужас сковал меня, будто железными цепями. «Я схожу с ума...» Помню, как рухнул на колени, дрожа всем телом, и принялся шарить под диваном. И вот, словно насмешка судьбы, в пыльном углу обнаружилась потерянная ручка, которую я искал повсюду. Вдруг в голове раздался голос, грубый и властный, как у армейского сержанта: "Встать, сейчас же!" Но я продолжал лежать, скованный отчаянием, а голос неумолимо требовал подчинения.

Он покачал головой, словно отгоняя наваждение. — Я знаю, это звучит безумно.

— Бедный мальчик, ты был раздавлен, — тихо произнесла Долорес.

— Потом я сделал кое-что странное, — Аксель глубоко вздохнул. — Я решил перестать плакать. Просто чтобы проверить, смогу ли я. И я смог. А потом... я улыбнулся. Боль разрывала изнутри, но мышцы лица, словно марионетки, послушно выполнили приказ. Я поднялся. И поехал в морг. Опознал её... и подписал бумаги той самой ручкой.

Долорес была тронута. В её глазах блеснули слёзы сочувствия. Аксель же, напротив, казался отстранённым, словно наблюдая за происходящим со стороны.

— Я могу говорить об этом, — спокойно произнес он. — На самом деле, говорить об этом совсем не больно.

— Тогда что же с тобой происходит? — встревоженно спросила Долорес. — Чёрт возьми, Аксель, внутри тебя точно скрывается ещё какой-то, другой демон.

Аксель замолчал, словно подбирая слова. Тень боли скользнула по его лицу. — Смерть моего... моего отца. Я не люблю об этом говорить. Я никогда об этом не говорю.

Долорес не знала, что сказать. Она обернулась и увидела Адама, стоящего в дверях с сочувствующим взглядом.

— У нас есть шанс приостановить деятельность «Синего Лебедя», Аксель, — Адам положил руку ему на плечо. — Может быть, мы сможем хоть немного прояснить твою ситуацию.

Аксель кивнул, с трудом сглотнув комок в горле. Он глубоко вздохнул, пытаясь собраться с мыслями.

— Да... Ты прав, Адам. Но жить с этим... всё равно нелегко.

24 марта, 09:41

В тускло освещённой комнате для допросов Адам наблюдал, как Аксель, словно загнанный зверь в клетке, меряет шагами пространство перед Донованом. Последний, ссутулившись, сидел за столом, словно под тяжестью невидимого груза, его лицо скрывали ладони, вцепившиеся в голову.

В напряжённых чертах Донована Аксель читал отчаяние, предвестник скорого психологического слома. Полтора часа они провели в этой удушающей атмосфере, но, казалось, время застыло, лишь усиливая давление.

— Вы по-прежнему утверждаете, что не имеете ни малейшего представления, как оружие оказалось в багажнике вашей машины? — Голос Акселя, приглушенный и вкрадчивый, прозвучал, как удар хлыста. Он приблизился, нагнетая и без того густую тишину.

— Нет, — пробормотал Донован, не поднимая глаз.

— И смерть Вантера на полу вашей гостиной — для вас такая же загадка?

— Да.

Аксель усмехнулся про себя. Долго ли ещё этот человек будет плести паутину лжи, надеясь обмануть судьбу? С показным спокойствием он развернулся к Доновану и, пронзив его взглядом, словно скальпелем, отрезал пути к отступлению.

— Хватит этой игры, Донован. Правда, как яд, рано или поздно просочится наружу. Если вы не начнёте говорить прямо сейчас, я лично позабочусь о том, чтобы Хаку-Оу узнал, как вы его подвели. Я буду предельно откровенен

– раскрою ему всё, до последней, грязной детали. Всё, что мы нашли, всё, что мы знаем...

Что-то дрогнуло в Доноване, словно тронутый морозом лёд. Он медленно поднял голову.

– Ты не посмеешь... – В усмешке Акселя промелькнула тень торжества. Он нащупал слабинку. Очевидно, имя Хаку-Оу не было для Донована пустым звуком.

– О, поверьте, с огромным удовольствием.

Донован запаниковал. Его взгляд заметался по комнате, словно ища щель в стене, дверь в спасение. Пот проступил на лбу, выдавая внутреннюю борьбу. Он судорожно облизнул пересохшие губы.

– Мне уже предъявлено обвинение в убийстве первой степени. Возможно, за решёткой я буду в большей безопасности. Если я заговорю, они меня убьют.

– Если вы поможете нам, – подал голос Адам, до этого молчаливо наблюдавший из угла, – у нас есть шанс навсегда покончить с деятельностью «Синего Лебеда». Мы сможем упечь этих отморожков за решётку на долгие, долгие годы. И, в качестве дополнительного стимула, мы замолвим за вас словечко перед окружным прокурором.

Донован недоверчиво моргнул.

– Вы... вы можете это сделать?

Аксель кивнул, не отрывая взгляда от жертвы.

– Безусловно. Один из помощников окружного прокурора – мой старый друг. Я смогу перекалфицировать ваше обвинение в непредумышленное убийство третьей степени, если вы решите сотрудничать. И я уверяю вас, Донован, это будет мудрое решение.

– И Хаку-Оу ничего не заподозрит?

Аксель покачал головой.

– Послушай, Доно, – начал он, понизив голос, – у тебя есть два пути. Либо ты молчишь, и я лично расскажу Хаку-Оу о том, что здесь произошло. Тогда тебе гарантирована статья за убийство первой степени, а твоя жизнь станет разменной монетой в руках "Синего Лебеда". Либо ты сотрудничаешь с нами. Мы усыпим бдительность "Лебедей", и третье убийство сойдёт тебе с рук. Это более чем щедрое предложение, Донован. Сделай правильный выбор.

Тягучая тишина на миг сковала комнату, пока Донован взвешивал каждое слово, каждое последствие. Решение созревало медленно, как плод, пропитанный ядом.

Он коротко кивнул, словно ставя точку в собственном приговоре.

– Хорошо, – прохрипел он наконец. – Я буду говорить.

Аксель едва заметно кивнул Адаму, и в этом жесте читалось удовлетворение хищника, загоняющего добычу в угол. Он повернулся к Donovanу и бросил, как кость:

- Отлично, парень. Расскажи всё Адаму. До мельчайших деталей. А у меня есть дела.

Donovan молча кивнул, провожая взглядом Акселя, исчезающего за дверью. Коридор поглотил его, оставив после себя лишь звенящую пустоту.

Капитан Уиндэм, словно незримый режиссер, наблюдал за этой сценой из комнаты наблюдения через зеркальное стекло. Едва заметный поворот головы - и вот Аксель уже стоит рядом с ним.

- Эффектный ход, Аксель, - пробормотал капитан, в его голосе сквозила отеческая гордость.

- Спасибо, сэр, - ответил Аксель, не отрывая взгляда от комнаты допросов.

- По правде говоря, - глухо произнес Donovan, - я уже давно не нахожу радости в своей роли в "Синем Лебеде". Пытался уйти, но... вы же понимаете, как это сложно. Невозможно просто так выйти из организованной преступной группировки. Это билет в один конец.

Адам Хантер кивнул, подталкивая его к продолжению.

- Эти мысли... мысли об уходе... они терзают меня уже около полугода. Грызут изнутри. Превращают жизнь в ад. Я начал пить. Виски помогает мне забыться, пусть и ненадолго, уйти от этой мерзости и просто... жить.

- Какова конкретно ваша роль в "Синем Лебеде", мистер Donovan? - спросил Адам, не давая эмоциям завладеть разговором.

- Я перевозчик, - ответил Donovan, словно выплевывая слова. - Доставляю партии денег и оружия от поставщиков на нарколабораторию "Синего Лебеда" в Лонг-Бич... один из их главных перевалочных пунктов за последние лет двадцать.

- Откуда они берут оружие?

- Конфискат, - пробормотал Donovan, отводя взгляд. - Наш босс, Люциус Хоук, знает все коды транспондеров и пароли, позволяющие проникнуть на штрафстоянки. Ему известны места хранения конфискованных полицейских машин, и он умеет обходить их системы безопасности. После этого остаётся только уходить, растворяться в ночи, словно дым. Мистер Хоук плёл свою сеть умело, принимая все необходимые меры. Откуда он знал столько о закулисе полицейского управления? Тайна, возможно, известная лишь тем, кто плечом к плечу стоял с законом, а затем предал его.

Адам приподнял бровь, бросив мимолётный, оценивающий взгляд на двустороннее зеркало.

В комнате наблюдения Аксель нахмурился, словно поймал на язык горький привкус. Он повернулся к капитану Уиндему, его голос был приглушённым, полным тревоги:

— Вам что-нибудь говорит имя Люциус Хоук, сэр?

Уиндем стиснул зубы, словно пытаясь удержать ярость внутри. Глубокий вдох. Кивок.

— Ещё бы. Люциус Хоук — полицейский, по крайней мере, был им. Несколько лет назад сорвался с катушек и исчез. С тех пор ни слуху, ни духу. Сукин сын. Ни за что бы не подумал, что он может быть во главе такой организации, как «Синий Лебедь».

Адам не отступал:

— А труп у вас в гостиной? Расскажите о нём.

— Мы работали вместе, — хрипло выдохнул Донован. — В ту ночь я перебрал виски, язык развязался. Сболтнул о планах завязать. Показал ему снимки тайного убежища банды в пустыне... которые я собирался продать конкурентам.

— И, полагаю, ответные действия мистера Вантера не вызвали у вас восторга? — сухо поинтересовался Адам.

— Ни капли. Он собирался доложить Хаку-Оу. Они бы меня, к чёрту, прикончили. Так что... пришлось заткнуть его навеки, понимаешь?

Адам кивнул. Мозаика складывалась.

— Эта... фабрика наркотиков, о которой вы упоминали. Вы бывали там? Знаете, где она находится?

Донован с готовностью кивнул:

— Да. Бывал там много раз. В Лонг-Бич. Могу даже карту нарисовать, если надо. Знаю охрану, оружие, расписание. Всё расскажу, всё отдам.

— Лонг-Бич?

— Именно.

Аксель, следивший за происходящим с экрана, судорожно сплотнул.

Лонг-Бич.

Да.

12 мая 1998 года

– Великолепно, Аксель! Ты наконец-то прочувствовал удар кулаком в спину. Твой прогресс меня восхищает. Верю, сандан – чёрный пояс третьей степени – не за горами. Но ещё многое предстоит отшлифовать, прежде чем я смогу удостоить тебя этой чести, – произнёс Локк Стоун, в голосе которого звучала неподдельная гордость.

Аксель Стоун слегка расслабился, и, обернувшись к отцу, отсалютовал коротким, чётким поклоном.

Тренировка началась с первыми лучами зари, задолго до того, как солнце пронзило горизонт, и теперь, когда время неумолимо приближалось к полудню, чувствовалась острая необходимость в передышке.

– Я хочу быть сильнейшим в мире, папа, – выпалил Аксель, стараясь унять сбившееся дыхание. – Таким, как ты, – добавил он, глядя на отца снизу вверх с обожанием.

Лёгкая улыбка тронула губы Локка Стоуна. Впереди его юного воина ждал долгий и тернистый путь.

– Аксель, владение искусством Киокусин Кайкан не делает меня неуязвимым, – спокойно возразил Локк. – Десятый дан моего чёрного пояса, к примеру, не спасёт от пули наёмного убийцы.

– Никто не смог бы тебя победить в бою, – возразил Аксель, уверенный в непогрешимости своего кумира. – Я имею в виду, в настоящей схватке.

Локк усмехнулся, пряча в уголках глаз грусть. – Хотел бы я, чтобы это было правдой.

Локку Стоуну было двадцать восемь. Высокий, со светлыми волосами, лежащими густыми волнами, он излучал силу и уверенность. Его мускулистое, подтянутое телосложение, несмотря на свою мощь, отличалось гармоничностью, а традиционное японское каратэ-доги сидело на нём безупречно.

Рождённый в Ньюарке, штат Нью-Джерси, Локк десять лет назад, в 1988 году, переехал в Лонг-Бич, встретив Мару Мосс – любовь всей своей жизни. Год спустя они открыли своё додзё, спроектировав его с нуля.

Каменное додзё, творение их любви, отличалось уникальным дизайном: две стены из стекла выходили в живописные сады, глубокие мансардные окна наполняли зал естественным светом, а деревянная дверь была оборудована специальным пружинным механизмом. Вытянутая и относительно узкая форма главного зала оказалась идеальной для тренировок по боевым искусствам, позволяя проводить спарринги в ряд.

Вот уже почти десять лет Локк и Мара делились своими знаниями боевых искусств с учениками, а своего сына, Акселя Стоуна, с пелёнок воспитывали в духе Кёкусинкай. Несмотря на свои шесть лет, мальчик уже был обладателем многоуровневого чёрного пояса. Локк гордился этим достижением: мало кто в столь юном возрасте мог похвастаться подобным

рангом. Если Аксель продолжит обучение и тренировки в том же темпе, Локк был уверен, что его сын станет мастером ещё до своего десятилетия. Страсть и целеустремленность у мальчика были в избытке.

– Прежде чем мы сделаем перерыв на обед, – объявил Локк, – я хочу познакомить тебя с одним из самых мощных приёмов, которые ты когда-либо видел.

Взгляд Акселя загорелся неподдельным интересом. – Правда?

Локк утвердительно кивнул. – Думаю, ты готов постичь Искусство Большого Апперкота – молниеносной атаки, которая при правильном исполнении способна сокрушить любого противника, независимо от его размеров и кажущейся силы.

Юный Аксель затаил дыхание. Мощный апперкот Локка, словно разящая молния, вырвавшийся из глубины души, обещая переломить ход поединка, приближая желанную победу. Этот коронный приём был его визитной карточкой, секретным оружием.

Аксель кивнул, в глазах плясали искры неподдельного восторга и жажды знаний. Он был готов голодать, лишь бы подольше оттачивать мастерство под чутким руководством отца.

– Когда ты будешь готов, папа, – с нетерпением произнес Аксель.

Локк задумчиво вздохнул. Апперкот, один из самых разрушительных приемов в его арсенале, казался логичным шагом в подготовке Акселя к получению третьего дана.

– Хорошо, – наконец произнес Локк. – Начнем с мото-дачи – основы основ.

Аксель послушно согнул ноги в коленях, принимая базовую стойку. Левая нога выставлена вперед, правая – слегка развернута. Корпус, устремленный вперед, пружинил, готовый в любой момент сорваться с места, переходя от защиты к стремительной атаке.

– Отлично, – кивнул Локк. – Смотри внимательно.

В одно мгновение он подался вперед, и правый кулак, словно змея, вырвался вверх, напоминая пиратский крик, рассекающий воздух.

Аксель попытался повторить этот сложный маневр, но удар получился несколько скомканным.

– Неплохая попытка, – ободряюще произнес Локк. – Помни, противник не дремлет и может ответить прямым ударом. Ты должен быть максимально близко к нему, а рука – слегка согнута в локте. Только так ты сможешь вложить всю силу тела в этот восходящий удар.

Аксель внимательно слушал, позволяя отцу корректировать положение рук, готовясь к следующей попытке. Он попробовал снова, добившись на этот раз более точной осанки и большей силы в ударе.

– Великолепно! – лицо Локка озарила гордая улыбка. – Уже гораздо лучше. Но работы ещё непочатый край.

После обеда они провели учебный спарринг, чтобы закрепить полученные знания на практике.

Аксель улыбнулся, предвкушая будущие победы. Он знал, что однажды станет мастером высочайшего уровня Искусства Большого Апперкота.

Семейная резиденция Стоунов
22 ноября 1998 года

Аксель в ярости впечатывал пальцы в кнопки пульта Saturn. Лицо исказилось гримасой досады, взгляд прожигал экран. Как ни изворачивался, как ни колдовал над управлением, он не мог сдержать безжалостный натиск цифрового противника. Ещё одно отчаянное нажатие – и полоска жизни его персонажа угасла, возвещая неминуемое поражение.

В бессильной злобе он швырнул контроллер на кровать, даже не удостоив его взглядом.

– До трёх побед? – Мистери расплылся в самодовольной ухмылке.

Аксель тяжело вздохнул и покачал головой:

– Нет уж. Ты слишком хорош. Мне тебя не одолеть. Либо это, либо с моим джойстиком что-то не так. Клянусь, кнопка «X» барахлит.

Мистери, чьё настоящее имя было Шамсиддин Мохаммад, был лучшим другом Акселя. Они жили через дорогу, вместе ходили в начальную школу, разделяли страсть к видеоиграм, футболу и профессиональному рестлингу. Несколько лет крепкой дружбы связали их. Шамсиддин не смог сдержать торжествующую улыбку.

– Оправдания, одни оправдания...

Аксель отмахнулся:

– Да ладно, если бы это была настоящая драка, я бы надрал твою тощую задницу и отправил бы тебя к праотцам.

Мистери ухмыльнулся:

– Да, но это всего лишь игра, Аксель. Просто игра. И не у всех нас есть родители, которые обучают нас боевым искусствам мирового класса прямо дома.

Аксель с раздражением выключил Saturn. Они рубились в игры почти три часа подряд, и он проигрывал практически каждый бой в «Людах Икс: Дети Атома». Он не был из тех, кто устраивает истерики из-за поражений, но даже у него запас терпения не бесконечен.

— Завтра после школы жду реванша, — заявил Мистери.

— Да-да, конечно, — рассеянно кивнул Аксель, затем нахмурился, уловив едва различимый шум.

Крики.

Звуки напряженного спора.

— Ты слышишь? — спросил он, насторожившись.

Мистери кивнул:

— Ага.

Аксель, словно замороженный, подошёл к окну спальни, откинул задвижку и распахнул створки. С высоты второго этажа хорошо просматривался ухоженный дворик и подъездная дорожка. Там, внизу, он увидел, как его отец яростно спорит с молодым человеком в одежде, напоминающей китайский халат.

— Что происходит? — пробормотал Мистери, пытаясь заглянуть через плечо Акселя.

— Тссс! — Аксель зашикал, не двигаясь с места. Он жадно ловил обрывки фраз, стараясь разобрать, о чем они говорят, и не хотел, чтобы друг ему мешал.

— Дай посмотрю!

— Это всё, что у меня есть, клянусь!, — надрывно выдохнул Локк Стоун, стоя на залитой солнцем подъездной дорожке. В его голосе звенело отчаяние, такое непривычное, такое пугающее, что Акселя пробрала дрожь. — Мне нужно пару месяцев, чтобы собрать остальное, но я клянусь, я достану их! Просто дайте мне время!

Человек в шёлковом халате, словно сошедший с китайской гравюры, неспешно изучал содержимое чёрного, без единой метки, портфеля. На безупречном лице не дрогнул ни один мускул, но Аксель чувствовал: шутить этот человек не намерен.

На правом предплечье незнакомца, словно печать, красовалась татуировка — стилизованное изображение лебедя. Аксель помнил этот символ. Несколько странных типов с такими же метками наведывались в додзё в последние недели. Неужели это как-то связано?

— Вы должны нам три миллиона, — ровным голосом произнес человек. — С процентами. А здесь... явно недостаточно.

Локк отчаянно покачал головой. — Я же говорю, мне нужно лишь немного времени.

Аксель не понимал, что происходит, но нутром чувствовал — это плохо. Очень плохо.

Отец влез в долги? Кому? И зачем?

Человек в шелках медленно облизнул губы, словно перекачивая слова на языке. Затем, коротко кивнув, произнес: — Ладно. Я не лишён здравого смысла. У вас есть три месяца. Но запомните мои слова, Стоун: если к этому сроку долг не будет погашен... последствия будут самыми... болезненными. Синий Лебедь не прощает ошибок.

Локк лихорадочно закивал. — Я понял. Спасибо вам. И не волнуйтесь, вы получите свои деньги.

Глаза молодого человека сузились до щёлочек. — Надеюсь на это, Локк. Ради вашего же блага. Большой Босс не столь... снисходителен... как я.

С этими словами он развернулся и, пружинисто ступая, направился к чёрному седану, припаркованному у обочины. Мгновение спустя машина сорвалась с места, оставив после себя лишь облако пыли и визг шин.

Аксель с трудом сглотнул, испуганный и встревоженный, наблюдая, как отец, словно подкошенный, бредет обратно в дом. Он молча закрыл окно и повернулся к Мистери, который смотрел на друга с невысказанным благоговением.

— Думаю, тебе пора домой, Мистери, — тихо сказал Аксель. — Мне сейчас не до игр.

Мистери кивнул. Он не был глупцом. Он чувствовал, что в воздухе повисла опасность.

Собрав свои вещи, он тихо вышел, надеясь, что с его другом всё будет в порядке.

3 марта 1999 года
01:49

Калифорнийская ночь дышала тишиной, обманчивой ширмой для разворачивающегося кошмара.

<<01:50>> — цифры на прикроватном будильнике Акселя Стоуна тускло мерцали в полумраке. Юноша заворочался, беспокойство терзало его сон.

Что-то не давало покоя.

Он распахнул глаза, нахмурившись. Обоняние пронзил отвратительный запах, густой, ядовитый смрад, от которого в желудке поднялась волна тошноты. Мгновение — и он понял: нечем дышать.

Дым!

Кашель разорвал его горло. Аксель рывком сорвался с кровати и, словно подкошенный, рухнул на ковер. Зрение, словно прозревая сквозь пелену, выхватило клубящуюся, зловещую черноту, просачивающуюся под плотно

закрытую дверь. Комната уже тонула в едком тумане, и если он немедленно что-то не предпримет, его ждёт удушье.

В слепой панике, повинувшись инстинкту самосохранения, Аксель поднялся на ноги. Силы покидали его, розовые пятна плясали перед глазами. Он бросился к окну спальни и распахнул его настежь, жадно глотая прохладный ночной воздух, пока дым валит из проема. Несколько мгновений он стоял, тяжело дыша, возвращая себе способность мыслить, ощущая только животворящую прохладу в лёгких. Затем, когда дыхание немного выровнялось, он взглянул вниз: дом и внутренний двор, дождё – все объято алым, всепожирающим пламенем.

– Нет! – прохрипел он, и горячие слёзы обожгли глаза. Вернувшись в комнату, он прищурился, всматриваясь сквозь густеющую завесу дыма, и увидел за дверью спальни зловещее оранжевое зарево.

Мысль проверить ручку двери пронзила сознание, но, словно в ответ, у самого основания двери взметнулись языки пламени. Огонь был прямо за ней. Путь отступления отрезан.

Аксель вскрикнул от ужаса, едва не выпрыгнув из кожи, когда часть потолка над дверью обрушилась, ослабленная адской жарой. Всё происходило с головокружительной быстротой, парализуя волю. Всклипывая, он снова выглянул в окно, оценивая расстояние до земли. Другого выхода не было – только прыжок. Но окно находилось на высоте двух этажей, а внизу – бетон, усеянный клумбами с гравийной отсыпкой. Ни одного дерева, за которое можно было бы ухватиться, чтобы смягчить удар. Падение с двадцати футов неминуемо причинит невыносимую боль.

– Чёрт! – прошептал он одними губами.

Облизнув пересохшие губы, он решил позвать на помощь. – Помогите! – Но его юный голос потонул в безумном реве пожара. Ему показалось, что где-то вдалеке слышится вой сирены, возможно, пожарной машины, но они не успеют. Огонь почти полностью поглотил дверь спальни, перекинувшись на стены. Аксель понимал: остался лишь один шанс – прыгать. Иначе его ждала неминуемая гибель в огненной печи, которой стал их дом.

Не раздумывая, собрав волю в кулак, он выбросился из окна. Тело, словно тряпичная кукла, кувыркалось в воздухе. Задержав дыхание, он рухнул на землю. От удара мир взорвался болью, кость жалобно хрустнула. Пронзительная, обжигающая боль в лодыжке – перелом. Крик застрял в горле, а во рту ощутился привкус крови.

Вокруг бушевало пламя, и на миг он потерялся в пространстве, не понимая, где верх, где низ. Падение выбило из него всякое ощущение ориентации.

– Аксель! – донёсся издали голос сестры, зовущий его. Он отчаянно протянул руку и с облегчением почувствовал, как Тина ухватилась за нее.

– Эмбер! Где мама и папа?!

Над ним стояла Тина, маленькая и измученная. Ее светлые волосы растрепались, майка обгорела с одного бока. Пятилетний ребенок, в глазах – застывший ужас.

– Они... они в додзё, – пролепетала она. – Аксель, они там!

Она моргнула и заметила его травму.

– Боже мой... Ты в порядке?

Аксель стиснул зубы, издав болезненный рык, и попытался встать. Превозмогая боль, он поковылял к сестре и крепко обнял её.

– Лодыжка сломана, – прохрипел он. – Но я выживу. Я в порядке, правда.

Он солгал.

– Ты как, Эмбер?

Тина Стоун судорожно вздохнула. Обычно она сердилась, когда старший брат называл ее Эмбер, но сейчас было не до этого.

– Я в порядке. Я выбежала через кухню, пока еще можно было. Но я боюсь за маму и папу. Они заперты в главном зале додзё.

Аксель кивнул, оглядываясь, пытаясь сориентироваться. Ждать пожарных не было времени. Если он не начнёт действовать сейчас, родители погибнут. Не раздумывая, он захромал в сторону главного входа в додзё, расположенного за углом от парковки. Боль в сломанной лодыжке терзала его, тело горело, мучила жажда и тошнота, но ничто не могло остановить его яростную решимость.

– Аксель! – крикнула Тина, бегущая за ним. – Нельзя туда! Что, если ты тоже попадешь в ловушку?! Не бросай меня!

– Я должен попытаться, – сказал он, задыхаясь от страха.

Пламя почти полностью поглотило дом и додзё, вздымаясь языками к ночному небу. Жар был нестерпимым, обжигающим, не дающим разглядеть ничего вокруг. У входа в додзё Аксель бросил последний взгляд на сестру и кивнул.

– Пожелай мне удачи, сестрёнка.

И он шагнул в бушующий ад, не оглядываясь, сжигаемый решимостью и яростью.

Аксель продирался сквозь пелену невыносимого жара, где в танце яростного пламени пульсировало багровое свечение, пожирая все вокруг. Добравшись до двери в главный зал, он узрел причину заточения родителей – чудовищная потолочная балка рухнула, преградив путь словно костяная длань. Единственный вход и выход из центрального додзё: ни дверей, ни окон, лишь декоративные решетки из чугуна, теперь бессильные против бушующей стихии.

Опустившись на колени у подножия каменного монстра, Аксель обхватил балку руками, вкладывая в рывок всю свою отчаянную силу. Пусть ему было всего шесть, но его мощь, выкованная неустанными тренировками, могла сравниться с силой матёрого воина.

Пот застилал глаза, тело пронзала боль, но он упрямо двигал балку, отвоёвывая у неё сантиметр за сантиметром, пока щель в двери не стала достаточно широкой. В этот миг огненный змей вырвался из коридора, опалив Акселя жаром, отбросив его назад в агонии.

Казалось, лодыжка вот-вот взорвётся от боли сломанной кости. Рёв вырвался из его груди, слёзы текли по лицу, но он, перенося вес на руки, пополз в зияющий проём.

Адское пекло. Удушающий дым. Время утекало сквозь пальцы, предвещая неминуемое обрушение додзё.

Едва переступив порог главного зала, он был готов сдаться, отказаться от безумной затеи. Но в хаосе пламени и руин, словно луч надежды, прозвучал голос матери – Мары Стоун.

– Аксель! Сюда!

Проморгавшись, вытерев лоб тыльной стороной ладони, он пополз на зов. В дальнем углу, под лестницей, куда еще не добрался огонь, он нашел мать, тяжело раненую, прижимающую к груди почти бездыханного Локка Стоуна.

– Мама! Папа! – закричал Аксель, закрывая лицо от нестерпимого жара.

Мара задыхалась в отчаянии, ее душил кашель. Собравшись с силами, она прохрипела: – Аксель, отцу нужна помощь. Я не могу вынести его одна...

Сверху раздался зловещий свист. Здание содрогалось, теряя последние признаки устойчивости. Глаза Локка Стоуна закатились, из горла вырвался хриплый стон. – Со мной всё будет в порядке, – упрямо твердил он, хотя смерть стояла у него за плечом. – Аксель, спаси сначала мать.

Аксель судорожно стлотнул. Что же делать? – Я хочу спасти вас обоих! Не время спорить! У нас нет времени!

Локк Стоун закашлялся кровью. – Аксель, – Послушай... меня несколько раз полоснули ножом... Шансы ничтожны, что я выкарабкаюсь. Но твоя мать... у неё есть шанс. Больше, чем у меня.

Аксель отказывался верить своим ушам. – Что? Нет, папа, я не брошу тебя здесь. Я пришел за тобой, чтобы спасти!

– Нет времени, сынок. Нас двоих тебе не вынести. Слушай меня, это был Синий Лебедь, слышишь? Синий Лебедь! – Его пронзил мучительный кашель.

Слёзы ручьями хлынули по лицу юного Акселя. – Я... я люблю тебя, папа.

– И я тебя, сынок, – прохрипел Локк. – А теперь делай, как я сказал. Спаси свою мать. Быстрее!

Аксель перекинул руку матери через плечо и поволок её к дверному проёму. Внутри всё кричало от отчаяния, понимая, что он оставляет отца на верную смерть, но ничего не мог поделать. У самого выхода Аксель обернулся, ища глазами отца. Локк Стоун протягивал к ним руку, его глаза наполнились слезами.

— Уходите! — прошипел он, словно выплевывая каждое слово.

Вопреки животному желанию остаться, Аксель заставил себя идти, понимая, что отец прав — их обоим ему не спасти. Просто не хватит сил.

Он старался не слышать стоны и бормотание матери, пока они продирались сквозь пылающий коридор к главному входу додзё. Выбравшись наружу, он рухнул на живот, его измученное тело наконец-то сдалось.

Мара соскользнула с его плеча и перекатилась на спину по холодному гравию, наблюдая за полыхающим додзё с выражением ужаса и немного гнева. — Аксель! Мама! — Это была Тина, в глазах которой плескалась тревога, она ждала их неподалёку. — Где папа?

Аксель что-то пробормотал в ответ, не в силах выдавить из себя ни слова. Он хотел вскочить и броситься обратно в этот ад, спасти отца... но силы покинули его окончательно. Оставалось только чуть повернуть голову и смотреть, как додзё, словно раненый зверь, рушится под натиском беспощадного огня, бревно за бревном.

— Папаааа! — этот крик сорвался с губ Акселя, полный боли и отчаяния.

Этот момент врезался в память навсегда, став самой кровоточащей раной в его жизни.

11

Военно-морская верфь Лонг-Бич
Терминал-Айленд
25 марта 2012 года, 22:32

Ж. Сигнал прикурил сигарету, позволяя сладкому, терпкому аромату свежего табака наполнить его чувства. Дым, словно призрак, вырвался из его губ, окутывая лицо зыбким серым облаком. Он прикрыл глаза, утопая в моменте покоя. Если и было что-то святое в его грязной жизни, так это возможность украсть несколько минут тишины, вдыхая едкий воздух конспиративной квартиры и обманывая себя иллюзией "свежего бриза".

Он стоял на краю погрузочной платформы, прислонившись к ледяным перилам, и смотрел, как индустриальные шупальца пирса уходят в безбрежную пасть Тихого океана. Когда-то здесь, в чреве бывшего завода по сварке листового металла для флота США, ковался щит нации. Теперь, после закрытия в 1997-м, это место стало известно как «конспиративная квартира» — эпицентр криминального мира, где тени стоваривались о грязных делах.

Сейчас же здесь бесперебойно, в режиме 24/7, кипела работа – завод по переработке наркотиков. Героин варили, упаковывали и отправляли в грязные руки дилеров, а круглосуточный цикл поддерживался безликими наёмниками из банды «Сигнал».

«Сигнал» – это клан наёмников, связанных не только кровью, но и клятвой – защищать друг друга до последнего вздоха. Они действовали как одиночки или небольшие отряды в хаотичном мире преступности, продавая свои навыки разным «боссам» и выполняя любые, даже самые мерзкие поручения.

"Сигналы", работавшие в этом конкретном здании, были лишь горсткой от общей силы банды, чьи щупальца протянулись по всей Калифорнии и Неваде. Никто не знал точной численности «Сигналов», но шептались о тысячах. Для группировки без центрального руководства, растворяющейся в мутной воде других банд, они были поразительно успешны, сохраняя верность друг другу, затмевающую все остальное.

Ж. Сигнал сделал еще одну глубокую затяжку, наполняя легкие ядовитым дымом, прежде чем выдохнуть его в серую пелену. Конечно, это было не его настоящее имя. В банде "Сигнал" все получали кодовые имена, основанные на цветах – чтобы избежать путаницы в этом котле национальностей и судеб. "Ж." – сокращение от "Жёлтый". Существовали "Красные", "Зелёные", "Синие", "Фиолетовые", и множество других цветовых оттенков.

Изначально они были сиротами, детьми нищеты, и присвоение им безликих кодовых имен помогало вырваться из цепких лап прошлого, стать частью коллективного "Сигнала" – почти религиозного культа, возвращающего жестокую, кровную преданность, не имеющую аналогов в преступном мире Америки.

"Сигналы" из Лонг-Бич работали на "Синего Лебедя" уже около пятнадцати лет, и Ж. Сигнал вырос, дыша спёртым воздухом этой конспиративной квартиры, впитывая её гниль с молоком матери.

Место получило такое прозвище, потому что казалось, что о его существовании знают все – даже копы – и никто не осмеливался что-либо предпринять. Чёрт возьми, главарь "Синего Лебедя", Люциус Хоук, сам был полицейским. Этот факт как нельзя лучше иллюстрировал глубину прогнившего болота коррупции, в которое погрузился Лос-Анджелес. Город и его окрестности утопали в тени могущественных преступных синдикатов, чьи щупальца осквернили даже "Синий Лебедь". Шептались, что коррупция пронизала полицию до костей, а некоторые и вовсе обвиняли правительство.

Но Ж. Сигнала эти бури не трогали. Он делал свою работу, получая стабильные тысячу двести долларов в неделю, наличными и без лишних слов. Этого хватало. В конце концов, это было единственное, что имело значение. Налоги оставались за бортом, наркотики текли рекой, а в карманах звенела свобода, которую можно было пропить и прогулять. Жизнь пьяняще шептала о своей сладости. И чем меньше вопросов, тем слаще казался этот шёпот.

Заскрежетала боковая дверь фабрики, впуская в полумрак Виллема Антонио, словно вихрь сдержанной силы. Лишь молчаливый кивок послужил ему приветствием.

— Как жизнь, босс? — спросил Сигнал.

Антонио лишь пожал плечами, выпуская в ночной воздух клуб дыма, и процедил сквозь зубы:

— Бывало и лучше.

Он был королём этой конспиративной квартиры, двадцатилетним ветераном наркотической войны. Итальянец, связанный пуповиной с самыми отморозенными головорезами криминального мира — никто не осмеливался перечить ему, если, конечно, дорожил своей жизнью.

Ж. Сигнал затаился в последний раз, бросая окурочек за ржавое ограждение. Тлеющая головка исчезла во тьме. Хмыкнув, он уважительно кивнул Антонио и скрылся в чреве фабрики, возвращаясь к своей рутине.

23:09

Аксель Стоун и Адам Хантер вжались в спинки сидений FV603, чья утробная рычание заглушало все вокруг, пока он нёсся по раскалённому шоссе в сторону сухого дока военно-морской базы Терминал-Айленд, на юг от Сан-Педро. Плечом к плечу с ними, словно изваянные из гранита, сидели капитан Уиндэм и его команда из восьми бойцов, возглавляемая сержантом второго класса Дэниелом "Хондо" Харрельсоном, бывшим морским пехотинцем-разведчиком, чьи глаза, казалось, видели сквозь стены.

Над ними, на шаткой турели, ощетинились стволы пулемета Browning 30-го калибра и зенитки Vep 303-го калибра. Но для этой операции FV603 выбрали не из-за огневой мощи, а из-за его чудовищного тарана, способного проламывать самые неприступные укрепления.

— Я хочу, чтобы вы позволили спецназу провести операцию, — перекрикивая рёв восьмицилиндрового монстра, прогрохотал Уиндэм, обращаясь к Акселю и Адаму. — Они заточены под такие задачи, верно, сержант?

Хондо Харрельсон, молчаливый и внушительный, лишь кивнул в ответ. Подняв свой карабин M4A1, он прикоснулся губами к подствольному гранатомёту, словно к кресту.

— Городские бои — наша стихия, — прозвучал его голос, ровный и уверенный, как звук захлопывающегося затвора.

Аксель судорожно вздохнул. Всего пару дней назад он был обычным патрульным, чья жизнь состояла из задержаний пьяных водителей и мелких торговцев наркотиками. И вот, он несётся в самое пекло, плечом к плечу с матёрыми бойцами спецназа. Все это казалось ему сюрреалистичным кошмаром.

Он бросил взгляд на Адама и увидел в его глазах такое же смятение. Казалось, ещё немного, и того стошнит.

— Адам, ты в порядке? — спросил Аксель, с трудом выдавив слова.

Адам, бледный как полотно, кивнул:

— Да, всё нормально.

Аксель криво усмехнулся, но промолчал.

— Как только территория фабрики будет зачищена, вы можете войти и начать расследование, — напутствовал их Уиндэм. — И запомните, никаких помех сержанту. Это понятно, Аксель? Оставайтесь возле машины, пока не поступит команда "всё чисто".

Аксель выдавил подобие улыбки:

— Так точно, сэр. Но я бы хотел держать это при себе, на всякий случай.

Его пальцы стиснули холодную сталь Kimber Custom TLE II, полуавтоматического пистолета 45-го калибра, с лазерным прицелом, прикрепленным под стволом.

Уиндэм шумно выдохнул:

— Разумеется, бдительность сейчас никому не мешает.

— Ладно, парни, — скомандовал Хондо, — проверяем снаряжение. Оружие, боеприпасы.

Аксель заворожённо наблюдал, как бойцы спецназа, словно художники, выбирают себе инструменты из арсенала смерти. Он увидел укороченные 10-миллиметровые пистолеты-пулемёты Heckler and Koch MP5, помповые ружья Benelli M1 и Remington 1100, и множество других модифицированных винтовок. А ещё — электрошокеры, баллончики с перцовым газом, гранаты "Стингер", светошумовые гранаты и слезоточивый газ.

Сержант Хондо заметил удивленный взгляд Акселя:

— Что-то не так, детектив?

Аксель моргнул, словно очнувшись от гипноза:

— Нет. Просто... Вы, ребята, серьёзно подготовились.

— В моей работе, детектив, подготовка — залог выживания. Одна ошибка — и ты либо труп, либо калека. Вам бы попробовать как-нибудь. Ничто не сравнится с адреналином настоящей перестрелки с несколькими противниками. Если, конечно, вы не предпочитаете полировать стулья в кабинете, как наш доблестный капитан...

Уиндэм бросил на него испепеляющий взгляд. — Заканчивай. Внимание, док 59 на подходе.

Вместо торможения, водитель вдавил педаль газа до упора, и "Сарацин", прорвав ограждение, помчался мимо призрачных остовов заброшенных складов и фабрик. Двигатель взревел, набирая обороты, пока стрелка спидометра не застыла на отметке "шестьдесят четыре мили в час" — скорости, идеально

подходящей для пробивания кирпичных стен. Никаких церемоний – они не собирались стучаться в парадную дверь этого наркокартеля. Это будет внезапный, сокрушительный удар.

По данным Донована, нарколаборатория располагалась на самом краю индустриального пирса. "Сарацин" нёсся к ней, и признаки недавней активности становились всё более очевидными.

Десятки гражданских машин теснились вдоль обочин, у одной из них горели фары, рассекая сумрак.

– Столкновения не избежать! – заорал водитель. – Держитесь крепче, мы входим!

Аксель затаил дыхание. Пути назад не было.

БАМ!

Взрыв огня и грохота, и массивная кирпичная кладка внешней стены фабрики рухнула внутрь, осыпая производственные линии градом щебня, стекла и пыли. Воздух наполнился ревушим, скрежещущим звуком.

Ж. Сигнал яростно закашлялся, лёгкие сдавило сухой пылью и едким дымом. Что, чёрт возьми, творится?

Он повернул голову в сторону пролома. Сквозь пелену дыма и мельтешащих в панике рабочих он смутно различил очертания полицейского броневика, вгрызающегося в здание, словно адский крот...

"Это копы!" – завопил кто-то на испанском, и воздух вдруг пронзили звуки автоматической стрельбы.

Ж. Сигнал пригнулся, ища укрытие за металлическим столом. Пули с лязгом врезались в соседние столы, над головой свистели трассеры, а глухие удары падающих тел тонули в леденящих душу криках. В мгновение ока цех превратился в миниатюрную зону боевых действий.

"Матерь Божья!" – пробормотал Сигнал, нашаривая сапожный нож, закреплённый на каблуке, с горечью осозная, что это жалкое лезвие вряд ли спасет его жизнь.

Бронемашина замерла, словно хищник, в шести метрах от него, и тут же её крышу прошила огненная очередь из пулемёта. Свинцовый ливень стих так же внезапно, как и начался, и в ту же секунду откуда-то из кромешной тьмы в комнату градом посыпались канистры.

Едкий слезоточивый газ вырвался из них, словно джинн из бутылки, и Ж. Сигнал с ужасом осознал, что захлёбывается в собственных слезах. Нервы, словно оголённые провода, отказывались подчиняться, слизистая взбесилась, разъедаемая химической атакой. Его сотряс мучительный кашель, из носа хлынула предательская струя, и ноги подкосились, бросив его на грязный пол.

Беспомощный, он сквозь пелену слёз увидел зловещее газовое облако, подсвеченное безжалостными фонарями. В этой адской дымке мелькали фигуры полицейских в противогазах, методично продвигающихся вперёд и поливающих огнём его товарищей.

— Нет! — прошипел он, с отчаянием цепляясь за ускользающую реальность. Этого не могло быть. Не сейчас. Это была его крепость, его тихая гавань. Его источник существования на протяжении долгих лет...

Звон разбитого стекла за спиной заставил Сигнала резко обернуться. В руке тут же блеснул нож, но в следующее мгновение его отбросило назад чудовищной силой дробовика. Тело выгнулось дугой, словно сломанная кукла, и его швырнуло на несколько метров от пола. Во рту разлился мерзкий вкус тёплой крови.

Застонав от дикой боли, он поднял глаза и увидел над собой одного из спецназовцев. Его лицо, скрытое маской, выражало лишь холодное презрение.

— Спокойной ночи, мразь, — прорычал полицейский и вновь вскинул дробовик.

Очередной выстрел потонул в какофонии штурма. Капитан Уиндэм отдавал чёткие приказы по рации. В ответ шипели помехи, а затем голос Хондо доложил об окружении здания. Уиндэм обернулся к Акселю и Адаму, которые, словно зачарованные кролики, терпеливо ждали в тылу, как им и было приказано, и выглядели совершенно оглушёнными развернувшимся хаосом. Уиндем с лёгкой оторопью осознал, что это первый раз за целую неделю, когда задание увенчалось успехом.

— Отлично сработано, ребята, — похвалил он. — Район зачищен, мерзавцев переловили предостаточно. Можете приступать к разбору завала.

Аксель кивнул, челюсти его напряглись.

— Благодарю, сэр. — Он перевел взгляд на Адама, и вскинул брови в немом вопросе: — Ну что, посмотрим, какие сокровища скрывает этот хаос, напарник?

— Ладно, — отозвался Адам.

И они двинулись вперед, в пасть разрухи.

12

48 часов спустя
Супермаркет Альбертсонс, Бульвар Оушен
Корона Дел Мар

Нора, склонившись над прилавком, перебирала овощи, складывая их в пластиковую корзинку, уютно устроившись в её руке. Внезапно её спину опалило чье-то пристальное внимание. Она обернулась и замерла, словно пойманная в свете прожектора. Аксель Стоун, как тень, вырос за её спиной, не сводя с неё взгляда.

Нора вскинула брови, и в её голосе прозвучал легкий польский акцент: —
Офицер Стоун... Какая неожиданная встреча.

Уголок губ Акселя тронула улыбка. — Теперь я детектив Стоун. И я следовал
за вами от самого консульства.

Её лоб прорезала складка недоумения. — Следили?

— Буду с вами откровенен, — сказал Аксель, понизив голос. — Виллем
Антонио указал нам на ваше местонахождение. Он предоставил массу
информации об операциях "Синего Лебеда" и его сотрудниках по всей
Калифорнии. Услышав ваше имя, я не смог удержаться от любопытства.

— Ммм... И я причастна к этому?

Аксель отрицательно покачал головой. — Вовсе нет. Вы не ходите ни по
каким конкретным делам. Более того, судя по словам Антонио, вы бы не
стали добровольно участвовать в серьезных преступлениях. Я думаю, "Синий
Лебедь" заставил вас работать против вашей воли. Я прав?

Вместо ответа Нора опустила глаза.

— Я просто хотел извиниться за то, что напугал вас в ту первую ночь, —
продолжил Аксель, наблюдая за её реакцией.

Нора нервно облизнула губы, всё ещё не веря в эту встречу. — Я не
испугалась, детектив. Лишь удивилась.

Аксель кивнул, словно принимая её слова. — И ещё я хотел поблагодарить
вас.

— Поблагодарить за что? — в её голосе прозвучало недоумение.

Аксель не спешил с ответом. В его глазах мелькнул хитрый огонёк. — Вам
ведь не нравится ваш босс, верно?

Она снова сосредоточилась на выборе продуктов, словно пытаясь спрятаться
за ними. — Мне многое не нравится в моём боссе, в "Синем Лебеде". Но я
люблю свою работу.

Нора перешла к следующему ящику с овощами, и Аксель последовал за ней, не
отставая ни на шаг.

— Можете называть меня Аксель, — бросил он ей в спину. — Простите, я не
расслышал ваше имя.

— Кэсси.

Аксель задумчиво кивнул. Он кивнул на её корзинку. — Поужинаем?

— Да, — вырвалось у неё, прежде чем она успела осознать, что сказала.

— Совершенно верно. Нет никакого смысла тратить на магазины целую неделю.

– Почему же?

Нора лукаво улыбнулась, предвкушая его ход. Она поняла, к чему он клонит, и решила подыграть.

– Я никогда не знаю, чего мне внезапно захочется, – промурлыкала она.

Аксель бережно вынул корзинку из её рук. Напряжение застыло на его лице, лишив его привычной беспечности. Ни тени кокетства, лишь прямой и обезоруживающий взгляд.

– Кэсси, поужинаешь со мной? – выпалил он, словно на одном дыхании.

Нора была заинтригована внезапностью предложения.

– У меня квартира в Панорама-Сити, – продолжал он, слегка смущаясь. – Небольшая, но уютная. И я приготовлю ужин. Знаешь ли, я неплохой кулинар.

– Ммм.. А где же твой верный напарник?

– Адам? У него свидание с Джоди.

– Значит, решил попытать счастья со мной? Вот это поворот! Не пахивает ли это братанием с врагом? Не слишком профессионально с твоей стороны, Аксель, – произнесла она с притворной укоризной, но в уголках губ плясала улыбка. Он ответил ей такой же улыбкой.

– Я никогда не был поклонником строгих правил.

Аксель провел Нору в свой многоквартирный дом через неприметный боковой вход – раздвижную стеклянную дверь.

Пока они шли по коридору к его квартире под номером 12, он молча терзался вопросом: «Какого чёрта я творю?»

Снова этот одинокий сверчок заиграл в его душе..

Он не был уверен, одобрили ли бы его порыв Адам или капитан, узнай они, что он затаился здесь с ней, но в животе уже клокотал нетерпеливый зверь – неутолимая потребность, против которой он был бессилён.

Когда они вошли в квартиру, взгляд Норы скользнул по Акселю с тенью разочарования, затаившейся в глубине глаз.

– Ты, должно быть, и есть тот самый кристально честный полицейский, Аксель Стоун, – процедила она.

– Разочарована? – приподнял бровь он.

– Не тобой, – отрезала она. – Просто констатация факта. Но, взгляни, какой сегодня закат!

Она указала на окно, где небо пылало багровым заревом. Казалось, сама вечность горит в огне.

- Восхитительно, - прошептала она, словно зачарованная.

В этот момент Аксель небрежно положил руку ей на плечо. Нора повернулась, слегка наклонив голову, и одарила его понимающей, почти лукавой улыбкой.

- Это прелюдия к соблазнению, не так ли?

- Что ты имеешь в виду? - невинно удивился Аксель. - Почему ты так решила?

- Ты пытаешься запутать мои следы.

- Возможно.

- У меня от тебя голова кругом.

- Да?

- Ты водишь меня за нос.

- Стараюсь.

Она усмехнулась, в её глазах вспыхнул огонек.

- Я не дурочка, знаешь ли.

- Ничуть.

- Я прекрасно понимаю, что здесь происходит, - с вызовом заявила она. - Ты не сможешь использовать меня, чтобы добраться до Хаку-Оу. Он надежно укрылся за своим дипломатическим иммунитетом. Мистер Хоук прикрывает его юридически через своих людей в Сенате. Но ты надеешься, что я могу тебе помочь, верно?

Аксель пожал плечами, сохраняя непроницаемое выражение лица.

- Допустим.

- Ну... возможно, и могу. И, возможно, даже захочу. Мы можем обсудить это позже.

- Позже?

- Да. Потом.

Она обвила его шею руками и впилась в его губы долгим, обжигающим поцелуем. Аксель ответил на него, запустив руки ей под спину. Нора резко отстранилась, словно опомнившись, и одним движением задернула шторы, отрезая их от огненного заката.

- Ты ведь не большой любитель высокой кухни, правда? - с прищуром спросила она.

Аксель ухмыльнулся, обнажив хищный оскал.

- Обожаю. Особенно в замороженном виде.

Её пальцы скользнули по молнии платья, расстегивая его. Затем она прильнула к нему, и тонкие бретельки бюстгалтера соскользнули с её плеч, падая на пол. По её телу пробежала дрожь предвкушения. Аксель подхватил её на руки и понёс в полумрак пустой спальни.

- Зови меня королевой, - выдохнула она, и ноги её подкосились, когда дверь за ними захлопнулась, отрезая их от всего мира.

Её губы вздрогнули под первым прикосновением губ Акселя, и в тот же миг горячая ладонь скользнула между бедер, срывая шелк трусиков и распалая лоно. Она обняла его за шею, прижимаясь всем телом, пока он торопливо освобождал себя от джинсов. В следующее мгновение его руки уже сжимали её обнаженные ягодички, приподнимая над собой. Она подалась навстречу, и её ноги обвилились вокруг его бедер. Его язык проник в её рот, вызывая сладостный трепет. Толчок был таким сильным, что голова болезненно ударилась о дверь. Жгучая волна прокатилась между бедрами.

Она отняла руку от его шеи и повела его, направляя к источнику влажной, жаждущей плоти. Взрыв наслаждения от его проникновения заставил её судорожно выдохнуть. Ноги крепче обвилились вокруг его тела, и в унисон с его бешеными толчками её собственное тело затрепетало в диком танце. Каждый удар - мучительный, восхитительный - пронзал её насквозь, заставляя выгибаться всё сильнее, пока не наступила ошеломляющая кульминация. Она почувствовала, как он напрягся, и горячий поток его семени затопил её бедра.

Ноги медленно разжались и безвольно упали на кровать. Они лежали, прижавшись друг к другу, тяжело дыша.

Снаружи, в стужающейся тьме, четверо теней с автоматами в руках крались к их цели. Вынырнув из неприметного фургона, они бесшумно проскользнули к углу дома, напротив спальни, их внимание полностью сосредоточено на предстоящей операции. Бесшумно приблизившись к окну, они выстроились в линию, прижавшись к стене, и вскинули оружие.

Внутри, в комнате, Аксель осыпал Нору нежными поцелуями, шепча ласковые слова.

Идиллия была разорвана в клочья яростной автоматной очередью. Стекло разлетелось дождем острых осколков. Аксель инстинктивно повалил Нору на пол. Обнаженные, они лихорадочно искали защиту. Аксель натянул джинсы, Нора судорожно схватила платье.

Свинцовый ливень прошил занавески, врезался в стены. Грохот стоял невыносимый... штукатурка осыпалась, окна лопались, как мыльные пузыри. Электроприборы взрывались, разлетаясь на куски. Всё вокруг превращалось в хаос под шквальным огнем.

– Чёрт! – прорычал Аксель.

Казалось, этому аду не будет конца. Спальня превратилась в руины. Дверной косяк трещал под разрушительным натиском.

Акселю и Норе удалось прижаться к полу. Пули свистели в дюймах над их головами.

– Это твои друзья? – перекричал грохот Аксель.

Она молчала. Рука Акселя, словно одержимая собственной волей, скользнула под куртку, нашаривая рукоять пистолета в плечевой кобуре. Пальцы сжали сталь, вытягивая оружие на свет. Аксель пополз, волоча за собой Нору, словно бесценный груз, к зияющему провалу дверного проёма.

Они пересекли чернильную темноту гостинной, крадучись, как призраки, бегущие от неминуемой гибели. Каждый шорох отдавался набатом в напряженной тишине.

И тут, краем зрения, Аксель уловил движение – змеиную тень, скользящую в углу. Он резко обернулся, пистолет взметнулся вверх, целясь в неизвестность. Но было слишком поздно.

Нора вскрикнула, пронзительно и коротко, когда приклад автомата обрушился на них, словно молот судьбы. Мир взорвался ослепительной вспышкой, и всё поглотила темнота.

Несколько часов спустя

Рука-кувалда, принадлежавшая Хаку-Оу, сжала банку пива, словно тряпичную куклу, и яростно взболтнула её. Поднеся шипящий сосуд вплотную к лицу Лео "Басты" Лопеса, он сорвал крышку. Фонтан пены ударил Басте в нос, окатив его с головы до ног липкой струёй.

Баста, словно рыба, выброшенная на берег, запрокинул голову, судорожно глотая воздух, кашляя и захлебываясь. Пиво струилось из ноздрей и уголков рта, превращая его лицо в пенную маску. Он тонул в этом янтарном кошмаре.

Над ним, как тень Годзиллы, навис Хаку-Оу. – Где деньги, Баста? – прорычал он, его голос был таким же холодным, как лед. – Сколько ты утаил? Мы хотим нашу долю!

Баста был примотан скотчем к жалкому пластиковому стулу, словно жертва, принесённая на алтарь жадности. Он не мог ответить, лишь выдувал пиво из носа, отчаянно пытаясь прочистить забитое горло. Хаку, не проявляя ни капли сочувствия, схватил еще одну банку и с маниакальным блеском в глазах взболтнул её. Этот варварский метод вопроса был прост, но дьявольски эффективен.

– Что случилось, Баста? – насмеялся Хаку-Оу. – С федералами готов болтать, а с нами – ни словечка? Некрасиво получается. Мои чувства оскорблены! Он сунул вторую банку под самый нос задыхающемуся Басте.

Баста попытался отвернуться, но Гарсия, панк с крысиными глазками, грубо схватил его за подбородок и заставил смотреть прямо на Хаку.

Хаку-Оу с садистским наслаждением сорвал крышку. Результат был предсказуем – новая волна пива обрушилась на Басту.

Баста забился в конвульсиях, сплюнул пену и едва не испустил дух. Рядом с ним, прикованный к такому же проклятому стулу, сидел Аксель Стоун, его рот был заклеен скотчем. За пеленой клейкой ленты слышался приглушенный, яростный рёв – Аксель был в гневе.

Хаку-Оу, словно фокусник, сдёрнул скотч с его губ. – Что-то хотел сказать, детектив?

– Ты, ублюдок! – взревел Аксель, его голос был полон ненависти. – Ты труп! Ты ходячий труп!

Хаку фыркнул, изобразив скуку. – Нет, Стоун. Это ты – труп.

– Ты убил моего отца, сукин сын! Из-за каких-то жалких денег! Ты зарезал его, как свинью, и поджёг наш дом!

– Да, это был я, Аксель, – спокойно подтвердил Хаку-Оу. – И знаешь что? Мне понравилось. Было весело. Локк Стоун, великий мастер боевых искусств... – он презрительно усмехнулся, находя ситуацию до абсурда комичной.

Аксель плюнул Хаку в лицо. Разъяренный такой дерзостью, Хаку со всей силы ударил Акселя тыльной стороной ладони.

– Ладно, щенок, слушай сюда, – прорычал Хаку. – Сейчас я скажу тебе кое-что такое, от чего у тебя мозги взорвутся! Готовься, потому что после этого ты точно сойдёшь с ума!

Аксель собрал остатки мужества, готовясь к худшему.

– Два года назад, когда ты заканчивал академию, – голос мужчины сочился ядом, – был заключён один контракт, и я исполнил его безупречно. Да, это я столкнул твою машину в кювет. Только вот тебя в ней не оказалось! Представь моё изумление, когда, откинув спутанную массу волос, залитых багровой кровью, я увидел... женское лицо. Она умирала долго, мучительно долго...

– Лжец! – Аксель зарычал, как раненый зверь.

Хаку-Оу торжествовал. Аксель терял контроль. Лицо его пылало, на шее вздулись жилы, словно канаты, натягиваясь до предела. Он яростно боролся с ремнями, сковывавшими его.

– Где, чёрт возьми, ты был, Аксель? – Хаку издевался, словно кот над мышью. – Ты должен был быть за рулём, а не твоя чёртова мать!

– Ты лживый, мерзкий ублюдок! – Аксель проревел сквозь пелену слёз, застилавших глаза.

– Знаешь, что самое ироничное? – протянул Хаку, наслаждаясь каждой секундой. – Убив её, мы убили и тебя. Ты просто спился, сгнил заживо.

– Не совсем. Я вернулся. Где Нора?

Ухмылка Хаку стала ещё шире, зловещей.

– Моя секретарша? Твоя очередная шлюшка? – Он разразился хохотом, от которого по коже поползли мурашки. – Боюсь, мне пришлось от неё избавиться. Сейчас она, наверное, обнимается с рыбками на дне залива.

– Ты.. мразь!

– Я тебе вот что скажу, детектив, – прошипел Хаку, наклоняясь к лицу Акселя так близко, что тот чувствовал его мерзкое дыхание. – Эта ночь станет худшей в твоей жизни.

13

Где-то возле побережья Тихого Океана

Была полночь. На зыбкой глади воды танцевала рыбацкая лодка, словно щепка в пасти морского чудовища. На её палубе, съёжившись от пронизывающего холода, стоял Аксель Стоун. Тяжёлый жилет из цепей и свинца сковывал его движения, каждый грамм металла отзывался болью в измученном теле.

Два амбала, словно каменные изваяния, вжали его в прогнивший борт. Аксель попытался вырваться, но силы покинули его. Удары сыпались градом по лицу, а на лицах палачей играла зловещая ухмылка.

– Последнее слово? – прошипел один из них, Альтет.

Аксель закашлялся, выплёвывая на палубу сгусток крови. Распухшие губы едва слушались:

– Вы арестованы. Имеете право хранить молчание.

– Острый язычок, да?

Новый удар обрушился на лицо. Альтет схватил Акселя за шиворот и сбросил за борт, словно мешок с мусором.

Аксель с глухим плеском рухнул в ледяную бездну. Жилет потянул его вниз, в объятия крошечной тьмы. На глубине пятнадцати футов его ждало песчаное дно. Холод обжигал кожу, в мутной воде почти ничего не было видно. Удар о дно взметнул облако песка, сквозь которое смутно проступали зловещие силуэты.

Наверху, в лодке, Альтет направил луч прожектора в бурлящую воду.

– Устроим ему представление, – прорычал он.

И в тот же миг мрак взорвался светом. Акселя пронзила ледяная волна ужаса.

Боже!

То, что он принял за обломки, оказалось трупами! Десятки, может, сотни мертвецов колыхались в такт течению. На разных стадиях разложения, опутанные такими же цепями, как и он сам. Раздутые, обглоданные рыбами лица, истлевшая одежда, превратившаяся в лохмотья... Некоторые из них – лишь жалкие скелеты.

И среди них... Нора! Она всё ещё была прекрасна, даже в смерти. Ее обнажённое тело белело в свете прожектора, словно мраморная статуя.

Аксель не верил своим глазам. Ужас и отчаяние отразились на его лице. Он отчаянно сопротивлялся.

– Я не умру здесь! – прошептал он, – Только не так..

Над водой, в лодке, палачи следили за дрожащей поверхностью воды, выскивая признаки борьбы.

– Сколько ещё, Мак-Кей? – прошептал Альтет.

Мак-Кей взглянул на цифровой секундомер на запястье.

– Десятая минута.

– И всё ещё барахтается!

Тем временем Аксель, собрав последние силы, пытался освободиться от проклятого жилета. Что-то хрустнуло. Едва слышный стон боли вырвался из его груди. Цепи поддались, ослабли. Но воздух заканчивался. Ещё немного, и он захлебнётся. Все усилия пойдут прахом.

Сбросив жилет, Аксель, не медля, оттолкнулся от тел, бешено работая руками, рвался к спасительному свету поверхности.

Мак-Кей и Альтет, всё ещё глядя за левый борт, не заметили, как из воды, словно взбесившийся демон, вынырнул Аксель. Он вскочил в лодку, словно одержимый, одна рука безжизненно болталась плетью.

Панки опешили, но времени на раздумья у них не было. Прежде чем они успели осознать, что происходит, Аксель обрушился на них, словно карающий ангел. Ярость, вскормленная ненавистью к "Синему Лебедю", к смерти отца, матери, Норы, застила ему глаза. Одним молниеносным движением он свернул шею одному, сломал позвоночник другому.

Затем, из груди Акселя вырвался дикий, первобытный крик – вопль боли и отчаяния, когда он, с силой ударившись плечом о стену рубки, вправлял вывих.

Сбросив тела за борт, Аксель рухнул на палубу, пытаясь отдышаться. Он кричал, раздираемый болью, слёзы градом катились по его лицу.

Так он и пролежал, корчась от боли и терзаясь раскаянием, почти три часа. Лишь когда первые лучи солнца окрасили горизонт, он нашёл в себе силы подняться и продолжить путь.

29 марта
15:12

День Адама Хантера с самого утра покатился в тартарары.

За эти проклятые двадцать четыре часа всё, что только могло пойти наперекос, так и случилось, погружая его и всё дело в зловещую тьму.

Аксель словно испарился. Ночной налёт вооружённых головорезов на его дом не оставил никаких следов, кроме зияющей пустоты. Криминалисты перевернули квартиру вверх дном в поисках хоть какой-нибудь зацепки, но тщетно. Мобильный Акселя молчал, смски оставались без ответа, и Адаму оставалось лишь с ужасом предполагать худшее – похищение или смерть от рук "Синего Лебеда". В любом случае, сейчас, как никогда, было необходимо вырвать с корнем всю верхушку этой змеиной организации и предать их правосудию, пока не пролилась новая кровь.

И словно этого было мало, Лео "Баста" Лопес, ценнейший свидетель, исчез из-под носа самого шефа полиции Уильяма О'Хары, прямо из Центрального управления полиции Лос-Анджелеса. Баста, которого полиция поклялась защищать, был ключом к обвинительному приговору для "Синего Лебеда", и его потеря стала не только сокрушительным ударом по делу, но и обнажила чудовищные прорехи в оперативных возможностях департамента. Федералы требовали немедленных объяснений. Шеф О'Хара хранил гробовое молчание, ожидая результатов внутреннего расследования, но Адам чувствовал, что никто не имеет ни малейшего представления, как Баста мог раствориться в воздухе, находясь под круглосуточной охраной в самом сердце Центрального управления, где постоянно дежурили более сорока офицеров и где сам О'Хара проводил большую часть своего времени. Как такое вообще могло произойти?

Адам знал, что лидер "Синего Лебеда", Люциус Хоук, – продажный полицейский, но чтобы он вот так запросто заявился в Центральное управление и увёл свидетеля из-под носа у всех? Нет, здесь явно что-то нечисто, и единственное объяснение, которое приходило на ум Адаму, – в полиции Лос-Анджелеса гнездится гораздо более глубокая и разветвленная коррупция, чем простое предательство Хоука.

Неужели сам шеф О'Хара замешан в этом?

Неужели он коррумпирован?

Адам отбросил эту мысль как нелепую, отказываясь в это верить. Если это правда, значит, вся полиция погрязла в преступности, а это – верная гибель для города.

Каким бы ни было объяснение, рано или поздно он докопается до истины. Это лишь вопрос времени.

В свете последних событий и исчезновения Акселя, детективы Беллами, Кавана и Мейсон, словно ядовитый плющ, обвивались вокруг капитана Уиндема, требуя вернуть ему дело «Синего Лебеда». Они твердили, что Адаму Хантеру недостаёт остроты клинка и опыта, чтобы орудовать в одиночку.

Адам, разумеется, восстал, как раненый зверь. Уиндэм, уступив напору, позволил ему остаться, но предупредил – ситуация должна измениться, либо, если Аксель будет найден мёртвым, Адама переведут, не оставив ему ни единого шанса.

Кипя от возмущения, Адам, словно выброшенный на берег кит, чувствовал себя бессильным.

Полицейская машина неслась по шоссе в сторону Ла Хабры. Музыка гремела на полную мощность, заглушая гнев. Адам опустил стекло, позволяя горячему дыханию послеполуденного ветра трепать волосы, вдыхая свежесть свободы вместо переработанной духоты кондиционера. Вся эта ситуация вызывала у него тошноту.

Впереди ещё клубился дым информации и обрывков зацепок. После дерзкого налета на наркофабрику на Терминал-Айленде, Виллем Антонио выдал всё: имена, адреса, предприятия, ночные клубы – всю паутину, что плёл «Синий Лебедь». Донован сообщил о предполагаемом убежище Люциуса Хоука в безжалостной пустыне Мохаве. Но пока Аксель не был найден, Адам чувствовал себя связанным по рукам и ногам.

Свернув с шоссе на Эль Травесиа драйв, 1717, Адам увидел Джоди Келли, ждущую у дома. Её улыбка была маяком в этом шторме. Она замахала ему, и он, заглушив двигатель, вышел из машины. Она подошла, чтобы коснуться его губами.

– Добро пожаловать домой, – прошептала она.

Адам ответил на поцелуй, вдыхая её аромат, как исцеляющий нектар.

– Спасибо, ангел. Ты – мое спасение.

– Тяжёлый день?

– Тяжелее не бывает. Расскажу, когда зайдем. Мне нужно сесть.

Вечером Джоди сотворила кулинарное чудо: запеченную рыбу-монаха, туго спелёнутую в копчёный бекон, с лимонным майонезом и нежной спаржей, подавая это великолепие с горячим, дымящимся молодым картофелем. Адам должен был признать, её кулинарные чары были сильнее любых заклинаний. Он поднял вверх большой палец, отдавая кусочек.

– Нравится? – Джоди расцвела улыбкой.

Адам кивнул, не в силах вымолвить слова.

– Божественно. Хрустящая корочка, нежное нутро... восхитительно.

Она хихикнула, озаряя комнату.

– Хорошо. Я рада. Похоже, тебе просто нужно было подкрепиться.

Адам прикончил ужин с жадностью голодного волка, отложив приборы с тихой благодарностью за кулинарные старания Джоди. Без её заботы вечера вновь превратились бы в пиршество картонной пиццы перед мерцающим экраном – быстрое, бессмысленное, лишённое всякой пользы чревоугодие.

– Ты права, – пробормотал он, чувствуя, как пища наполняет его теплом. – Мне это было необходимо.

Джоди доедала последний кусочек, когда тишину дома разорвал оглушительный стук в дверь, заставивший их подскочить.

– Кто бы это мог быть? – удивлённо спросила она, бросив взгляд на настенные часы. Почти половина десятого. Гостей не ждали.

Адам промолчал. Сердце бешено колотилось в груди. Он рывком поднялся со стула и, отбросив все сомнения, метнулся к двери, надеясь вопреки логике увидеть того, о ком отчаянно думал последние дни. Судорожно возясь с замком, он распахнул дверь и застыл в изумлении. Перед ним, словно призрак из ночного кошмара, стоял Аксель Стоун. Лицо, испещрённое багровыми синяками и опухшее до неузнаваемости, джинсы, изорванные в клочья и промокшие насквозь. Он выглядел, как жертва крушения, как человек, которого перемолола безжалостная мельница судьбы.

– Господи, Аксель! – выдохнул Адам, поражённый увиденным. – Где, чёрт возьми, тебя носило?

Он подхватил друга под руку, помогая ему переступить порог, и позвал Джоди, крикнув, чтобы принесла одеяла.

Аксель дрожал всем телом, кожа отливала болезненной бледностью, губы шептали бессвязные обрывки фраз. Было очевидно, что он пережил нечто ужасное. Вопросы придётся отложить.

Джоди, бледная от испуга, принесла два толстых шерстяных пледа и поспешно укутала Акселя в один из них.

Они помогли ему добраться до дивана в гостиной, где он и рухнул, словно подкошенный. Адам поднёс к его пересохшим губам стакан воды, и Аксель жадно выпил её, словно в последний раз. Осушив стакан, он судорожно вцепился в плечо Адама, взгляд его воспалённых глаз был полон отчаяния.

– Всё кончено, – прохрипел он, с трудом выговаривая слова. – Мы должны покончить с этим. Мы должны найти Люциуса Хоука. Это уже не просто личное...

Он закашлялся, задыхаясь, и Адам понял, что каждое слово даётся ему с невероятным трудом.

Адам глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь. Что бы ни случилось с Акселем, это оставило на нём неизгладимый след.

— Не волнуйся, приятель, — заверил он, стараясь говорить как можно увереннее. — Я тоже не прочь испортить планы этому ублюдку.

— Завтра, — прошептал Аксель, в глазах которого мелькнула тень безумия. — Мы покончим с этим завтра.

Прежде чем Адам успел ответить, Аксель захрапел, провалившись в беспробудный сон, словно бегство в забытие было единственным спасением от преследовавших его кошмаров.

14

Пустыня Мохаве
30 марта, 06:15

В предрассветном небе ещё царствовала полная луна, обливая обширную равнину призрачным, бледно-голубым сиянием. Казалось, от этого холод проникал глубже, оседал костяной крошкой под кожей.

"Чёрт, как же холодно," промелькнуло в голове Адама. Дрожь не отступала, несмотря на гудящий обогреватель в полицейском фургоне. Даже Аксель, возившийся с оружием в задней части, казалось, не мог согреться в этом ледяном дыхании пустыни, просачивающемся сквозь тонкую металлическую оболочку.

Впрочем, это было лишь временное испытание. Солнце безжалостно взметнёт температуру до невыносимых девяноста по Фаренгейту уже к восьми утра, и станет только хуже. Нужно было впитать этот холод, пока он ещё давал передышку.

Адам вёл машину, время от времени бросая взгляд на GPS, уточняя их местоположение. Если Донован не ошибся в координатах, цель близка.

Несмотря на полученные раны, Аксель уверял, что готов к бою. Отдохнув, он словно наполнился новой, зловещей энергией, подпитываемой неукротимым желанием завершить начатое. Адам чувствовал, что в нём горит ярость.

Аксель почти не говорил о пережитом, но Адам видел, как глубоко это его потрясло. Жажда мести Люциусу Хоуку и Хаку-Оу стала всепоглощающей, он готов был истощить себя до предела, лишь бы осуществить возмездие.

Адам окинул взглядом бледный, безжизненный пейзаж, бесконечные мили пустоты, проплывающие за окном. Пустынное, Богом забытое место. Дорога, по которой они ехали, представляла собой лишь пыльную колею, уходящую в никуда. Идеальное укрытие для «секретного» логова Хоука.

План казался до смешного простым. Остановить фургон в полумиле от цели, вооружиться до зубов и бесшумно пробраться к убежищу. Освободить Басту, а затем превратить врагов в кровавое месиво. И будут они жить долго и счастливо.

На бумаге всё выглядело как детская сказка. Но сейчас, когда они неслись по замерзающей пустоши, готовясь к смертельной схватке, простота улетучилась, оставив лишь гнетущую тревогу. Предстояло вторгнуться в неизвестное, сразиться с самыми неуловимыми преступниками Западного побережья. Перспектива пугала.

Положительным моментом было то, что к встрече они подготовились основательно. Опыт работы в спецназе научил их главному – в борьбе с отъявленными головорезами огневая мощь решает всё. Помимо стандартных девятимиллиметровых пистолетов с обоймами, у каждого имелись автоматические винтовки М-16 и увесистый довесок из полдюжины осколочных гранат. "На всякий пожарный", – как выразился Аксель.

– Притормози, – голос Акселя, прозвучавший из-за спины, заставил Адама вздрогнуть. Адам сбросил скорость, и фургон пополз медленнее. – Кажется, цель примерно в полумиле к юго-востоку отсюда.

Адам глубоко вдохнул. Аксель, между тем, выхватил одну из винтовок. Адам заглушил двигатель. Час настал. Аксель распахнул боковую дверь, и в лицо ударил ледяной, сухой, пронизывающий ветер.

– Надеюсь, они нам хоть кофе сварили, – с шутливой хрипотцой выдохнул Аксель, выпрыгивая в звенящую тьму и на ходу подхватывая рюкзак. Удивительно бодр для человека, который менее двенадцати часов назад отбивался от смерти. Адам набросил в сумку медикаменты, и, когда он выбрался из машины, Аксель положил ему руку на плечо.

– Готов? – спросил он.

Адам кивнул. – Я с тобой, приятель. Вперёд.

Аксель взял на себя роль ведущего, и они двинулись туда, где, по словам Донована, скрывалось логово Люциуса Хоука. Лёгкой прогулки не предвиделось. Они шли вслепую, практически без плана, не имея ни малейшего представления о том, как выглядит Хоук и какие меры безопасности их ждут. – Кажется, мы немного отклонились, – прошептал Адам, заставив напарника вновь сконцентрироваться. Голос его едва слышался, но ночь была такой морозной и безмолвной, а воздух таким кристально чистым, что каждый его шаг, каждый выдох, казалось, наполняли собой всё вокруг.

Аксель уверенно вёл их сквозь тьму. Как назло, фонарика при себе не оказалось. Даже облачённый в чёрное, он боялся, что их вычислят прежде, чем они доберутся до входа. Донован не потрудился дать им более ясное представление об объекте, ограничившись парой нечётких снимков. Впрочем, при свете лишь полной луны, они бы всё равно не заметили его, пока не столкнулись бы носом к носу...

- Там! - прошептал Аксель и ткнул пальцем вперед.

Прямо перед ними, точно как на снимках, маячил остроконечный выступ скалы, а за ним - вмурованная в камень металлическая дверь.

Аксель ухмыльнулся. Настало время разбудить мистера Хоука.

Чтобы достичь заветной двери, Акселю и Адаму пришлось одолеть добрых тридцать футов скальной породы и взобраться на карниз, в ширину едва ли превышающий шесть футов. Добравшись до него, они на мгновение замерли, ловя ртом воздух.

«Синий Лебедь», очевидно, приложил немало усилий, чтобы скрыть это место от посторонних глаз. Узкая металлическая дверь была замаскирована просто мастерски: краска идеально имитировала фактуру и цвет окружающей скалы, так что распознать ее невооруженным глазом можно было, лишь поймав определённый угол отражения света. Единственное, что выдавало секретное логово - это радиоантенна, едва заметно торчащая над выступом, единственная очевидная нить, связывающая базу с внешним миром.

- Как будешь готов, Акс, - прошептал Адам.

Аксель кивнул и толкнул дверь. Та поддалась без сопротивления. Пригнувшись, он шагнул в низкий пещерный зев, и, пройдя несколько шагов, выпрямился, оказавшись в просторном помещении. Стены и потолок сохранили первозданную каменную фактуру, а вот пол был тщательно выровнен.

Адам осторожно последовал за ним, держа руку на рукояти пистолета, готовый ко всему.

Откуда-то из глубины доносился призрачный свет. Аксель направился к нему, мысленно скрестив пальцы в надежде не угодить в какую-нибудь ловушку. Они обогнули каменный выступ и оказались перед массивными двустворчатыми дверями, над которыми горели две электрические лампы. На каждой из дверей красовалась эмблема «Синего Лебеда», та самая, что красовалась на татуировках членов клуба.

Аксель глубоко вздохнул и распахнул двери. Адам, застывший у него за спиной, едва успел удержать челюсть от падения.

«Словно какой-то безумный кульбит реальности», - подумал Аксель, прикрывая за собой двери. От жуткого, промозглого мрака пещеры, в это место... В это было почти невозможно поверить, столь разителен был контраст, и в то же время, вполне в духе «Синего Лебеда». Поверить, что такая тайная организация способна на подобное.

«Да чтоб меня...», - пронеслось у него в голове.

Перед ними раскинулся вестибюль, воплощение утонченного вкуса и неприкрытой роскоши. В самом сердце его вилась к небесам изящная лестница, увенчанная ослепительной люстрой, чей свет заставлял хрусталь петь.

По сторонам лестницы, словно безмолвные стражи, застыли мраморные статуи в римских тогах. Они возвышались на постаментах, драпированных гобеленами, сотканными из нитей далёких странствий и забытых легенд.

Восьмиугольный зал венчал цилиндрический свод, взметнувшийся на двадцать футов ввысь, где витражи складывались в причудливую мозаику света и тени, рождая фантастические образы.

"Вот это да..." – пронеслось в голове у Адама, пораженного великолепием.

– Ничего себе... – прошептал Аксель, и Адам лишь кивнул, ощущая себя песчинкой в океане избыточной роскоши. Это место скорее походило на пентхаус безумного гения, нежели на секретный объект.

– Я ожидал увидеть бетонную коробку, и не больше, – пробормотал Адам.

Тишину разорвала автоматная очередь. Аксель с молниеносной реакцией повалил Адама на пол, уберегая от смертоносного града пуль.

– Ложись! – рявкнул он.

Из портала в дальнем торце зала вырвалась группа теней в тёмных костюмах. Они открыли шквальный огонь, не обращая внимания на хрупкую красоту интерьера. Аксель и Адам, словно хищники, обнажили оружие, превратив мраморную статую в импровизированный бастион.

Аксель бросил на Адама мимолётный, беспокойный взгляд.

– Я в порядке! – крикнул Адам, когда наступило зловещее затишье. Аксель, словно тень, метнулся в сторону. – Фланг справа, твой! – скомандовал он.

Адам прицелился, выстрелил, моргая от оглушительного грохота. Первая пуля пронзила голову одному, вторая – другому, третья – третьему. Четвёртый был так близко, что Адам ощутил на щеке горячую брызгу крови.

– Идут ещё! – прокричал Аксель, отбрасывая пустой магазин. – Перезарядка!
– Он нырнул за лестницу, с силой бросая пистолет на мозаичный пол, словно швыряя вызов самой смерти. Из-за спины он выхватил M16, щелкнул затвором.

"За тебя, отец ..."

В зверином рыке он бросился в самое пекло битвы. Он сражался, словно одержимый, в исступлении вколачивая свинец в головорезов "Синего Лебеда". Каждый выстрел – проклятие, каждое тело – жертвоприношение его ярости.

Оставшись один, Люциус Хоук, едва видя сквозь пелену гнева, рухнул на викторианский дубовый стул в своих личных покоях.

Его дом... осквернён! Дом, возведённый отцом, да упокоится душа его, ценой невероятных усилий... и вот, в одночасье, какая-то ничтожная горстка полицейских посмела посягнуть на его неприкосновенность, без сомнения, стремясь и его отправить вслед за отцом. Камеры слежения запечатлели картину разрушения: парадный холл изрешечен пулями, архитектурные изыски

превращены в кровавое месиво, лишь королевская лестница упрямо хранила свое величие.

Неотёсанные варвары, чьё невежество непостижимо!

Он, словно бог, наблюдал за агонией своего царства с высоты личной комнаты, и каждый экран монитора вопиюще свидетельствовал о дерзости полиции и жалкой некомпетентности его приспешников. Почти все полегли, остальные бежали, поджав хвосты, как трусливые кролики. Гарсия, жалкий Гарсия, в предсмертной агонии вопил так неистово, что Хаку-Оу, скрепя сердце, вынужден был прервать его мучения.

Люциус, терзаемый отчаянием, сжал кулаки до хруста костей. Его тело – натянутая струна, готовая лопнуть от напряжения. Внезапно, словно из ниоткуда, за спиной возникла тень Хаку. В пучине гнева он даже не услышал его приближения.

– Вам нельзя поддаваться отчаянию, господин, – прозвучал тихий, но уверенный голос Хаку-Оу. – Мы победим. Мы всегда побеждали.

В душе Хоука вскипала черная ненависть к этим двум назойливым копам, осмелившимся запятнать его слабостью.

– Двадцать лет, – пробормотал Хоук, поворачиваясь к Хаку. – Двадцать лет мы хранили эту организацию в тайне. Двадцать лет наше убежище оставалось невидимым для внешнего мира. И вот, спустя всего несколько дней... из-за вопиющей тупости персонала, на которого я так полагался... – Он с отвращением покачал головой. Хаку глубоко вздохнул. – Они заплатят за это, господин. Они на всю жизнь запомнят этот урок.

Люциус, не отрывая глаз, наблюдал, как его верный слуга направляется к двери. – Не подведи меня, – произнес он ледяным тоном.

Хаку молча поклонился и вышел навстречу незванным гостям, словно смерть, идущая на охоту.

Голова Басты раскалывалась. Сознание его блуждало в полудрёме, перескакивая с одного обрывка памяти на другой, пока далёкий звук выстрелов не пронзил тишину, вырывая его из забытья. Ему снился безумный калейдоскоп событий, в который превратилась его жизнь за последние месяцы, и хотя какая-то часть его понимала, что это реальность, она всё ещё казалась слишком дикой, чтобы быть правдой.

Второй залп выстрелов, на этот раз оглушительно громкий, окончательно развеял остатки сна. Что-то явно шло не так. Проблема заключалась в том, что он понятия не имел, где находится; после того, как Хаку-Оу не смог вытянуть из него никакой информации, его увезли в неизвестном направлении с мешком на голове. Полёт на вертолете. Спуск по бесконечной лестнице. Полное неведение...

Земля, казалось, разверзлась под ногами, издав утробный рык, словно где-то взорвалась адская машина. Веки тяжело поднялись, и в мутном сознании

проступили гаснувшие огни верхнего светильника, а затем – пляшущие в зловещей тени толстые прутья клетки, врезающиеся в ночную пелену.

Резкий рывок сотряс его. Оказывается, взрывная волна от зажигательной смеси опрокинула стул, приковав его к липкому, пропитанному грязью полу половиной лица.

И вдруг, словно мираж, возникший из крошечной тьмы, дверь камеры распахнулась. Чья-то рука подняла стул, осторожно освобождая его рот от клейкой ленты.

– Здравствуй, Баста, – голос Акселя Стоуна прозвучал, как долгожданное спасение.

– Детективы! – выдохнул он. – Господи, как я рад вас видеть! Я понятия не имел, что здесь творится! Казалось, будто небо обрушилось.

На лице Адама промелькнула усмешка.

– Кое-кто постарался, – ответил он. – Ну же, давай выбираться отсюда.

Освободив его лодыжки и запястья от скотча, Адам помог Басте подняться. Тот зашевелил онемевшими пальцами, пытаясь вернуть кровообращение.

– А что с Хаку? – обеспокоенно спросил он. – Вы за ним идёте?

– Обязательно спрашивать? – Аксель удивленно вскинул брови.

– Тогда вам лучше поторопиться, – настаивал Баста. – Он был здесь, внизу, с мистером Хоуком несколько часов назад. Я слышал, как они говорили. Сегодня он покидает страну. Что-то о встрече с неким криминальным авторитетом. Что-то о... синдикате...

Аксель лишь загадочно улыбнулся и покачал головой.

– Не волнуйся, Баста. Мы доберёмся до них первыми.

15

Аксель и Адам скользнули в лифте на последний этаж, словно тени. К их изумлению, здесь царил почти звенящая пустота: никакой охраны, лишь бесконечная перспектива коридора.

Коридор, словно музей забытых богов, был уставлен статуями. За поворотом, словно стражи, выстроились окна с тонированным стеклом. Утреннее солнце, прорываясь сквозь них, окрашивало пространство багряно-золотым, с каждой секундой набирая силу.

И тут, словно из ниоткуда, вырос силуэт Хаку-Оу. Безоружный, с лицом, высеченным из камня, он преградил им путь.

Адам вскинул оружие, но Аксель, словно зачарованный змеёй, опустил дуло его пистолета.

— Не сейчас, — прошептал он, голос полон стали. — Он мой.

Хаку едва заметно покачал головой.

— Детектив Стоун, — прозвучал его голос, холодный и ровный, как лезвие катаны. — Не ожидал увидеть вас здесь. Снова.

Челюсти Акселя сжались до боли.

— Я как чёртово эхо, — прошипел он. — Всегда возвращаюсь.

— Неудивительно, что мои люди не смогли тебя прикончить, — усмехнулся Хаку, и в этой усмешке читалось презрение.

— Похоже, «Синих Лебедей» преследует дурная карма, и я здесь, чтобы её исправить.

Кровь вскипела в жилах Акселя, словно лава. Он отбросил пистолет, тот глухо стукнулся о мраморный пол, и сделал шаг вперёд, глядя Хаку прямо в глаза — в самое пекло его души.

— Меня зовут Аксель Тайлер Стоун, — прорычал он, каждое слово — удар молота. — Ты убил моего отца. Ты умрёшь.

— Давай же.

И Аксель сорвался с места, словно дикий зверь, высвобождая всю ту боль, всю ту ярость, что копилась в нем десятилетиями. В голове — лишь обрывки воспоминаний: отец, мать, Нора... Лишь месть, чистая, всепоглощающая.

Он обрушил на Хаку град ударов, вкладывая в каждый удар всю свою ненависть, всю свою скорбь. Если бы у него был пистолет, он бы выпустил обойму прямо в его гнилое сердце, взорвал его изнутри, уничтожил до основания.

Но Хаку двигался с дьявольской грацией, парируя, уклоняясь, блокируя. Мастер, достойный противник даже для Акселя, обладателя черного пояса девятой степени по каратэ и кадзукенбо. Казалось, он играет с ним, словно кошка с мышью.

— Думаешь, твои боевые искусства тебе помогут? — промурлыкал Хаку, и в его голосе звучала насмешка. — Ты ошибаешься, Аксель. Жестоко ошибаешься.

— Это ты ошибаешься, кусок дерьма, убийца! — взревел Аксель, и попытался достать Хаку ударом правой ноги с разворота, но тот снова уклонился, словно призрак. В ответ Хаку обрушил на Акселя сокрушительный удар под дых, выбивая остатки воздуха из лёгких.

Вкус крови наполнил рот Акселя — отголосок звериной мощи, вложенной в движения Хаку.

– Аксель... – Адам рванулся вперёд, но Аксель, сквозь боль, отмахнулся от него.

– Нет, Адам. Это моя битва...

Воспользовавшись секундной заминкой, Хаку-Оу нанёс ещё один, теперь уже разящий удар в лицо, отправляя Акселя в нокдаун. Тот рухнул на пол, из груди вырвался приглушенный стон.

Лёжа на спине, Аксель стиснул зубы, с трудом сдерживая ярость. Взметнувшись на ноги, он вытер кровь, струившуюся по подбородку.

Хаку разразился хохотом, от которого похолодело внутри. – Я убил Локка. Теперь твоя очередь. Иллюзии, будто ты сможешь одолеть меня, оставь при себе! Моя сила безгранична!

Аксель принял стойку сагиаши-дачи, вес тела сосредоточен на левой ноге, правая приподнята и слегка согнута в колене. Малейшее движение – и он готов к броску. – Нет непобедимых, – проговорил он, словно эхо отцовских наставлений, услышанных много лет назад. – Какими бы всемогущими они ни казались.

– Ты так же упрям, как и твой отец, этого не отнять, – процедил Хаку-Оу. – Сдашься сейчас, и я, возможно, сохраню жизнь детективу Хантеру...

– Оставь Адама в покое, – отрезал Аксель. – Это касается только нас... только меня и тебя.

– Как скажешь. Если ты жаждешь вновь ощутить вкус земли, то я охотно помогу. Твоя глупость подписала приговор тебе и твоему другу.

– А вот и нет, убудок! – взревел Аксель и обрушил на противника шквал яростных ударов руками и ногами, с отчаянной надеждой, что его упорство пробьёт брешь в стене невозможного, выведя его на путь триумфа.

Хаку-Оу был воплощением мощи и грации, но Аксель, словно тень, неотступно следовал за ним, парируя каждый выпад, уклоняясь от смертоносных атак.

Словно пробудившийся вулкан, Аксель обрушил на Хаку лавину ответных ударов, мощь которых могла сокрушить скалы.

Адам, стиснув кулаки, был лишь бессильным зрителем. Его сердце рвалось помочь Акселю, объединиться против этого чудовища. Он знал – вместе они бы растоптали Хаку-Оу в мгновение ока. Но Аксель был неумолим. Это был его танец, его десятилетняя одиссея, начатая в день смерти отца.

Хаку попытался нанести подлый удар, но Аксель, словно змея, выскользнул из-под удара, в смертельном пируэте обрушив ногу на лицо противника. Удар был подобен грому – Хаку отшатнулся, сквозь зубы процедив проклятие, признавая силу Акселя.

С яростью берсерка Аксель набросился на него, обрушивая «Сокрушительный удар дракона» – шквал молниеносных атак в лицо. Он выбивал дух из Хаку,

пока тот не начал оседать под градом ударов. Тогда Аксель вложил всю свою ярость в сокрушительный удар правой в грудь.

Раздался жуткий хруст, и поверженный великан рухнул в стену.

— Невозможно... — выдохнул Хаку-Оу, сплевывая кровь. — Ты почти достиг уровня твоего отца... достиг его мастерства. Не только красотой, но и умением ты походишь на него.

Он поднялся, и на его лице застыла зловещая, безжалостная усмешка.

Сарказм сочился из его слов, когда он окинул взглядом израненное лицо Акселя — сеть порезов, кровоподтеков и свежих шрамов. Под глазом алел синяк, губа распухла, а ухо налилось багровой кровью.

— Я не тот слабый мальчишка, которым ты меня помнишь, — прорычал Аксель.

— Это мы ещё посмотрим.

С диким воплем, подобным кличу раненого зверя, Аксель взмыл в воздух, целясь ногой в лицо Хаку. Но тот, быстрее молнии, перехватил его ногу, выкручивая сустав. Аксель закричал от боли, рухнув на спину. Волна воспоминаний о сломанной лодыжке пронзила его сознание.

Хаку-Оу надвигался, словно тень смерти. Мощной рукой он схватил Акселя за светлые волосы, рывком поднимая его на ноги. От адской боли в глазах Акселя заблестели слёзы, но он не мог вырваться из железной хватки. Хаку обрушил удар правой в живот, потом ещё, и ещё. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда он выбивал дух из Акселя, причиняя нестерпимую боль, разрывая внутренности.

Когда Аксель захлебнулся кровью, Хаку одарил его зловещей, торжествующей улыбкой. Но Аксель не был сломлен. Собрав последние силы, он с размаху ударил Хаку лбом в переносицу.

Хаку взвыл от боли и ослабил хватку.

— Я раздавлю тебя, как насекомое! — взревел он, вытирая кровь, хлынувшую из разбитого носа.

Аксель молчал, словно статуя, но внутри клокотал пожар. С яростью берсерка он ринулся на противника, направляя всю свою ненависть в один сокрушительный удар. Правая рука взметнулась вверх, обрушивая апперкот в солнечное сплетение, а затем, словно змея, стремительно взвилась, нанося завершающий удар точно под челюсть. В воздух брызнула алая роса.

— Боооооольшой Апперкооооот!!!!!!!

Хаку рухнул на пол, ошеломленный и дезориентированный яростью обрушившегося на него удара. Он попытался подняться, но поскользнулся в луже собственной крови и снова грянулся на пол, как подкошенный.

— Фирменный прием Локка Стоуна... — просипел он, с трудом находя силы говорить.

Аксель с болезненным удовлетворением смотрел на мучения поверженного врага. В животе ворочалось что-то тёмное и мерзкое. – Правильно, – прорычал он. – Пришло время заплатить за то, что ты сделал с моей семьёй... со мной.

Он поднял правую ногу и обрушил её с чудовищной силой на лицо Хаку, выкрикивая вопль, полный первобытной ярости. Не останавливаясь, он продолжал втаптывать лицо мужчины в окровавленное месиво подошвой своего ботинка.

Адам отвернулся, не в силах вынести эту чудовищную сцену. Череп Хаку-Оу был раздроблен в результате неистовой атаки Акселя. Его хриплый крик перешел в булькающее клокотание, а затем стих навсегда. Когда последние силы покинули Акселя, он рухнул на колени, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Адам глубоко вздохнул и кивнул, едва сдерживая собственные слёзы. Аксель наконец отомстил за смерть отца. Впереди долгий путь исцеления, но Адам верил, что время и профессиональная помощь помогут ему стать сильнее.

Аксель завыл, как раненый зверь. Вместо триумфа и облегчения, смерть Хаку-Оу оставила лишь зияющую пустоту, сменившуюся черной бездной отчаяния и печали. – Я убил его ради тебя, отец! – прокричал он в пустоту, лицо исказилось гримасой боли. – Но почему же мне так плохо?

Адам сглотнул ком в горле и подошел к другу, помогая ему подняться на ноги. – С мстью трудно жить, Аксель, – тихо сказал он. – Убийство Хаку не вернет твоего отца.

Аксель шмыгнул носом, вытирая кровь и слезы, пытаясь собраться с силами. – Нет... Ничто не вернет его. Но это... – Он указал на останки Хаку-Оу. – Это должно было случиться. Ради меня... и ради Эмбер.

Адам понимающе кивнул. Он мог лишь представлять, какая буря эмоций сейчас бушует в душе Акселя. Он глубоко вздохнул. – Ладно, это ещё не конец, – сказал он, стараясь придать голосу уверенность. – Пошли отсюда. Мистер... Хоук ждёт нас.

Люциус Хоук, откинувшись в кресле, затягивался очередной тонкой сигарой, когда в комнату ворвались Аксель Стоун и Адам Хантер, с пистолетами наготове.

– Люциус Хоук, – процедил Аксель, направляя оружие на цель. – Вы арестованы.

Хоук ослабилась, когда они приблизились. Два ствола смотрели на него, словно голодные глаза хищников. Одно неверное движение – и свинец разорвёт тишину, в этом он не сомневался.

– Ну что ж, вы и впрямь сюда добрались, – протянул он, затягиваясь сигарой, словно высасывая из неё последние мгновения покоя. Пепел упал на землю, когда он, с неохотой, погасил её.

– Вы проявили завидную настойчивость, преследуя меня. Похвально, право слово. Убивать вас было бы непростительной расточительностью. Не желаете ли стать моими телохранителями? – Он выпустил в воздух задумчивое облако дыма.

Адам передёрнул затвор пистолета, звук лязгнувшего металла эхом прокатился по напряжённой тишине, и провёл пальцем по холодному спусковому крючку.

– Твой час пробил, Хоук. Прими это. Сдавайся, и мы избежим лишней крови.

Улыбка Хоука, казалось, расплзлась по лицу зловещей трещиной. Усмехнувшись про себя, он прошипел:

– Вы жаждете смерти, не так ли? Что ж, я с радостью вас ею одарю.

И словно молния, он сорвался с места, обрушившись на Адама, ошеломив его своей дикой скоростью. Гроыхнул выстрел – кажется, пистолет Адама выстрелил сам, в суматохе. Хоук обрушил град ударов на лицо Адама. Он зарычал, словно раненый зверь:

– Я уничтожу вас, выскочки, лезущие не в своё дело!

– Чёрт! – выплюнул Аксель. Прицельный выстрел из M16 был невозможен; любой выстрел сейчас, скорее всего, угодил бы в Адама, а он не желал причинять ему вред.

Хоук перекатился, выхватил пистолет Адама, вскочил на колени и направил его на Акселя –

– и Аксель рухнул на землю в ту же секунду, когда Хоук нажал на курок. Не давая ему передышки, Хоук выслеживал движения Акселя в прицеле, выжидая момент, когда тот замрёт, и тогда...

Бах!

Пуля прошла плоть между правым бицепсом и плечом Акселя. Кровь хлынула фонтаном. Аксель издал утробный крик и рухнул на землю, словно подкошенный.

– Нет! – взревел Адам, бросаясь на Хоука. Ярость обжигала его изнутри. Он обрушил кулаки на лицо криминального авторитета, затем нанёс еще несколько ударов в живот.

Аксель сплюнул кровь, собираясь с силами. Он чувствовал, что уже должен быть мёртв, учитывая полученные раны, но он стоял – всё ещё сражаясь. Он знал, что позже расплата настигнет его в виде адской боли, но сейчас адреналин, словно наркотик, бурлил в его венах, даруя ему безумную силу берсерка.

Адам повалил Хоука на пол, сумев вырвать пистолет из его рук. Ещё удар, и костяшки Адама захрустели о лицо Хоука.

Аксель потянулся к пистолету Адама. Он направил его на Хоука.

– Адам! – заорал он. – Уйди!

Адам отпрянул в сторону, освобождая линию огня.

Хоук сплюнул кровь, готовясь к атаке –

– и Аксель всадил пулю ему в левую ногу, а затем и в правую.

Хоук издал мучительный вопль и скрючился, словно младенец в утробе, обхватив себя за ноги в агонии.

– Нет! – в отчаянии выдохнул он, озираясь по сторонам. Безумным усилием попытался дотянуться до брошенной рядом «М16» Акселя, но мышцы на руках предательски взвыли, разрываясь от перенапряжения. Боль скрутила его, выбросив на пол.

– Как я и сказал, – произнес Аксель, его голос был холоден, как сталь. – Ты арестован. С "Синим Лебедем" покончено.

– Может быть, – прохрипел Хоук, – но тебе никогда не одолеть Синдикат, которому я служу.

На лице Акселя пролегла тень сомнения.

– О чем ты? Какой еще синдикат?

В уголках губ Хоука заиграла зловещая улыбка.

– Неужели ты не знал? "Синий Лебедь" – всего лишь вспомогательное звено... одна из бесчисленных организованных банд, образующих единую, чудовищно разросшуюся структуру, известную как Синдикат. Его шупальца пронизывают всё... вашу полицию, мэрию, Министерство юстиции, само федеральное правительство. Даже президент Соединённых Штатов... ест с руки Большого Босса Синдиката. Я всего лишь пешка, ничтожный винтик в этой машине. Даже если ты уничтожишь меня, Синдикат останется непобедим.

В голове Акселя вихрем проносились противоречивые мысли. Ложь? Отчаянная попытка запутать его?

– Ты лжёшь, – твердо сказал он.

Хоук расхохотался, и этот смех, полный яда и презрения, обжег Акселя.

– Можешь тешить себя иллюзиями, если хочешь. Но запомни мои слова, детектив. Синдикат... существует. И если ты сейчас наденешь на меня эти браслеты, Босс позаботится о том, чтобы я избежал правосудия. Его власть безгранична.

— Сомневаюсь, — ответил Адам, защёлкивая наручники на запястьях Хоука. — За всё это ты получишь как минимум двадцать лет. Доказательства говорят сами за себя. Ни один судья или присяжный не проявит снисхождения, особенно когда дело касается "Синего Лебеда".

— Посмотрим, детектив. Посмотрим..

16

Две недели спустя

В зале №3 уголовного суда Лос-Анджелеса Аксель Стоун томился в предвкушении. Не просто правосудия — возмездия. Двадцать пять лет этот человек плёл паутину злодеяний от имени зловещей организации "Синий Лебедь", и вот теперь час расплаты настал.

Судья Макбрайд, чьё лицо казалось высеченным из гранита, демонстративно засучил рукава чёрной мантии, словно намеревался собственноручно покарать Люциуса Хоука. Тот стоял перед скамьёй подсудимых, закованный, но взгляд его оставался непроницаемым. В зловещей торжественности этого момента чувствовалась фальшь, едва уловимая, но отчётливо ощутимая Акселем.

— Вы вели преступную жизнь, достойную презрения, — отрезал судья, словно бросая в Хоука камень.

"Да, — подумал Аксель, — как зверь. Он хладнокровно убил моего отца, не задумываясь о боли, которую причинит нашей семье. И это лишь верхушка айсберга: отмывание денег, торговля оружием, похищения, вымогательства, десятки трупов, скормленных морским водам..."

Мсть за смерть Локка Стоуна и Норы свершилась в пустынной крепости Хаку-Оу, но истинное правосудие должно было восторжествовать здесь, в зале суда, где главарь "Синего Лебеда" получит по заслугам. Люциус Хоук.

Судья продолжал, словно читал заранее заготовленный текст: — Деяния вашей организации ужасны, и вам, можно сказать, повезло, что вы лично не принимали участия в этих злодеяниях. Иначе я бы отправил вас за решётку на куда более долгий срок. — Он сделал паузу, скользнув лукавым взглядом из-под нависших бровей в сторону бледного Акселя, затем демонстративно перевёл взгляд на стопку отчётов об испытательном сроке. Нахмурившись и пожав плечами, словно нехотя уступая давлению обстоятельств, Макбрайд огласил приговор: — Принимая во внимание безупречную характеристику, ваши заслуги на посту лейтенанта полиции, примерную семью и тот факт, что закон, в своей величии, чужд мести, приговариваю вас к трём годам тюремного заключения условно.

Лишь годы, проведенные в маске профессионального траура, позволили Акселю скрыть клокочущее разочарование и гнев. Его отца убили, а этот мерзавец разгуливает на свободе? Даже после обличительных показаний Басты? Всё это — чудовищный фарс. Он видел, как Виллем Антонио и другие приспешники окружили Хоука, расплываясь в довольных улыбках.

К горлу Акселя подступила горечь. Что-то здесь было не так. Неужели коррупция проникла в самые корни системы правосудия, как и обещал Хоук? Или за кулисами действительно действовал таинственный синдикат, чей невидимый босс дергал за ниточки, словно призрачный кукловод?

Хоук прошествовал мимо, опираясь на элегантную трость, каждое его движение дышало уверенностью и неприкрытой властью. Недавние огнестрельные раны, изрешетившие ноги, казалось, лишь подчёркивали его нестигаемую волю. Улыбка играла на его губах – спокойная, надменная, а взгляд, брошенный Акселю, сочился торжеством победителя.

Аксель прожигал его спину взглядом, челюсти судорожно сжались. Всю свою жизнь, впитанную в американскую землю, он верил в незыблемость закона и порядка – в краеугольный камень своего благополучия. Теперь же его разум пылал ненавистью, разъедающей душу. Перед внутренним взором вспыхивала картина – он, выхватывающий пистолет, Хоук, падающий под градом пуль прямо в зале суда... Обернувшись к Адаму и Тине, он прошипел сквозь зубы: – Они выставили нас полными идиотами.

Голос сорвался, уступив место зловещему молчанию. Но решение уже созрело, проросло сквозь страх перед последствиями.

– Во имя справедливости... во имя попорченной чести... мы должны найти и уничтожить этот Синдикат, – провозгласил он, и в словах его звучали лёд и ярость.

Центральный отдел полиции Лос-Анджелеса
Деловой центр Лос-Анджелеса
17 апреля, 09:04

Шеф полиции Уильям О'Хара, довольный, просматривал отчёты, лежавшие на его столе как трофеи. Остановившись на ярком, написанном от руки отчёте капитана Джека Уиндэма, где во всех красках описывались напряженные недели работы и неутолимая настойчивость подчинённых, он поднял глаза. В этот самый момент, словно повинувшись сценарию, в кабинет вошли те самые детективы, Аксель Стоун и Адам Хантер. На их лицах читалось напряжённое ожидание.

– Доброе утро, детективы, – приветствовал их О'Хара с неприкрытым энтузиазмом. – Входите-входите. Присаживайтесь же.

Аксель и Адам опустились на скрипучие пластиковые стулья напротив массивного антикварного стола шефа. Они понятия не имели, зачем их вызвали из Вэлли-бюро, что на другом конце города. Личная встреча с шефом такого ранга была для них в новинку, и в голове вертелись самые разные догадки. Слухи о крутом нраве О'Хары ходили по всему управлению – поговаривали, он отправлял провинившихся офицеров прямоком в кутузку после выговора. Аксель похолодел – похоже, они влипли...

– Что за мрачные лица, детективы? – улыбнулся О'Хара, словно прочитав их мысли. – Расслабьтесь. Никаких неприятностей. Напротив, я слышал о вас только хорошее...

- Правда? - недоверчиво уточнил Адам, слегка приободрившись.

О'Хара энергично кивнул. - Я впечатлен тем, как вы раскрутили дело банды "Синего Лебеда". Продemonстрировали мастерство, профессионализм и преданность делу, которые, признаться, не часто встретишь в нашем департаменте. Мне редко выпадает честь общаться с полицейскими вашего уровня...

Аксель едва заметно ухмыльнулся. - Спасибо, сэр. Только меня немного расстраивает, что Люциус Хоук отделался условным сроком...

О'Хара развел руками. - Да, понимаю ваше разочарование. И окружной прокурор с вами согласен. Но последнее слово в таких делах - за судьёй, а судья Макбрайд, как известно, один из самых уважаемых судей Лос-Анджелеса...

"И самых коррумпированных", - мысленно добавил Аксель. - Где сейчас Хоук? - спросил он вслух.

- Последнее, что мы слышали - он покинул страну, - нахмурившись, ответил О'Хара. - В последний раз его видели садящимся на рейс до Панамы. Не думаю, что мы увидим его снова. Если и всплывёт - это уже дело Интерпола.

Выражение лица Акселя помрачнело. - По крайней мере, мы пресекли деятельность «Синего Лебеда» здесь, на Западном побережье.

- Именно, - согласился О'Хара. - Что подводит меня к причине, по которой я вызвал вас сюда сегодня. Я хочу, чтобы вы оба перешли в Центральный отдел. Работали непосредственно на меня.

Адам не мог поверить своим ушам. - Вы серьёзно, шеф?

О'Хара коротко кивнул. - Совершенно верно. Вы оба получаете повышение до сержантов, приказ вступает в силу немедленно. Мне нужны вы в непосредственном подчинении. Займитесь тем, чтобы выкорчёвывать самые гнойные язвы, что разъедают этот город.

Аксель вскинул брови, удивленный таким поворотом. - Ого! Это... честь, сэр. Для меня будет большой честью работать с вами в Центральном офисе.

О'Хара расплылся в довольной улыбке. - Превосходно, - произнес он. - Мне будет гораздо спокойнее, зная, что за моей спиной стоят такие матёрые волки, как вы.

Бар Космо
Деловой центр Лос-анджелеса
20:20

Адам, Аксель и Тина чокнулись кружками, янтарное пиво плеснулось, отражая свет бара.

— За повышение! — провозгласил Адам. — И за возможность надрать задницу кое-кому, кто этого заслуживает!

Осушив кружки, Тина поставила свою на стол с чуть слышным стуком.

— Поздравляю ещё раз, парни! До сих пор не верится, что мой братишка теперь сержант. Это круто! А уж учитывая, что Центральный вокзал прямо под боком у моей танцевальной студии... Теперь вам от меня не отделаться, да? — она заразительно рассмеялась.

Аксель тепло улыбнулся ей в ответ.

— Жаль, что мамы и папы нет рядом. Они бы гордились тобой. Безумно гордились.

Тина кивнула, её глаза на мгновение наполнились грустью.

— Ты прав, Аксель. И тобой бы гордились. Их нет уже восемь лет...

Она повернулась к Адаму.

— А ты родителям сказал? Как они отреагировали?

Адам отпил пива и кивнул.

— Да, сегодня днём. Мать была в восторге, чуть ли не чечётку от радости отбивала. Отец... ну, он был доволен, вроде. Его всегда сложно понять.

— Подростки, — Аксель покачал головой, притворно сокрушаясь. — Что с них возьмёшь?

Все трое рассмеялись.

— Кстати, рад тебя видеть, Тина, — сказал Адам. — Тот факт, что ты предпочитаешь пиво, говорит о многом в твою пользу.

— Я никогда не была пай-девочкой, — парировала она. — Пиво всегда предпочту вину. — Она подмигнула ему. — Можешь звать меня Эмбер.

Тон Акселя внезапно стал серьёзным.

— Только вот всё это омрачается слухами об этом чертовом синдикате.

— Знаешь, до сих пор нет никаких веских доказательств слов Люциуса Хоука, — заметил Адам. — Он вполне мог лгать. Подстава какая-то.

Аксель покачал головой и, задумчиво оглядевшись, заметил парочку панков, страстно целующихся в углу бара.

— Не думаю, — возразил он. — В его показаниях было что-то... нескладное. Да и как Баста умудрился сбежать из Центрального участка в тот день? Якобы кто-то подошёл сзади и вырубил его. Как такое можно не заметить в окружении сорока копов? Слишком много совпадений, слишком много вопросов без ответов. Боюсь, Хоук был прав. Коррупция проникла гораздо глубже, чем

мы думаем. Нам придется действовать чертовски осторожно, если мы хотим выследить эту змею и перерезать ей глотку.

Тина сделала большой глоток пива.

– Звучит так, будто у вас полно работы.

Аксель кивнул, мрачно глядя в свою кружку.

– Это ещё мягко сказано. Таких типов за один день не выловишь, сестренка. Это будет долгая и грязная игра.

Адам осушил стакан, оставив на столе лишь мокрое пятно и эхо янтарного напитка.

– Да, это так, – выдохнул он. – Ни единой зацепки, ни следа, за который можно было бы ухватиться. Тупик. Но сколько бы времени это ни заняло, мы их достанем. Если они существуют, то они – словно метастазы рака, разъедающие сердце города. И эта гниль должна быть вырвана с корнем, чтобы на этих, пропитанных яростью улицах, наконец, воцарился мир.

– ЭПИЛОГ –

Три года спустя

2 апреля 2015 года

Сержант Аксель Стоун, утонув в рутине отчётов и цифр, механически вбивал данные в компьютер, когда пронзительный трезвон телефона разорвал тишину кабинета.

– Слушаю, – буркнул он в трубку.

На другом конце провода зазвучал взволнованный голос Адама Хантера, его напарника: – Аксель, ты не поверишь! Кажется, мы попали на след неуловимого Синдиката.

Аксель, словно очнувшись от спячки, облизнул пересохшие губы. – «Синдикат?» – эхом повторил он, чувствуя, как в душе пробуждается давно забытый азарт. – Да о них три года ни слуху ни духу.

– Похоже, у нас кое-что есть, – сдержанно ответил Адам. – Анонимка. Но кое-что из того, что наговорил этот тип, похоже на правду. Если это не блеф, то у нас на руках первое реальное доказательство их деятельности здесь, в Лос-Анджелесе. И, похоже, правительство в этом замешано.

Аксель шумно выдохнул, откидываясь на спинку кресла. Звучало интригующе. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но надежда, как искра, затеплилась в его сердце.

– Я весь внимание...

– Дело связано с одной девушкой...

- Девушкой?

- Да. Слышал что-нибудь о психиатрической лечебнице Эджмонт?